

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан

УДК 323.285:341.48 (4)

На правах рукописи

АЙТЖАНОВА ДИНАРА АМАНГЕЛЬДИЕВНА

**Опыт европейских стран в противодействии
религиозному экстремизму**

6D020200 – Международные отношения

Диссертация на соискание степени
доктора по профилю

Научные консультанты
кандидат политических наук,
А.К. Утарбаев
доктор PhD
А.Н. Оспанова

Республика Казахстан
Нур-Султан, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОПРЕДЕЛЕНИЯ	5
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	9
ВВЕДЕНИЕ	10
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА	20
1.1 Понятие радикализма и экстремизма. Сущность и содержание.....	20
1.2 Исторические предпосылки возникновения исламского экстремизма	33
1.3 Религиозный (исламский) фактор в современной мировой политике	43
Выводы по первому разделу.....	55
2 ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ	59
2.1 Подходы к противодействию исламскому экстремизму в европейских странах.....	59
2.2 Вызовы и угрозы религиозного радикализма национальной безопасности современных социумов: на примере Великобритании и Германии.....	75
Выводы по второму разделу.....	87
3 РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАДИКАЛИЗМУ	94
3.1 Опыт противодействия религиозному экстремизму в Германии и Великобритании.....	94
3.2 Имплементация зарубежного опыта противодействия религиозному экстремизму в Казахстане.....	118
Выводы по третьему разделу.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	146
ПРИЛОЖЕНИЯ	162

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:

Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года № 31-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.05.2020).

Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2005 года № 36 «О государственном социальном заказе, грантах и премиях для неправительственных организаций в Республике Казахстан».

Закон Республики Казахстан от 10 июля 2009 года № 178-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информационно-коммуникационных сетей».

Закон Республики Казахстан от 8 января 2013 года № 63-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия терроризму».

Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 года.

Указ Президента Республики Казахстан от 6 августа 2014 года № 875 «О реформе системы государственного управления Республики Казахстан».

Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124 «Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы».

Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы.

Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы от 6 марта 2020 года № 280.

Стратегия «Казахстан – 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства.

Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 31 января 2017 года «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность».

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2011 года.

«Prevent Strategy» Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty, June 2011.

The Federal Government Strategy to Prevent Extremism and Promote Democracy, passed by the German Cabinet on July 13, 2016.

Конституция Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года.

Уголовный кодекс ФРГ.

«Anti-terrorism, Crime and Security Act 2001», UK Public General Acts.

The United Kingdom's Strategy for Countering International Terrorism, March 2009. Presented to Parliament by the Prime Minister and the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty.

Программа сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020-2022 годы от 11 октября 2019 года.

План мероприятий по реализации Программы «Рухани жаңғыру».

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями:

Аль-Каида – одна из самых крупных ультрарадикальных международных террористических организаций.

Авраамические религии – религии, в основу учения которых положены идеи пророка Авраама (иудаизм, христианство, ислам).

Адепт – сторонник, последователь определенного (в том числе и религиозного) учения.

Ансар аль-Ислам – исламистская организация, действующая преимущественно в Южном Курдистане, союзник ИГИЛ.

Аят – часть суры (главы) Корана, представляющая собой законченную мысль, мельчайшая структурная единица Корана.

Братья-мусульмане – международная религиозно-политическая ассоциация, основанная в 1928 году, идеология – исламский фундаментализм.

Ваххабизм (от араб.) – это течение в исламе, сформировавшееся в XVIII в. в Центральной Аравии. Названо в честь шейха Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703-1787). Главный догмат ваххабитов – вера в единого Бога. Ваххабиты полагают, что чистый ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда, и отвергают последующие новшества как привнесенную извне ересь.

Джамаат (от араб. «общество», «коллектив», «община») – объединение мусульман на пути постижения ислама ради общей цели, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой.

Джихад (от араб. «усилие») – достижение определенной цели, итога или для какого-либо дела использование всей силы, воли, старание, борьба. Неправильно понимать джихад как призыв к войне. Несмотря на то, что в Коране слово «джихад» встречается в 35 местах, только в четырех местах его значение действительно связано с военными действиями. Само же понятие войны в Коране определяется понятиями «харб», «мухараба», «маграка», «китал». Джихад в форме войны возможен только в том случае, если все дипломатические попытки решения конфликта исчерпаны и переговоры невозможны, во имя защиты родины объявляется джихад.

Догмат – положения вероучения, объявляемые непреложными истинами, не подлежащими критике.

Иезуиты – Общество Иисуса, мужской духовный орден Римско-католической церкви.

ИГИЛ – международная исламистская суннитская экстремистская террористическая организация.

Каноническое право – совокупность норм, изданных церковными властями и содержащихся в церковных канонах, правила, относящиеся к устройству церковных учреждений, взаимоотношениям церкви и государства, а также жизни членов Церкви.

Кяфир (от араб.) – неверующий человек, который не верит в Аллаха и не считает Мухаммеда его последним посланником.

Мазхаб (от араб. «*путь*», «*школа*», «*направление*») – религиозно-правовые школы в суннитском исламе (всего их четыре – ханафитский, маликитский, шафиитский, ханбалитский).

Моджахед – участник джихада. Моджахед – это не только воин, но также любой мусульманин, чья борьба укладывается в причинные рамки одного из определений джихада.

Ортодоксия (от греч. «*прямое мнение*», «*правильное учение*», «*правоверие*») – твердая приверженность традициям, основам какого-либо учения, мировоззрения, полностью исключая даже незначительное отклонение.

Пассионарность – непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки.

Пенитенциарный – связанный с наказанием, преимущественно уголовным.

Реформация – религиозное и общественное движение в Западной Европе в XVI в., приведшее к формированию протестантизма.

Салафизм – движение в суннитском исламе, объединяющее мусульманских религиозных деятелей, которые в разные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков.

Секта (от лат. «*школа*», «*учение*») – особый тип религиозного объединения, возникший в качестве оппозиционного по отношению к основному (доминирующему) религиозному направлению. Для сект характерны изоляция от общества и претензия на исключительность доктрины, идейных принципов, ценностей.

Секуляризация – снижение роли религии в обществе, переход к светской модели общественного устройства, которая базируется на нерелигиозных нормах.

Суннизм/сунниты – одно из направлений ислама. Последователи сунны наряду с Кораном признают хадисы Пророка и религиозные принципы его последователей.

Сура (с араб. «*часть*») – в исламе название каждой из 114 глав, на которые делится текст Корана.

Суфизм – термин происходит от арабского – «суф», что буквально означает слово «шерсть». Поэтому суфиями называли средневековых ученых ислама, которые в своей повседневной жизни носили одежду из шерсти.

Талибан – исламистское движение, зародившееся в Афганистане среди пуштунов в 1994 году.

Талион – категория юриспруденции и морали, также известное как равное возмездие.

Таухид – принцип единобожия в исламе.

Трансцендентность – то, что принципиально недоступно опытному познанию, выходит за пределы чувственного опыта.

Устаз – духовный наставник.

Фетва (от араб. «объяснение») – богословско-правовое заключение и решение, сделанное для разъяснения и применения какого-либо предписания шариата.

Фракция Красной Армии (Rote Armee Fraktion) – немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968-1998 годах.

Фундаментализм – собирательное наименование крайне консервативных религиозных, философских, моральных и социальных течений. Фундаментализм часто является политической реакцией на протекающие в современном обществе процессы глобализации и секуляризации.

Хадис (от араб. «рассказ») – передаваемое со слов очевидца сообщение о том, что сказал, сделал или одобрил пророк Мухаммед. Собрание хадисов – Сунна.

Харизматический культ (харизматическая группа) – одна из разновидностей нетрадиционной религии. Создается на основе объединения последователей и приверженцев определенной личности – вожака, вождя, лидера, признающий себя и признаваемый другими в качестве носителя особых божественных качеств (харизмы).

Хиджра (от араб. «переселение») – мусульманское летоисчисление, ведущее отсчет с переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 г. по григорианскому календарю).

Халифат – первоначально, арабо-мусульманское государство, созданное пророком Мухаммедом и впоследствии возглавляемое халифами («заместителями, наследниками»), а также система теократического исламского государства.

ХАМАС – палестинское исламистское движение, правящее в секторе Газа (с июля 2007 года).

Хариджиты – первая в истории ислама религиозно-политическая группировка, обособившаяся от основной части мусульман.

Хезболла – военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана.

Хиджаб – (в исламе) любая одежда от головы до ног, также под хиджабом понимают традиционный арабский женский головной платок.

Хизб ут-Тахрир аль Ислами – международная панисламистская политическая партия, основанная в 1953 году в Восточном Иерусалиме.

Шариат – свод законов, юридических и теологических предписаний ислама, основанных на Коране и Сунне, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности, а также государственные, уголовные и брачные правовые нормы мусульман.

Шахид (от араб.) – название «шахид» используется по отношению к человеку, умершему во имя защиты ценностей своей религии, Родины, совести

и семьи во имя Аллаха. Совершение самоподрыва под прикрытием псевдорелигиозной идеологии не является шахидством, а напротив, является тяжелым грехом – преступлением. В исламе совершение акта-самоподрыва называется «интихар». Использование понятия «шахид» по отношению к боевикам, совершающим террористические акты, является крайне ошибочным.

Шейх (от араб. «глава», «старейшина») – почетное звание наиболее известных и авторитетных суннитских и шиитских богословов, знатоков и преподавателей религиозных дисциплин, людей известных своим благочестием.

Шиизм – одно из направлений в исламе. Первоначально сформировалось в виде политической партии. Шииты не признают Сунну и имеют собственное предание.

Экуменизм (от греч. «обитаемый мир») – движение за всемирное христианское единение. В более узком и общепринятом значении – движение за лучшее взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий. В широком смысле экуменизмом называют учение о возможном объединении всех религий в некое новое вероучение.

Эсхатологический – (греч. «конечный, последний») система религиозных взглядов и представлений о конце истории, искуплении и загробной жизни.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

GIZ	– Платформа для оценки и анализа пропаганды экстремизма в социальных сетях и интернете Федерального управления по защите Конституции Германии
ISAF	– Международные Силы Содействия Безопасности (International Security Assistance Force)
RAF	– Фракция Красной Армии (Rote Armee Fraktion)
RAN	– Сообщество осведомленности о радикализации (Radicalisation Awareness Network)
АдГ	– Альтернатива для Германии
АТЦ	– Антитеррористический центр
ЕС	– Европейский союз
ИГИЛ	– Исламское государство Ирака и Леванта
ИСМГ	– Исламское сообщество «Милли Гёрюш» (Islamische Gesellschaft Milli Görüs)
КНБ	– Комитет национальной безопасности
МВД	– Министерство внутренних дел
МИОР	– Министерство информации и общественного развития
МЮ	– Министерство юстиции
НАТО	– Североатлантический Альянс
НПО	– Неправительственные организации
ООН	– Организация Объединенных Наций
РК	– Республика Казахстан
РПНСД	– Русское Православное Национал-Социалистическое Движение
СМИ	– Средства массовой информации
СНГ	– Содружество Независимых Государств
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
США	– Соединенные Штаты Америки
УК ФРГ	– Уголовный кодекс Федеративной республики Германия
ФРГ	– Федеративная Республика Германия
ЦАР	– Центральноазиатский регион
ЮНЕСКО	– Специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования связана с тем, что современная эпоха ознаменовалась доминированием так называемой западной цивилизации. Государства Европы, США и другие развитые страны, в силу выгодного географического положения и благоприятно сложившихся исторических обстоятельств, достигли серьезных экономических, политических, военных преимуществ перед другими странами, что обусловило их влияние на мировое сообщество в различных сферах. Одними из сильнейших европейских государств в экономическом и политическом плане являются Германия и Великобритания. Именно этим было обусловлено обращение в данной работе к опыту этих стран. Сложившаяся в XX веке гегемония западной цивилизации и ее агрессивная внешняя политика способствовали длительной экономической, политической и культурной экспансии Запада на весь остальной мир. Запад навязывал другим странам свое видение по многим вопросам, в том числе и некоторым религиозным ценностям, и нормам. Такое многолетнее доминирование, в конечном счете, вызвало обратную реакцию и способствовало росту национального и религиозного самосознания, а также стало одним из факторов, повлиявших на активизацию религиозного радикализма и экстремизма.

Начало XXI века охарактеризовалось возрождением религии, усилением влияния исламского фактора на международной арене. Инициированная западными странами глобализация, проводимая вместе с ней экономическая и культурная экспансия вызвали ответную реакцию в странах мусульманского мира. При этом осуществляемые под предлогом распространения демократии и защиты прав человека действия Запада, стали расцениваться как политика продвижения своих интересов и укрепления стратегических позиций в важных регионах. Сложившиеся обстоятельства стали благоприятной почвой для зарождения и развития религиозно-мотивированного экстремизма в мусульманских странах.

Возникший в сложившихся обстоятельствах религиозный экстремизм и его более опасное явление – терроризм стали острыми дестабилизирующими факторами мировой экономики и политики, в целом международного сообщества. По своей сути религиозный экстремизм, вырастающий на чувстве несправедливости существующего миропорядка, стал инструментом в руках определенных политических сил. Прикрываясь религиозными догмами и используя радикальную риторику, эти силы разжигают религиозную ненависть и вражду, призывают к насильственному изменению существующего конституционного строя и политической системы той или иной страны для установления теократического государства. Религиозно-политический экстремизм отвергает любые компромиссы и возможность мирного разрешения противоречий, а его последователи отличаются крайней нетерпимостью по отношению к тем, кто не разделяет их взгляды, в том числе своим единоверцам.

Для Казахстана, как и для остальных центральноазиатских республик, наибольшую актуальность представляют вопросы, связанные с

распространением в регионе идеологии и практики религиозного экстремизма под влиянием внешних сил. Исходя из своих геополитических интересов, некоторые международные игроки намеренно дестабилизируют социально-экономическую и политическую ситуацию в центральноазиатском регионе. Обострение ситуации в ЦАР происходит посредством распространения радикальной идеологии, манипулирования национальными и религиозными чувствами местного населения.

На основании изложенного **целью** диссертационной работы является исследование теоретико-методологических основ религиозного экстремизма и особенностей его развития в европейских странах, а также политика противодействия религиозному экстремизму на примере Германии и Великобритании.

Заявленная цель требует решения следующих **задач**:

- определить сущность и содержание понятий радикализма и экстремизма;
- проанализировать предпосылки распространения религиозного радикализма и экстремизма;
- раскрыть религиозный (исламский) фактор в мировой политике;
- изучить подходы европейских стран (на примере опыта Германии и Великобритании) в противодействии религиозному радикализму и экстремизму;
- разработать предложения по имплементации зарубежного опыта противодействия религиозному радикализму и экстремизму в Казахстане.

Объектом исследования является политика европейских стран, а также Республики Казахстан по профилактике и противодействию религиозному экстремизму.

Предметом исследования является опыт европейских стран, в частности, Германии и Великобритании в профилактике и противодействии религиозному экстремизму.

Гипотеза исследования. Предполагается, что игнорирование религиозного фактора в ходе экспансии западной культуры на «мусульманский мир» способствовало накоплению противоречий и стало одной из причин распространения радикальной идеологии в исламском мире. При этом, несмотря на разность культур коренного населения и прибывающих мусульман, программы противодействия религиозному экстремизму, реализуемые в европейских странах имеют положительные результаты и этот опыт может быть адаптирован для Казахстана.

Степень научной разработанности. Тема диссертационного исследования носит междисциплинарный характер. Вопросы религиозной сферы, в том числе радикализма, экстремизма и терроризма исследуют различные отрасли социальной науки: политология, международные отношения, религиоведение, исламоведение, социальная философия, право, социология, психология и др.

С учетом актуальности и наличия большого количества исследований по данной теме сложилась самостоятельная междисциплинарная научная отрасль

– террология. Это научное направление является частью более общего комплекса знаний, связанных с противодействием экстремизму и терроризму, которое в настоящее время находится в активной стадии институционализации.

Широкое распространение религиозного радикализма в международном масштабе, влияние глобальных проблем на этот социальный феномен исследовали ученые-дипломаты Н. Жданов [1], А. Арыстанбекова [2], Е. Тукумов [3] и др.

Теорию международных отношений независимого Казахстана, концептуальные вопросы сотрудничества нашей страны с Европой разрабатывал Т. Сулейменов [4]. В своих работах ученый рассматривает опыт европейских стран в решении таких проблем, как борьба с терроризмом, кроме того, являясь генеральным консулом СССР в Афганистане в 1981-1985 гг., непосредственно столкнулся с явлением религиозного экстремизма.

Наряду с государственными органами, вопросами профилактики, реабилитации и дерадикализации части населения, подверженной деструктивной идеологии занимаются неправительственные организации (НПО), и здесь необходимо отметить таких ученых и экспертов как А. Шауметов [5], А. Сабдин [6], Г. Раздыкова [7], О. Рыль, опыт которых после активного вовлечения в спецоперацию «Жусан» вызвал интерес западного экспертного сообщества, а их выступления на международных диалоговых площадках цитируются зарубежными учеными.

Проблемам противодействия религиозному экстремизму и терроризму посвящены научные труды казахстанских ученых-религиоведов К. Тышкан [8], Д. Кенжетай [9], Н. Байтеновой, А. Курманалиевой, Ю. Шаповал, Б. Сатершинова [10], Я. Трофимова, Г. Джумановой [11], Г. Телебаева, А. Косиченко [12], Е. Буровой [13].

Исторические и теологические аспекты развития ислама, сущность и особенности исламистских экстремистских и террористических организаций исследуются в работах ученых-исламоведов: А. Муминова [14], А. Султангалиевой [15], А. Нуршанова, Е. Онгарова, А. Сабдина, А. Избаирова [16], Т. Козырева [17].

Современные вызовы и угрозы религиозного экстремизма и терроризма в фокусе проблем международной безопасности рассмотрены в трудах З. Шаукеновой, С. Кушкумбаева [18], Е. Карина [19], М. Лаумулина [20], М. Абишевой [21], Т. Шаймергенова, М. Сыдыкназарова [22], А. Садвокасовой [23], А. Оспановой [24], Л. Каратаевой [25], Е. Черных [26], М. Бектеновой, Е. Нечаевой, М. Онучко [27].

Вопросы религиозного экстремизма, радикализации и дерадикализации изучаются в работах ученых-экспертов стран Центральной Азии, таких как К. Сайназаров, С. Михайлов, Б. Эргашев, И. Хакназар [28], Р. Азизи, Ф. Толипов [29], Б. Бабаджанов [30], Ю. Денисенко [31], Г. Конусов [32], Т. Мармонтова [33], А. Решетняк [34].

Различные аспекты религиозного экстремизма и терроризма исследуются в трудах европейских ученых. Так, анализ теоретических и практических аспектов программ дерадикализации и методов, используемых для возвращения

экстремистов и террористов к ненасильственной жизни, рассматривается директором Немецкого института исследований радикализации и дерадикализации (GIRDS) Даниэлем Кёлером [35]. Его монография «Понимание дерадикализации: методы, инструменты и программы противодействия насильственному экстремизму» получила высокую оценку исследователей в области безопасности и международных отношений, борьбы с экстремизмом.

Вопросы взаимосвязи интеграции и радикализации мусульманского населения в Западной Европе изучали Каролин Гёрцик и Халед аль-Хашими в своей работе «Радикализация в Западной Европе: интеграция, общественный дискурс и потеря идентичности среди мусульманских сообществ» [36].

Исследования проблем радикализации осужденных в пенитенциарных учреждениях рассматривались в трудах Даана Веггеманса, Беатрис де Граафа [37], Инмакуладу Мареро Роша, Умберто М. и Трухильо Мендозы [38].

Работы, основанные на междисциплинарном подходе, представляют большой интерес для изучающих терроризм и борьбу с терроризмом, радикализацию, европейскую политику, радикальный ислам и исследования в области безопасности в целом.

Доктор Омар Ашур [39] первым подробно изучил процессы и программы дерадикализации джихадистов, в работах которого анализируются конкретные условия, при которых может происходить успешная дерадикализация.

Вопросы терроризма, войн и конфликтов, криминологии, международных отношений и безопасности с учетом практики, проведения полевых исследований особенностей террористов изучались Адамом Дольником [40].

В последнее десятилетие наблюдается всплеск исследований терроризма. Однако полевые исследования терроризма традиционно окружены множеством мифов, и их называют – от «необходимых» и «критических» до «опасных», «неэтичных» и «невозможных». Хотя среди специалистов по терроризму наблюдается растущий интерес к проведению таких исследований. Ранее не существовало единого руководства, в котором перспективным исследователям были бы даны руководящие принципы такой работы. «Проведение полевых исследований терроризма» направлено на восполнение этого пробела и предлагает сборник статей от опытных авторов, представляющих различные группы риска, дисциплины, методологические подходы, региональные специализации и другие аспекты, зависящие от контекста.

Казахстанскими исследователями Е. Кариным, С. Акимбековым [41] проводились профессиональные полевые исследования в зонах террористической активности.

В научных работах Рэйчел Брайсон [42, 43] – аналитика по конфликтам и противодействию исламскому экстремизму Института Тони Блэра, рассмотрена природа идеологии превосходства, которая движет насилием, искажает основные религиозные принципы.

В материалах департамента по терроризму и конфликтам центра RUSI (Королевский институт объединенных служб – старейший в мире и ведущий аналитический центр Великобритании в области обороны и безопасности),

полученных благодаря работе с сотрудником RUSI, доктором Джессикой Уайт [44], на указанную тему имеются труды таких авторов, как Эмили Винтерботэм [45], Имоген Парсонс [46], Эндрю Глаззард, Рафаэлло Пантуччи, Клэр Эллис, Лориен Чапле, Клаудии Валнер [47].

Отдельный вклад в исследовании опыта Великобритании в противодействии экстремизму внесли консультации и рекомендации аналитика BBC по терроризму и главного редактора издания London Post доктора Шахида Куреши [48].

Феномен терроризма, как новый вызов и угроза мировому сообществу, анализируется в трудах российских ученых-международников: Е. Примакова [49], А. Богатурова, А. Торкунова, Е. Кожушко [50].

Следует отметить работы, посвященные изучению ислама, исламского экстремизма, ученых-исламоведов А. Малашенко [51], И. Добаева [52, 53], А. Игнатенко, Г. Мирского [54, 55], В. Наумкина, Д. Нечитайло [56, 57], Д. Назирова [58], М. Муртазина [59], Л. Гринина, А. Коротаева [60], Л. Ефимовой [61].

Политику противодействия религиозному экстремизму и терроризму в зарубежных странах исследовали Д. Базаркина [62], Н. Несправа [63], В. Ахмадуллин, А. Ахунов [64], А. Казанцев [65], Д. Малышева, Е. Филиппова, Ж. Радвани, С. Амгар [66] и др.

Проявление религиозного экстремизма в нашей стране уже не является мифической угрозой. Еще в 2003 году о существовании угрозы религиозного экстремизма было обращено внимание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева: «Религиозный экстремизм в Казахстане – явление, которое у нас масштабно не проявилось, но в то же время существует определенная опасность, что процесс конфессиональной дестабилизации, в конце концов, может произойти и у нас. Если, конечно, вовремя не осознать и не предотвратить эту угрозу» [67].

В работе широко использованы материалы исследований, семинаров и конференций, а также законодательство Германии, Великобритании и Казахстана в сфере религии, религиозных отношений и противодействия религиозному экстремизму и терроризму. Так, объектом исследования являлись такие стратегические документы, как Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы [68]; Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы [69]; Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [70]; Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы [71], Стратегия «Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства» [72]; Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31 января 2017 года [73].

Президент РК К. Токаев, будучи спикером Сената, выступая на форуме мусульманских ученых Евразии в 2018 году подчеркнул, что сегодня перед мусульманской наукой стоит задача обновления подходов к ключевым

вопросам вероучения и права, избавления от догматизма, радикализма и экстремизма в любых их проявлениях [74].

Детальный мониторинг и изучение литературы позволяет сделать вывод, что в российской, британской, немецкой и отечественной научной литературе имеется достаточно материалов, в которых проведен комплексный анализ процессов и идеологических аспектов экстремизма и радикализма, государственной политики противодействия религиозному экстремизму.

Научная новизна диссертационного исследования. В работе раскрывается международный опыт противодействия религиозному радикализму и экстремизму. В рамках исследования:

- раскрыты сущность и содержание радикализма, экстремизма и терроризма. Разработано авторское определение понятиям религиозный радикализм, религиозный экстремизм, а также исламский радикализм и экстремизм;

- проанализированы исторические предпосылки возникновения и распространения исламского радикализма и экстремизма;

- определен религиозный (исламский) фактор в мировой политике, выявлены характер и специфика распространения исламского радикализма и экстремизма в европейских странах;

- исследован опыт европейских стран (на примере Великобритании и Германии) в противодействии религиозному радикализму и экстремизму;

- выработаны предложения по противодействию и предупреждению проявлений религиозного радикализма и экстремизма в Казахстане;

- введено в научный оборот большое количество источников по теме исследования, ранее не использовавшихся в отечественной литературе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Экстремизм, как и любое другое явление может иметь различные причины, связанные с историческими, политическими, социально-экономическими и другими особенностями. Вместе с тем, радикальные религиозные взгляды могут возникать в качестве защитной реакции на процессы секуляризации общества и маргинализации религиозных групп. Проявления религиозного экстремизма имеют зависимость от специфики, связанной как с внутренней ситуацией в религиозном течении, так и политической, экономической или социальной обстановкой в обществе.

2. Религиозные учения формировались под влиянием бинарного подхода (черное и белое, добро и зло, хорошее или плохое). Однако абсолютизация этих крайних мировоззренческих установок, придают религии радикальный, экстремистский характер. Опираясь на постулаты ислама, произвольно интерпретируя положения Корана (в основном буквально), радикальные экстремистские течения используют религию в качестве инструмента достижения своих политических целей. Любая религия, являясь неотъемлемой частью человеческой культуры и цивилизации, изначально содержит в себе гуманистические, общечеловеческие духовно-нравственные начала. Вместе с тем, любая религия может стать и источником экстремизма. Это зависит от интерпретаций и толкований религиозного учения, которые могут быть как

умеренными, созидательными, модернистскими, так и радикальными, деструктивными, фундаменталистскими.

3. Религия, будучи важным фактором внутренней и внешней политики государств, оказывает существенное влияние на состояние и динамику международных отношений. Значимость исламского фактора в мировой политике обусловлена влиянием религии на внутреннюю и внешнюю политику мусульманских стран. При этом, в последние десятилетия под влиянием глобализации и других факторов происходит все большая радикализация и политизация ислама, что приводит к обострению внутри-и-межконфессиональных противоречий, дестабилизации политической ситуации в отдельных странах и регионах. Несмотря на имеющиеся противоречия, мусульманские страны приходят к осознанию общности интересов и предпринимают меры по выработке единой согласованной позиции перед имеющимися вызовами глобализации.

4. Экстремистские идеологии и практики получили распространение в европейских странах. Благоприятной почвой для этого стали, прежде всего, миграционный кризис, низкая религиозная грамотность, социальное неблагополучие и несовершенство законодательной базы. Действия религиозных экстремистов обусловили необходимость разработки новой стратегии противодействия угрозам радикализма. Основными направлениями этой стратегии стали методы психологической и информационной борьбы, направленные на профилактику радикальной религиозной идеологии. Особое внимание в европейских странах уделяется предупредительным мерам в противодействии экстремизму среди молодежи. Однако некоторые из них направлены только на мусульман и носят дискриминационный оттенок. Анализ зарубежного опыта показывает необходимость профилактической работы, как на индивидуальном, так и групповом уровнях. В этой связи наиболее целесообразным в противодействии экстремизму является использование трех взаимосвязанных элементов: религиозно-просветительского, психологического и адаптационного.

5. Актуальной является разработка «умной силы» – особой стратегии противодействия религиозному экстремизму, содержание и методики которой должны учитывать все особенности и тонкости религии. Эта стратегия должна предусматривать комплексное и эффективное использование государственных ресурсов для успешной дерадикализации общественного сознания и поведения. «Умная сила» должна усилить и активизировать профилактическую работу, результатом которой станет минимизация влияния экстремистской идеологии на общество.

6. Анализ международного опыта будет способствовать выявлению новых, более эффективных, а также совершенствованию существующих механизмов и практик. Это позволит выработать предложения по государственной поддержке отечественной школы религиоведов (исламоведов) и системы среднего образования, обеспечить информационно-коммуникационную компетентность теологов и лидеров религиозных общин, а также сформировать и укрепить собственную исламскую идентичность.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные в ней концептуальные положения и выводы позволят глубже исследовать вопросы возникновения и развития радикальной религиозной идеологии, и как следствие религиозного экстремизма и терроризма.

Проведенное исследование вносит вклад в разработку эффективных комплексных мер по противодействию религиозному экстремизму и терроризму. В их числе целостное применение социально-политических, психологических, правовых методов, позволяющих минимизировать идеологические, социальные и другие основы проявлений экстремизма и терроризма.

Выводы данного диссертационного исследования могут быть использованы всеми заинтересованными государственными органами в организации мер противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма. Введенный в научный оборот материал и его интерпретации могут стать основой дальнейших теоретических исследований изучения сущности и особенностей религиозного экстремизма, мер по противодействию его распространения. Содержание диссертации может быть использовано в учебном процессе при подготовке и преподавании различных политологических, религиоведческих и других общественных дисциплин.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается его исходными теоретическими положениями и применением проверенных методов, необходимых для изучения сущности религиозного экстремизма и терроризма, а также поставленной цели и задачам исследования, качеством интерпретации и анализом полученных данных.

Методология и методика исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составили методы научного познания, позволяющие изучать явления окружающей действительности во взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности как на теоретическом (анализ, синтез, индукция, дедукция и другие), так и на эмпирическом уровнях (анализ нормативно-правовых актов, научной литературы, печатных изданий, сообщений средств массовой информации).

Практические выводы и рекомендации опираются на использованные в работе методы дискурс-анализа, а также экспертных интервью, позволивших получить дополнительную информацию по теме исследования. При написании диссертации использовались методы полевого исследования, глубинного интервью. Автором проведены интервью с отечественными и зарубежными экспертами по теме исследования (Приложение А).

Целью проведения глубинных и экспертных интервью являлось определение общих паттернов между всеми респондентами. Было опрошено более 20 экспертов.

Несмотря на то, что вопросы каждому эксперту составлялись индивидуально, в результате исследования выявлены аспекты, в которых подавляющее большинство опрошенных солидарно друг с другом. Так, почти все респонденты сошлись во мнении, что только образовательные программы,

направленные на повышение религиозной грамотности населения, способны выработать высокий иммунитет против деструктивной религиозной идеологии.

Эмпирической базой исследования послужили как статистические данные, так и материалы социологических исследований, посвященных заявленной теме.

В работе также применялся метод сравнительного анализа для выделения степени и характера угроз, сопоставление их для рассматриваемых стран, а также некоторые методы социологического исследования и экспертных оценок. Исторический метод способствовал определению причин и предпосылок возникновения религиозного экстремизма в европейских странах; установлению характера взаимоотношений между государством и религией; выявлению слабостей и преимуществ стран региона перед возникающими вызовами безопасности.

Апробация исследования.

Основные положения и выводы диссертации прошли апробацию на международных конференциях:

1. «The Role of Mass Media in Countering Religious Radicalism» IV International Scientific and Practical Conference (Dubai, 2017).

2. «Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт» Профилактика экстремизма. Успехи и трудности. Материалы международной научно-практической конференции (Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019).

3. «International Efforts to Counter Religious Extremism» XXIII International Scientific and Practical Conference (Prague, 2020).

Публикации в научных журналах, входящих в базу данных Scopus:

1. Central Asia and the Caucasus/ English Edition/ Volume 20, Issue 2, 2019 «Female Radicalism: Methods of Prevention».

2. Central Asia and the Caucasus/ English Edition/ Volume 21, Issue 4, 2020; «ISAF Withdrawal and an Upsurge of Religious Extremism in Afghanistan».

Публикации в научных журналах и изданиях перечня ККСОН Министерства образования и науки РК:

1. Противодействие религиозному радикализму в Казахстане // Мемлекеттік басқару және қызмет. – 2018. – №4(67).

2. Противодействие религиозному экстремизму в Великобритании // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. – 2020. – №2(131).

3. Гендерные особенности религиозного радикализма // Научный журнал Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова. – 2020. – №2.

Другие издания автора, использованные в диссертации:

1. Сборник материалов по основным вопросам религиозной сферы в помощь журналистам. – Астана, 2015, ISBN 978-601-9965-23-355-5.

2. A Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference “Terrorism and the Internet” (in Kazakh, Russian, English). – Astana, 2014 – 162 p. ISBN 978-601-80388-1-5.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех разделов, семи параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

1.1 Понятие радикализма и экстремизма. Сущность и содержание

В любой научной деятельности одной из важных составных частей представляется понятийный аппарат. Исследование такого феномена как религиозный экстремизм не является исключением. В современной научной литературе четкого мнения по поводу сущности и содержания понятий религиозного радикализма или религиозного экстремизма не сложилось. В первую очередь целесообразно обозначить представления о его истоке – радикализме [75, с. 324-328] и отметить, как рассматриваемый термин трактовался ранее.

В некотором отношении радикализм обозначает лишь резкое и бескомпромиссное противопоставление собственных взглядов по отношению к другим. В этом смысле возможен как радикальный социализм, так и радикальный консерватизм. Это дает нам понять, что указанный термин может описывать явление не только отрицательное, но и положительное. В разные времена радикалами называли общественных деятелей, резко выражавших свои жесткие взгляды и защищавших интересы определенных слоев общества.

Таким образом, в своем первоначальном значении, термин определял лишь неприемлемость компромиссов и необязательно предполагал насильственную составляющую, направленную только на разрушение. Многие авторы рассматривали радикализм в качестве катализатора не только для деструктивных, но и для положительных явлений, ускоряющих прогресс.

Однако в некоторых работах, посвященных проблемам радикализма, имеются и другие подходы к определению и содержательной стороне этого термина. Называя неотъемлемыми элементами радикализма агрессивность и разрушительность, они считали, что из разряда идеи он переходит в разряд радикальной, нередко противоправной деятельности.

Так, по мнению российского ученого С. Самойлова радикализм является не идеей, а моделью поведения. При этом, он выделяет основные характеризующие радикализм черты: фундаментальное следование требованиям определенной доктрины; наличие утопических представлений; революционность, провозглашающую неизбежность насильственных действий [76, с. 81-87].

Дагестанский ученый Я. Яхъяев делит радикализм на конструктивный и деструктивный, где первый предполагает прогрессивное революционное развитие, а второй разрушительный консерватизм, но при этом оба подразумевают разрушение существующей системы власти и устоев общества. По мнению этого автора, радикализм предполагается в виде социально-политической деятельности, основанной на крайней агрессивной идеологии и чрезвычайных разрушительных действиях, направленных на изменение всей социально-политической системы [77, с. 4-14].

В работе, посвященной соотношению понятий «радикализм» и «экстремизм», И. Мухаметзянов, В. Холоднов, Ф. Нуриахметова оба термина

употребляют в качестве синонимов, как социально опасные действия, которые могут квалифицироваться также в качестве террористических [78, с. 21-28].

Таким образом, мы видим смешение понятий радикализма и экстремизма, тем более что в работах, посвященных экстремизму, имеются аналогичные формулировки. Экстремизмом является уже сама деятельность, осуществляемая, как правило, вопреки общепринятым социальным нормам и относится к уголовно-правовым нарушениям.

В основе явления экстремизма лежит отрицание существующей действительности с последующими действиями по ее дестабилизации и разрушению [79, с. 78-81].

Следует заметить, что и в зарубежной литературе оба термина употребляются в качестве синонимов.

Так, ученый Ю. Тушкова указывает, что в британских источниках, определяющих стратегию демократического общества, рассматриваемые понятия употребляются синонимично. Однако она отмечает, что и радикализм, и экстремизм объединены одной целью – переустройством существующей политической системы. При этом экстремизм, в первую очередь, отличается от радикализма пропагандой насильственных методов для достижения цели [80, с. 435-437].

Отмечаются попытки определения содержания и специфики данных понятий. Так, по мнению Н. Кутузовой, религиозный радикализм представляет собой идеологию, возникшую в рамках существующей религиозной традиции, которая развивается путем противопоставления и критики основного вероучения [81, с. 164-167]. Она определяет три типа религиозного радикализма:

- религиозный радикализм в общем смысле слова;
- религиозно-этнический радикализм;
- религиозно-политический радикализм.

Первый формируется вокруг духовного лидера в целях выполнения определенного социально-религиозного проекта и может быть наполнен эсхатологическими элементами. Такой радикализм, как правило, не ведет к социальным потрясениям, не призывает к публичным протестам и политическим акциям.

Религиозно-этнический радикализм формируется, как противовес мировому построению религиозной деятельности из идеи возрождения этнической религии.

Религиозно-политический радикализм может быть продолжением религиозно-этнического радикализма, поскольку таковой постепенно переходит в политическую плоскость, что в свою очередь создает серьезные предпосылки к перерастанию в экстремизм. Целью религиозно-политического радикализма являются насильственные действия по захвату власти с разжиганием религиозной вражды для воплощения религиозных идей на государственном уровне.

На наш взгляд, в современной научной литературе не сложилось однозначного мнения в отношении сущности понятий, как религиозного

радикализма, так и какого-либо другого. В общем смысле под радикализмом принято понимать крайнюю бескомпромиссную приверженность каким-либо взглядам, образу мыслей, концепции. Этот термин в большей степени принято употреблять в политической и социальной сферах, когда необходимо подчеркнуть направленность на коренное изменение существующих общественных структур или институтов.

Наибольшее распространение указанный феномен получает в так называемые кризисные периоды, когда возникает угроза существования традиций, привычного уклада жизни общества, определенной этнической или социальной группы. Радикализм предполагает обязательное достижение поставленных политических или иных целей при полном отказе от каких-либо компромиссов.

В современной литературе понятию радикализма придается несколько значений.

Первое предполагает трактовку этого явления как политического течения, последователи которого критикуют социально-политическую систему, настаивая на необходимости радикальных общественных преобразований и политических реформ. Здесь радикализм представляется только в качестве социальной и политической идеологии, но не как способа политической деятельности, согласно этой идеологии.

Второе значение предполагает решительные действия посредством применения крайних мер. Но здесь радикализм уже представляется в качестве методов действия соответствующих социальных субъектов независимо от вида социальной деятельности [77, с. 4-14].

Радикализм, как тип деятельности социального и политического характера, который основывается на крайней, в максимальной степени, агрессивной идеологии и сопровождается активными действиями, направленными на резкое изменение существующей социально-политической системы, справедливо может именоваться экстремизмом.

Не менее значимой является интерпретация этого явления в качестве реакции конкретных субъектов на негативные или даже экстремальные социальные условия, в которых они оказались при существующем политическом строе государства и его социально-экономическом развитии. Такое восприятие дает основание для зарождения и развития двух взаимосвязанных сторон радикализма – радикальной идеологии и радикальной деятельности.

Радикализм предполагает крайность взглядов в зависимости от уровня развития его носителя и социальных условий, в которых он находится. В период острых социальных кризисов радикальное мировоззрение обладает предельно максимальным потенциалом деструкции, способным спровоцировать его носителя на активные действия по разрушению сложившейся модели общественной жизни. В этом отношении приверженцы радикальных взглядов становятся идеальным инструментом для достижения силами, претендующими на власть в стране, своих политических целей. В таких

случаях религиозному радикализму придается политическое содержание, которое потом используется в качестве борьбы за власть.

По своей сути радикализм еще не становится действием, выходящим за рамки правового поля, но как социальное явление характеризуется крайней формой выражения взглядов, идей и концепций. В отличие от экстремизма, радикализм не имеет в виду применение неправомерных действий и не причиняет вред общественным или политическим институтам. Носитель радикальных взглядов не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за изложение своих радикальных взглядов, если только они не способны стать причиной правонарушений или могут оказать негативное влияние на общественные процессы [82].

По мнению автора, выявить или отследить зарождение радикальных течений в условиях демократии очень сложно, в силу того, что она предполагает абсолютную свободу слова и вероисповедания. Дальнейшее развитие таких течений закономерно приводит к зарождению экстремизма. При этом, зарождение радикальных взглядов может быть своего рода защитной реакцией человека на происходящие в стране процессы, которые он не может принять. В свою очередь, радикальность взглядов и присущий им максимализм способствуют зарождению экстремизма, выражающегося в стремлении силой изменить «неправильный» курс или разрушить порождающий его политический строй. Даже простые призывы к реализации таких взглядов уже сами по себе являются экстремизмом. Таким образом, росту радикализма и экстремизма могут способствовать экономические и социальные потрясения, приводящие к резкому ухудшению уровня жизни, а также внешняя интервенция.

Под экстремизмом можно понимать деятельность, связанную с насильственными или иными противоправными действиями, основанными на приверженности к крайним взглядам и направленными на разрушение, деструктивное воздействие или подрыв установленных норм и принципов.

Экстремизм, как и любое явление, может иметь различные причины и корни, связанные с историческими, политическими, социальными, социально-экономическими и другими особенностями. С учетом этих особенностей для различных стран и регионов сочетание таких причин может быть разным. При этом, в подавляющем большинстве имеет место переплетение как религиозного, так и националистического экстремизма, в которые легко вовлечь широкие массы.

Наиболее крайней формой экстремизма является терроризм, являющийся самым жестоким силовым методом достижения целей. При помощи террористических актов экстремистские организации пытаются достичь и иногда небезуспешно намеченных целей.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые понятия по существу следуют друг за другом в порядке усиления общественной опасности от радикализма к экстремизму и в итоге его крайнему проявлению – терроризму.

В данной работе применительно к религиозным аспектам представляется допустимым рассматривать радикализм и экстремизм в качестве родственных, хоть и не полностью совпадающих понятий.

Несмотря на частое использование в общественном дискурсе термина «религиозный экстремизм», его детальная теоретическая проработка в настоящее время все еще отсутствует. В большинстве случаев исследователи используют его для обозначения деятельности тех или иных религиозных течений, не погружаясь в выяснение связанных с ним понятий [83, с. 74-82].

При исследовании явлений, связанных с экстремизмом, эксперты предпочитают опираться на различные критерии и методики отнесения организаций и их печатной продукции к экстремистским, приходя порой к противоположным заключениям. Сама тема религиозного экстремизма характеризуется излишней политизированностью, а ситуация с определением этого понятия остается запутанной. Сложность заключается в том, что содержательное наполнение понятия не имеет четких границ, смешивается с множеством других, родственных терминов, но не всегда обозначающих идентичные явления.

Сам термин экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) имеет глубокую историю, восходя еще к временам религиозных войн между протестантами и католиками в XVI–XVII веках. Тогда оба религиозных течения именовали друг друга экстремистскими [84]. Термин в основном использовался между религиозными группировками. В дальнейшем в период Нового времени, в силу секуляризации мирового сообщества, этот термин стал дополняться прилагательным «религиозный». Ранее приведенного подчеркивания не было в силу своей очевидности, после чего экстремизм стал приобретать отдельное значение как особое явление в религиозной жизни, отличающееся от иных форм радикализма/экстремизма.

Тему религиозного экстремизма одним из первых исследовал известный американский социолог М. Липсет. Он анализировал преимущественно нерелигиозные формы экстремизма, относя к таковым коммунизм и фашизм. Однако термин «религиозный экстремизм» в его работах все же встречается и применяется к религиозным сектам [85, с. 126-130]. По его мнению, важной функцией религиозного экстремизма является альтернатива политическому.

Основу для экстремистских движений М. Липсет видит в низком уровне образованности населения и низких доходах при отсутствии перспектив улучшения своего материального положения и уровня жизни. При этом экстремистскими могут быть как малые группы, так и доминирующие организации, в том числе политические партии.

Кроме Липсета, одним из первых попытку раскрытия понятия «религиозный экстремизм» предпринял Дж. Ванеко. Ученый видел в религиозном экстремизме одну из форм проявления религиозного поведения человека. Разная степень проявления определяется в границах таких переменных, как способность верующего различать важные и второстепенные элементы учения, а также способность отвергать другие религиозные учения [86, с. 111-122].

В середине 70 годов XX века в Соединенных Штатах и Европе термин религиозный экстремизм стал использоваться в общественном дискурсе по отношению к сектам и культам. Доказательствами служили многочисленные случаи крайне негативного отношения к традиционному обществу, а иногда действия криминального характера в отношении членов собственной семьи и окружающих. Вводятся термины «экстремистские культы» и «экстремистские секты», и эта терминология сохраняется до настоящего времени. Тем не менее, термин «религиозный экстремизм, не будучи существенно проработанным, широко использовался и на территории СССР [87, с. 14].

В 1983 году Ч. Либман выделил существенные признаки экстремизма, такие как: стремление к распространению влияния на все сферы общественной жизни; максимально детализированного исполнения всех религиозных предписаний; социальная изоляция носителя религиозного экстремизма; нетерпимость к чуждым традициям и формам культурной жизни [88, с. 75-86].

Ч. Либман считал, что религиозный радикализм и экстремизм являются разрушительными факторами для самого течения, и потому принимаемая им организационная форма является тормозом его же проявлений, не дающая достигнуть поставленных целей. При исследовании иудаизма ученый сделал вывод, что экстремизм религиозного толка является нормой для любой религиозной организации, однако в некоторых религиозных сообществах он отсутствует. При этом он обращает внимание на отсутствие религиозного экстремизма в случае соединения основ религии со всеми социальными институтами общества. Поэтому экстремизм возникает в качестве защитной реакции на процессы секуляризации общества и маргинализации религиозных групп. Насколько государство и общество будут игнорировать религиозные течения, настолько последние будут проявлять религиозный экстремизм.

С религиозным радикализмом/экстремизмом в той или иной степени причастности связывается явление фундаментализма, как собирательного наименования консервативных религиозных течений. Одной из основных задач религиозного фундаментализма является возврат к господствующим религиозным структурам в обществе.

В США исследовалось понятие фундаментализма и его пограничных явлений, в которых религиозный экстремизм не обозначался в качестве какого-либо существенного понятия, а религиозный фундаментализм рассматривался как одна из форм религиозного экстремизма [89, с. 814-842]. При этом не приводились уточнения составных частей религиозного экстремизма, и нейтральному исследователю предоставлялась возможность самостоятельного вывода по отнесению религиозного экстремизма, как родового понятия по отношению к религиозному фундаментализму.

Некоторые исследователи настаивают на несостоятельности обоих терминов. Так, Л. Ианнаконе указывал, что они широко используются в политических дискуссиях между представителями противостоящих партий и идеологических групп, и все это способствует рассеиванию терминологии, ставя вопрос о правильности их применения в научном дискурсе. Однако недостаточная обоснованность этих терминов не отменяет наличия

религиозных групп крайне экстремистского воинственного толка, которые поддерживают высокий уровень напряженности в обществе. Эти группы в большей степени являются по существу экстремистскими сектами. При этом благоприятными условиями для зарождения и существования таких сект является отсутствие свободы вероисповедания.

Подавление иного вероисповедания или светских принципов насильственными методами провозглашаются религиозными экстремистами вполне нормальным явлением. Так, американский ученый-социолог Р. Прус представляет религиозный радикализм/экстремизм в виде идеологической одержимости, приверженной к определенной системе верований, которая сопровождается целенаправленной системой действий [90, с. 47-74]. Факт фанатичной приверженности какой-либо идее, вне зависимости от ее содержания, дает основания к отнесению группы или определенного индивида к религиозным экстремистам.

В западной науке понятие «религия» имеет более широкое толкование, и потому к числу религиозных экстремистов там, в принципе, можно относить ярых приверженцев любой являющейся для них общей идеи, в том числе коллекционеров, спортивных болельщиков и аналогичных групп общества. Тем самым понятие нерелигиозного экстремизма отпадает, само собой.

История определения рассматриваемого феномена не отличается связностью и последовательностью, поэтому в науке до настоящего времени отсутствует единство по поводу значения этого термина.

Религиозные экстремисты часто идентифицируются по их принадлежности к определенным религиозным организациям или сектам. Однако существует большое количество неконтролируемых проявлений экстремизма в традиционных религиозных течениях. С другой стороны, какие бы определения не брались за основу религиозного экстремизма, всегда имеется определенное количество не подпадающих под него сект и культов. Таким образом религиозный экстремизм может существовать в разных типах религиозных организаций.

Считаем, что субъектами религиозного экстремизма могут быть также отдельные фанатично верующие индивиды. Такие лица, как правило, не входят в никакие религиозные сообщества, и их радикальная, экстремистская направленность обусловлена широким распространением иных, находящихся вне традиционных вероучений, форм религиозности. Несколько реже встречаются религиозные экстремисты-одиночки. Однако общей характерной чертой для таких явлений остается наличие какого-либо заимствованного или разработанного самостоятельно учения религиозного толка и стремление любыми средствами подчинить этому учению окружающих. В большинстве случаев таким лицам не хватает сил, средств и способностей для претворения в жизнь своих сомнительных теорий.

Несмотря на то, что субъектами религиозного радикализма выступают как организации, так и отдельные лица, не каждая из них может быть определена в качестве экстремистской. К экстремистским религиозным

организациям следует относить лишь те, в которых экстремистская деятельность является доминирующей формой.

Религиозный экстремизм может иметь место даже в тех случаях, когда в обществе не осуществляет деятельность ни одна экстремистская организация, ведь отсутствие государственного признания такого факта совсем не означает его реальное отсутствие. Зарождение и развитие религиозного экстремизма в государстве может проходить незаметно.

Предполагается, что все типы религиозных организаций придерживаются одной из двух моделей деятельности:

- плюралистическая модель, согласно которой истина проявляется во множестве различных форм в любой религии или любом течении;

- индивидуалистическая, основывающаяся на представлении существования единственной истины в рамках этой организации [91, с. 35-49].

Такое выделение, конечно, обладает некоторой условностью и обобщенностью, однако позволяет быть схемой при анализе рассматриваемого феномена.

В несколько упрощенном понимании следует указать, что такая градация имеет исторические корни, при которых индивидуалистическая модель до начала XX века была представлена христианством, иудаизмом, исламом, тогда как плюралистическая индуизмом, буддизмом, даосизмом, синтоизмом, распространенной преимущественно в странах Азии. Однако в XX веке эта модель стала активно внедряться в странах западного мира, в силу реализации заложенных в эпоху Просвещения принципов свободы вероисповедания.

Индивидуалистическая модель имеет принципиальное значение в своей содержательной стороне, поскольку включает в себя не только веру в правильность своего вероучения, но также императив распространения ее во всем мире и обращение в эту «истинную» веру всех людей с подчинением ее принципам всех институтов и сфер общественной жизни.

Приведенная модель в религиозных течениях формулируется с опорой на различные обоснования, исключая при этом элементы релятивизма в отношении собственной веры. По своей сущности именно индивидуалистическая модель формирует потенциал религиозного экстремизма, тогда как в плюралистической такой потенциал практически отсутствует. Однако и в плюралистической модели возможны некоторые формы, отклоняющиеся от этого утверждения. Определение принадлежности какого-либо религиозного течения или религиозной организации к одной из названных моделей дает основу для исследования, имеющегося в них потенциала религиозного экстремизма. В условиях современного общества жесткая взаимосвязь между принадлежностью к религиозному течению или религиозной организации и необходимостью придерживаться заданных ею фундаментальных основ ослабляется. Так, появляются христианские течения, придерживающиеся основ плюрализма и напротив индуистские, придерживающиеся индивидуалистической модели.

Порой, в рамках одного религиозного течения, возникают отдельные движения и локальные группы, придерживающиеся модели несколько

отличной от основной. В итоге, в условиях указанных современных тенденций, вопрос личного выбора вероисповедания становится для каждого индивида не таким простым как раньше [92].

Следует отметить, что религиозный радикализм сам по себе не является нормой для всех религиозных организаций, однако в тех, которые опираются на индивидуалистическую модель такой потенциал всегда в той или иной степени имеет место. Сама по себе индивидуалистическая модель не является фактором, обязательно предполагающим какие-либо экстремистские действия. В основном верующие индивиды, придерживаясь теории превосходства собственной веры, работают над своим духовным ростом. Но такая доминанта в работе над собой также корреспондируется в намерение преобразить все общество, оказать большее влияние на него. Вместе с тем, несмотря на такой потенциал, в большинстве случаев он не находит реализации непосредственно в действия. Нередко имеет место обратная ситуация, при которой рядовые верующие с пониманием относятся к носителям других вероисповеданий, не прибегая к насилию в ходе миссионерской работы.

В то же время экстремизм нерелигиозного характера не может получить такого широкого распространения поскольку его идейная составляющая не способна охватить большие массы, убежденных в абсолютной истине и всемерной значимости своей идеологии лиц и подчинить себе все общество посредством противоправных действий.

Следует предполагать, что проявления религиозного экстремизма имеют зависимость от специфики, связанной как с внутренней ситуацией в религиозном течении, так и политической, экономической или социальной обстановкой в обществе. В определениях религиозного радикализма и экстремизма часто используется термин «крайние действия» при не совсем ясном понимании его сущности. Сложность отнесения каких-либо действий к крайним состоит в следующих элементах:

- формы и методы действия религиозных радикалов не ограничиваются только действиями криминального характера, они могут включать в себя и методы, вполне укладывающиеся в систему признанных общественных норм;
- крайние действия, взятые вне контекста их реализации, сами по себе не представляют собой экстремистского характера. Для квалификации действия в качестве экстремистского имеет значение не только степень его тяжести, но и система ценностей, на которые опирались его исполнители. Поэтому крайние действия являются хоть и важным, но недостаточным компонентом определения религиозного экстремизма. Для осуществления экстремистских действий обязательна идейная направленность.

Феномен религиозного экстремизма можно разделить в зависимости от его ориентированности. Так, религиозный экстремизм направлен как на общество в целом, так и его отдельные институты; религиозный терроризм на политическую систему страны, а религиозный фундаментализм на религиозную организацию и на отдельных верующих.

Рассматривая религиозный экстремизм, как целостное явление, следует, что он представляется в виде приверженности именно к крайним действиям,

направленным на разрушение традиционных светских устоев общества, при этом акты насилия являются средством или частью продуманного плана действий.

Религиозный радикализм представляет собой крайние действия религиозных течений, организаций или отдельных верующих, направленные на коренное изменение институтов общества. При этом религиозный радикализм допускает многообразие и общественных и религиозных институтов, не стремясь к предельной религиозной унификации общества. В то же время религиозный экстремизм связан с индивидуалистической моделью. Религиозный радикализм является продуманной, хорошо организационной и наименее девиантной формой с отсутствием претензий на исключительность и потому таковой встречается реже, чем религиозный фундаментализм.

Тем не менее, во всех своих формах проявления и религиозный радикализм, и религиозный экстремизм стали одной из наиболее острых мировых проблем, дестабилизирующих современное общество. Посредством распространения радикальных взглядов различными политическими силами пропагандируются насильственные методы изменения государственного строя и политической системы той или иной страны. Религиозно-политический экстремизм отвергает возможность каких-либо переговоров и достижение каких-либо компромиссов, а его последователи отличаются крайней нетерпимостью к тем, кто не разделяет их взгляды.

Политический экстремизм под религиозной оболочкой может проявляться как на базе национальных движений, так и межличностном уровне. Основной целью, проповедуемой религиозными экстремистами идеологии является изменение роли религии в жизни общества, когда отвергается существующая светская система.

Согласно докладу Госдепартамента США в июне 2016 года «Об уровне терроризма и анализе деятельности террористических формирований» в 2015 году в мире действовало 58 террористических группировок, осуществивших в общей сложности 11 774 терактов в 92 государствах [93]. В докладе также отмечалась активизация террористической деятельности в Афганистане, Египте, Сирии и Турции, а также роль государств, уличенных, по мнению госдепа, в финансировании террористической деятельности, таких как Иран, Катар, Саудовская Аравия. Для повышения эффективности борьбы с процессами радикализации и политизации ислама необходимы усилия всего мирового сообщества, в том числе государств с преимущественно мусульманским населением.

Новейшая история показывает, что на современном этапе радикализм и экстремизм получили широкое распространение в исламских религиозных течениях. Однако более глубокая история напоминает нам, что и другие религиозные течения проходили периоды нетерпимости к иноверам, о чем свидетельствуют крестовые походы, церковные расколы в России в XVII веке, противостояния православных и католиков, а также религиозные войны между католиками и протестантами в Западной Европе в XVI веке.

Важным отличием радикального религиозного течения является его политический характер, при котором для достижения политических целей используется крайнее проявление радикализма, то есть экстремизм. Популяризация радикальных исламских течений во всем мире основана на особой интерпретации фундаментальных истоков. Исламский радикализм далек от истинных ценностей ислама и получает широкое распространение под влиянием внешних и внутренних политических, социальных или экономических факторов [94, с. 54-59] особенно в кризисные периоды.

Так, радикальные религиозные течения исламского толка получили широкое распространение на Северном Кавказе после распада СССР, обострения противоречий и значительного ухудшения социально-экономического положения в регионе. Распространение и развитие радикализма привело к кровопролитным конфликтам.

Следует отметить, что для Казахстана, также, как и для остальных центральноазиатских республик бывшего СССР, наибольшую актуальность представляют вопросы влияния внешних сил на процессы распространения религиозного радикализма и экстремизма в регионе. Переплетение геополитических интересов некоторых стран в Центральной Азии привело к тому, что деятельность радикальных религиозных течений постоянно подогревается и периодически выражается локальными проявлениями в виде игры на национальных и религиозных чувствах. В настоящее время Казахстан является наиболее стабильным государством в регионе и реализует многовекторную политику, направленную на сохранение и дальнейшее укрепление стабильности, а также эффективное решение внешнеполитических и внутриполитических проблем в Центральной Азии.

Вместе с тем, географическое положение Центральной Азии предполагает влияние исламской культуры и этот фактор является особенно важным в свете распространения исламского радикализма. Само понятие «исламский радикализм» очень сложное и неоднозначное. Прилагательное «исламский», обозначающее принадлежность к конфессии, в принципе несопоставимо с понятиями из категорий «радикализм», «терроризм» и другими их производными, поскольку ислам, как и другие религиозные учения, основывается на принципе талиона – золотого правила морали, добродетели и богобоязненности. Эта позиция подтверждается результатами анализа существующих исламских концептов: модернизма, фундаментализма и традиционализма [95, с. 56-61].

Исламский радикализм зачастую представляется в качестве идеологии, и базирующаяся на ней политическая деятельность характеризуется распространением так называемого «чистого» ислама по отношению к «неистинной вере в мире неверных». Однако такая форма исламского радикализма представляет собой не реальный ислам, а его искаженную форму. Именно поэтому неприемлемо ставить знак равенства между исламом как мировой религией и исламским радикализмом, использующим веру в качестве инструмента, воздействуя, в основном, на малограмотное население мусульманских государств.

Тем не менее, в исламоведческой литературе и обыденном сознании, сопрягаемый с исламом радикализм представляется в качестве реального фактора, формирующего социальную и политическую картину мира. Радикальные мусульмане представляют активную социальную силу, которая полагает допустимым использование насилия, как эффективного средства достижения поставленных политических целей. Она же нацелена на распространение крайних идеологических догматов и постоянно наращивает практику политического насилия.

Разрушительный потенциал радикальных исламских течений направлен на упразднение обществ западного типа. Такие течения презирают и игнорируют принципы международного права, и не склонны к признанию таких его норм, как территориальная целостность, государственный суверенитет, права и свободы человека, запрет на применение силы, для осуществления своих политических целей.

Вместе с тем, следует обратить внимание на двойственность восприятия ислама как религии, которая сама по себе является обычной монотеистической религией, подобно христианству, но в то же время, будучи самой молодой, склоняющейся к излишней пассионарности, и как следствие возможности формирования радикализма. Представители радикальных исламистских течений не затрудняют себя щепетильностью в выборе способов достижения своих целей.

В большинстве случаев исламский радикализм определяется как политический ислам, а лиц, использующих искаженные исламские понятия для достижения политических целей, называют исламистами. Исламский радикализм официально ставит своей целью создание политических условий для внедрения норм шариата в общественной жизни. При этом реализация таких целей предполагает социальную трансформацию всего мирового сообщества. Поэтому исламский радикализм представляется в форме не просто религиозного, но и мировоззренческого отношения к существующему мировому устройству.

Специфика исламского радикализма также связывается с формами социальной мобилизации, при которой любой мусульманин должен быть в состоянии готовности к выполнению любых предписаний, в том числе в форме антагонистического противостояния миру «неверных». Такого рода радикализм неминуемо приобретает формы экстремизма и терроризма, а в качестве идеологического мировоззрения фатализма и фанатизма.

Таким образом, мы видим, что в наши дни из всех религий именно ислам проявляет наибольшую политическую и идеологическую активность. При этом излишне говорить о том, что традиционный и модернистский ислам не представляются как источники экстремизма или терроризма.

Проведенный анализ показывает, что единого определения понятий религиозного радикализма и религиозного экстремизма нет, что заставляет экспертов, занимающихся изучением этих проблем разрабатывать собственные рабочие формулировки, которые отвечают их взглядам и убеждениям.

Если принимать радикализм как модель поведения или систему крайних взглядов, исключая любые компромиссы, а экстремизм как непосредственную насильственную или иную противоправную деятельность, то религиозный радикализм и религиозный экстремизм предполагают включение в эти понятия религиозной составляющей, которая может рассматриваться как фактор, усиливающий крайность взглядов и действий.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем авторское определение следующих понятий.

Итак, по нашему мнению, религиозный радикализм – это система крайних религиозных взглядов, определяющих соответствующую модель поведения и исключаящую любые компромиссы в вопросах понимания религии.

Религиозный экстремизм – это насильственная или иная противоправная деятельность, направленная на дестабилизацию, покушение или уничтожение государственных, религиозных или общественных ценностей, осуществляемая под влиянием радикальных религиозных взглядов.

В свою очередь исламский радикализм и исламский экстремизм предполагают сужение понятий религиозного радикализма и экстремизма, ограничиваемых соответствующей интерпретацией фундаментальных норм ислама.

Кроме того, в международной прессе среди исследователей или политиков на национальном и международном уровнях стал широко применяться термин «радикализация». Тем не менее сам термин остается источником большой путаницы, а широкого консенсуса относительно того, что он на самом деле означает и какие компоненты необходимы для его определения нет. Главным образом такое положение стало возможным из-за использования этого термина по крайней мере в трех различных контекстах («безопасность», «интеграция» и «внешняя политика»), а четкие определения скудны и сильно различаются по содержанию и объему. Как правило, термин «радикализация» используется для описания того, как человек становится экстремистом или террористом. Это происходит в результате процесса принятия определенных идей, ведущих к применению насилия. Например, с точки зрения Европейской комиссии, «радикализация» – это процесс принятия мнений, взглядов и идей, которые могут привести к террористическим актам. Точно также предполагается, что это индивидуальное изменение как процесс, формирующийся через стратегию, структуру и конъюнктуру, а также принятие и устойчивое использование насильственных методов для достижения четко сформулированных политических целей.

Однако весьма спорно, насколько важен элемент насилия для понимания радикализации, поэтому следует различать насильственную и ненасильственную радикализацию.

Насильственная радикализация, с этой точки зрения, означает просто радикализацию, которая ведет к насилию, а ненасильственная – это процесс, с помощью которого люди приходят к радикальным взглядам, но не совершают насильственных действий.

В силу широкого распространения явлений радикализма и экстремизма в исламе в конце XX и начале XXI века, представляется необходимым подробнее рассмотреть место, роль и исторические предпосылки становления исламского экстремизма.

1.2 Исторические предпосылки возникновения исламского экстремизма

С момента своего зарождения человечество, постигая окружающий его мир, выделяло в нем два противостоящих друг другу начала, что делало его более понятным. Поэтому все системы познания со времен Древнего мира формировались посредством использования бинарного подхода, определяя все сущее по принципу черного и белого. Сама окружающая действительность и образ жизни диктовали человеку восприятие мира по бинарному принципу: свет и тьма, день и ночь, мир и война, добро и зло, истина и ложь.

Под влиянием бинарного подхода формировались и взаимоотношения между людьми, определялись друзья и враги, свои и чужие. Логика такой ментальности не связывалась с религиозными настроениями и лежала вне пределов трансцендентной тематики. Однако уже первые религиозные течения не могли не принять такой подход. При этом такой черно-белой вариации, в той или иной степени, были подвержены практически все религиозные течения, за исключением буддизма и синтоизма.

Ислам в свое время также воспринял и воплотил такой подход в системе своих представлений, проистекающих из его видения Вселенной, а иногда и выходящих за рамки своих изначальных постулатов. Так, средневековые мыслители – ханафитский имам Абу Ханифа и салафитский ученый Ибн Таймия предложили концепцию деления мира на «дар аль-ислам» (мир ислама), а также «дар аль-куфр» (территория неверия) и «дар аль-харб» (территория войны), которой не было в Коране. Такая концепция резко противопоставляла мир ислама не только войне, но также территории безбожия в понимании мусульманских идеологов [96, с. 8-31]. В итоге эти мотивы приобрели экстремальный характер в логике доводимого до крайности религиозного радикализма, с ориентацией на крушение традиционной международной системы. По представлению радикальных религиозных идеологов разрушение такой системы должно произойти в силу обреченности «общества неверных». Экстремисты заявляют, что ислам должен стать религией мира и в победившем «мире ислама» или «мире веры», не будет границ между государствами и исчезнут культурные противоречия. Залогом такого мироустройства станет идеология шариата, как правовая система и поведенческий императив. Такие взгляды, к примеру, имеют разительное сходство с представлениями большевиков о грядущей победе мировой революции. Однако история показала, что такая идеология в итоге ведет к распаду и возникает вопрос о ее жизнеспособности в долгосрочной перспективе.

Говоря о религиозной составляющей, нельзя не отметить географический фактор формирования и развития государств [97, с. 20-24]. Еще с античных времен до периода «Нового времени» выдвигалась теория, согласно которой

географическое положение являлось едва ли не основным фактором, влияющим на развитие экономики, культуры и политики государств. Известна работа Ш. Монтескье «О духе законов», в которой описывалась теория географического детерминизма, предполагающая непосредственную связь географического положения с политическим строем. По его мнению, у государств, обладающих обширными территориями, характерными признаками являются автократическое правление и централизованная власть, которые позволяют сохранять целостность и обеспечивать стабильное развитие.

Публицист Л. Мечников, исследуя феномен восточной деспотии, установил взаимосвязь политической формы правления с географическими факторами. В качестве примера он привел Египет, в котором сухой климат и неблагоприятные условия для урожая способствовали сильной централизованной власти фараонов [98]. В настоящее время Египет также остается автократическим государством, где власть сосредоточена в руках военного сословия.

Как представляется автору, сильная авторитарная власть, обусловленная географическим положением, детерминирует определенный тип политической и религиозной культуры. Нормы культуры формировались исторически на протяжении многих поколений и стали составной частью менталитета. Нация, воспитанная в режиме покорности, в целом положительно воспринимает клерикальный авторитаризм, примером чему является режим власти в Иране или Саудовской Аравии. Авторитарный тип культуры в этих регионах не позволил сформировать устойчивые демократические принципы. Таким образом, можно говорить о кардинальном различии западной и восточной культур, при котором чрезмерное экономическое и политическое воздействие запада на мусульманский мир вызвало противодействие, а рост радикализма и экстремизма стал детерминантом в ответ на эту экспансию.

В идейно-психологическом и политическом аспектах современного мира, равно как и во всей его предшествующей истории, радикализму принадлежит одно из наиболее заметных мест. Социально-политический феномен этого явления одновременно характеризуется, как древностью, так и современностью, также как те или иные нормы консерватизма. Сам термин, как полагают некоторые исследователи, стал часто употребляемым в конце XVIII века [99, с. 12-17].

По сути вся всемирная история представляет собой историю радикальных изменений, преобразований и потрясений в общественной жизни, того или иного общества. К радикальным мерам можно отнести процессы образования и распада государств, процессы экспансии и религиозные столкновения. Радикальный характер преобразований имел место при переходе от феодализма к капиталистическому обществу наряду с реформами, религиозными войнами и буржуазными революциями, наполненными идеями либерализма.

XX и XXI века характерны не меньшим, а скорее большим проявлением радикализма. Этому способствовали большое количество революций, установление двухполярного, а затем и однополярного мира, увеличившееся стремление государств и народов к суверенитету, а элементы разложения

западной цивилизации и религиозно-политическая активизация мусульманского мира еще больше усилили развитие радикализма и экстремизма. При этом, наибольшие радикальные преобразования совершались посредством жестокого насилия.

XX век был буквально нашпигован радикализмом, следствием которого стали две мировые войны, большое количество революций и развитие диктатуры в ряде государств. В современной истории помимо националистических, фашистских режимов в Германии и Италии можно выделить также франкистский режим в Испании, салазаровский в Португалии, пиночетовский в Чили и т.д.

Равным образом под рассматриваемое определение можно подвести Итальянское социальное движение, Республиканскую и Национально-демократическую партии в ФРГ, Национальный фронт в Англии, Ку-Клукс-Клан и нацистскую партию в США, «Новых правых» в странах Европы, а также уверенно набирающий в последнее десятилетие популярность и политическое влияние Национальный фронт Франции.

После распада СССР на Кавказе и в Центральной Азии стали распространять свое влияние такие радикальные религиозные организации как: «Партия Исламского освобождения», «Хизб-ут-Тахрир», «Таблиги Джамаат» и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что радикализм и его крайние проявления – экстремизм и терроризм, отчасти являются имманентным компонентом развития общества.

В середине XX века в силу биполярного устройства мира радикализм стал рассматриваться как одна из особенностей стран «третьего мира» и способ действия определенных маргинальных сообществ. В XXI веке его роль стала неуклонно возрастать, и в последнее время это явление стало определяющим фактором эпохи. В общественном сознании радикализм нередко тесно связывается с религиозным фактором, в частности, исламским фундаментализмом, исповедующим непримиримость к неисламскому миру и радикальной реакцией на кризис как мусульманского, так и остального мира [100, с. 48-51].

Однако истоки радикализма первоначально следуют не только из бинарного и религиозного восприятия мира, но также в силу национального обособления. Такая форма радикализма характерна стремлением к суверенитету и потому известна с древнейших времен, определяясь этническими контактами сосуществования, ассимиляции и слияния.

При системе сосуществования этносы между собой не смешиваются, а лишь в той или иной степени подражают друг другу, заимствуя преимущественно технические нововведения. При этом психологически всегда существует деление на «своих и чужих».

Ассимиляция представляет собой поглощение одним этносом другого с полным забвением былых традиций и образа жизни. В этом контексте может представлять интерес положение малых этносов в России, некоторые из которых уже считают себя русскими.

При ассимиляции, как правило забываются прошлые традиции и размывается менталитет, а взамен возникает новый этнос. Так, по мнению Л. Гумилева вследствие слияния нескольких тюркских народностей образовалась татарская нация [101, с. 3-8].

Однако, религиозный радикализм и экстремизм характерны своей крайней непримиримостью. После распада Советского Союза и последовавших за ним социально-политических потрясений произошел обвальное откат к развитию радикальных взглядов по национальному и конфессиональному принципу, а спонтанное упразднение гуманистических ориентиров привело к террору. Так, на Украине стали проявляться тенденции к формированию униатско-католического государства, а в странах Центральной Азии и на Кавказе насилие становится политикой исламских радикалов. Формированию религиозного радикализма в этих регионах способствовала историческая память о прежней агрессивной политике Российской империи и большевиков к исламу.

Так, в послереволюционной России к религиозным организациям и верующим широко применялись крайне радикальные меры [102, с. 121-125]. К антирелигиозной деятельности привлекались комсомольцы, которые нередко осуществляли откровенно экстремистские действия, выражавшиеся в избиениях, поджогах и даже убийствах. При этом, государство с одной стороны рассматривало эти явления, как противозаконные, а с другой разделяло такие настроения, позволяя нарушителям уходить от ответственности [103, с. 63-70].

В первые годы Советской власти всплеск экстремизма имел место с обеих сторон. Следует указать на одну из существенных причин, состоящей в том, что вертикаль власти в русской православной церкви была разрушена и стали появляться религиозно-политические организации экстремистского характера с наличием в них, помимо открытой еще и тайной организации «Народное христианство», что облегчало политическое маневрирование. Такие структуры нельзя было считать частью православной церкви в силу отсутствия свойственным ей миролюбия и терпимости.

Отличительной чертой «Народного христианства» стало распространение разного рода провокационных слухов и сопротивление действиям властей. Возникают религиозные организации в целях сохранения истинной веры. К таковым относились Церковно-монархическая организация «Ревнители церкви», Церковно-повстанческая организация, Церковно-монархическая организация «Самосвятцы», Контрреволюционная организация «Группа освобождения Церкви» [104].

В конце 20-х годов создается церковно-монархическая организация «буевцев», которая к началу 1930-х гг. свою деятельность распространила почти на весь центр России [105, с. 1458-1503].

После распада Советского Союза на территории ее бывших стран стали появляться новые движения, партии, общественные организации, которые воспользовавшись дезориентацией населения, проповедовали радикальную религиозную идеологию, в том числе экстремистского характера. Возникли очередные благоприятные условия для роста религиозного радикализма и

экстремизма, чему способствовали несбывшиеся социальные ожидания населения.

Рост радикализма объяснялся крахом советской модели управления, приведшей к вакууму законной власти. Парад суверенитетов оборвал как политические, так и экономические связи, разрушил хозяйственную взаимозависимость и взаимодополняемость регионов, республик, что привело к массовым социальным волнениям. Во многих республиках произошла архаизация общества, стимулируемая изгнанием религиозных и этнических меньшинств. В России активно действовало Русское православное национал-социалистическое движение (РПНСД), являвшееся типичным представителем одного из видов правого радикализма, а именно религиозного ультра национализма. РПНСД стремилось принимать участие в политической деятельности, представляя собой как религиозную, так и политическую структуру. Религиозный радикализм нагнетал негативную обстановку на Кавказе, в центральноазиатском регионе и практически во всех республиках бывшего СССР.

Помимо экстремистских движений следует отметить также образованные с благословения православной церкви организации, подверженные идеям радикализма. К таким организациям можно отнести «Православных хоругвеносцев», созданную в 1992 году.

Несмотря на то, что биполярность является явлением свойственным прошлым векам, в настоящее время продолжается максималистское противопоставление одних стран, сообществ, конфессий другим.

Поводы в современную эпоху, в целом, не отличаются особым разнообразием. Основным является дихотомия между богатством и бедностью, являющейся в настоящее время не внутренней проблемой того или иного государства, а глобальной международной проблемой. При этом в концептуальных идеологических построениях всегда в той или иной степени имеет место религиозная составляющая, к которой сохраняется повышенный интерес.

Кроме того, сегодня также происходит столкновение противоположных тенденций, с одной стороны роста религиозности, с другой, атеизма. Разделение мирового сообщества на две части по религиозному признаку является условным, поскольку не учитывается существование многих промежуточных ситуаций.

Таким образом, росту радикализма и экстремизма, в том числе религиозного способствуют переломные моменты в истории стран и народов.

Центром зарождения ислама является территория современной Саудовской Аравии, где были заложены политические и экономические основы для формирования самостоятельной исламской цивилизации. В дальнейшем ислам стал распространяться в районы Северной Африки, Испанию, а также на территорию современного Ирана и районы Центральной Азии. На этих территориях соответственно сложились свои уникальные образцы мусульманской государственности и получил распространение арабский язык, как язык межрегионального общения.

Радикализм и экстремизм сопровождал исламскую религию примерно с IX-XI веков. Однако в наибольшей степени они развились в начале 70-х годов XX века, когда после провалившихся в большинстве мусульманских государств мер по модернизации внутренней системы, националистические и религиозные идеологии не стали консолидирующим фактором для населения [106, с. 67-70].

В ранние периоды исламского радикализма получила широкое распространение школа Ахмада ибн Ханбали, выступавшая против различных новаций и требуя строгого соблюдения основ шариата. В дальнейшем ее последователи обосновались в других мусульманских странах, в особенности в Аравии, где возникло течение ваххабитов.

В 1928 году в Египте была создана организация «Братьев-мусульман», в идеологии которой была заложена концепция джихада. Эта организация располагала силами для подготовки боевиков и имела широкую сферу деятельности, сохранившись и в современную эпоху. Постепенно радикальные исламские течения распространились на весь мир, и стали источником практически всех угроз терроризма.

Для мусульман слово «религия» образует совершенно иной смысл, и представляет собой не просто веру, а предполагает образ жизни. Нормы ислама образуют единое целое мусульманского общества и его правовой системы.

Следует заметить, что мусульманский мир исторически не отличался единством и устойчивостью. На него оказывали постоянное воздействие внутренние и внешние противоречия, что в большей степени способствовало развитию радикального менталитета и идеологий, что в итоге перешло в идеологию экстремизма.

Так, к внутренним противоречиям можно отнести множество направлений, различающихся по своим взглядам на религиозные положения относительно священных текстов в вопросах веры, истории, роли мусульманского общества. Различия во взглядах раскалывали целостность конфессии, порождая значительные, порой драматические проблемы.

В VII-VIII вв. образовались разногласия по вопросам веры в отношении лиц, совершивших тяжкий грех, при котором стороны стали занимать антагонистические позиции, образовав три течения – хариджиты, мурджииты и мутазилиты».

Таким образом, разногласия и противоречия в истории ислама исходят из глубины веков и при этом экстремистские идеи сопровождали исламскую религию всегда. Различие заключалось в зависимости от исторических периодов, при которых менялись и цели.

В итоге радикальные течения распространили свою деятельность на все мусульманские государства и государства всего мира, и в итоге объектом их экстремистских действий стали также правоверные мусульмане, чем подчеркивается, что мусульманский мир никогда не характеризовался единством. Так, хариджиты, мурджииты и мутазилиты имели следующие разногласия.

Первые придерживались радикальной позиции, согласно которой совершивший тяжкий грех мусульманин перестает быть таковым, переходя в статус неверующего (кяфира).

Мурджииты не склонялись к таким крайностям, считая, что мусульманину достаточно сохранять в душе верность и преданность своей вере, несмотря на то, что совершил грех.

Мутазилиты находились на промежуточной позиции, разработав доктрину о некоем среднем состоянии между двумя указанными категориями, определяя таким образом в оценочном порядке мусульманина, совершившего тяжкий грех [107].

Поскольку при пророке Мухаммеде власть была теократической, то она считается образцом управления в мусульманских государствах, так как Пророк проповедовал неразделимость духовной и светской власти.

Однако после его смерти, эта проблема стала поводом для раскола со стороны всего мусульманского сообщества на группировки, каждая из которых имела свое мнение о вопросе власти. Антагонизмы в мусульманском мире также связывались с другими вопросами идеологического и политического характера, что породило неопределенность путей развития исламского мира и способствовало созданию явления исламского экстремизма. Эта борьба продолжается и в настоящее время, иногда проявляясь в открытых столкновениях между различными течениями. Кроме того, приведенные внутренние противоречия столкнулись с внешними в виде влияния западного мира, а арабо-израильские войны усугубили ненависть к израильтянам и их западным покровителям.

Тем самым исламский радикализм стал искать идеологическую опору в Священных текстах, переиначивая и выделяя их противоречивые положения со своей интерпретацией.

Наличие значительных расхождений и противоречий в толковании мусульманского вероучения позволяет использовать его положения для обоснования современного состояния исламского экстремизма. В ситуации глобализации традиционный ислам может быть идеей, которая могла бы консолидировать всех мусульман в единую основу на базе реальных исторических традиций, закрепленных в Священных текстах, что позволит использовать таковые для противодействия исламскому экстремизму и терроризму.

Таким образом, проблема власти привела к расколу мусульманского духовенства на различные группировки, каждая из которых проповедовала свою жесткую позицию по поводу вопроса власти. Так, «хариджиты» считали, что власть должна иметь общинный характер с выборностью глав общин; шииты определяли божественный характер власти; сунниты занимали промежуточную позицию.

После поражений в арабо-израильских конфликтах со стороны мусульман сформировался комплекс ненависти и желание реванша.

Однако исторические предпосылки исламского экстремизма в современном виде были порождены еще в конце XIX века, а в конце XX века, в

силу указанного воздействия со стороны западных стран, были резко активизированы, посредством призывов создания исламских государств Ближнего и Среднего Востока, а также Кавказа. К основным свойствам исламского экстремизма относят, помимо возврата к базовым принципам ислама, объединение всех мусульманских сообществ по нормам шариата, восстановления верховной власти Аллаха с направленностью на нанесение максимального вреда «неверным», независимо от характера последствий такого вреда [108, с. 210-214].

Радикальные, экстремистские исламские течения руководствуются идеологией тоталитарного типа, которая не приемлет светских принципов, не признает другие религии и нередко прибегает к силовым методам для достижения своих целей [109, с. 22-24]. Радикальными исламистами отрицается всеобщая грамотность, равенство по половому признаку и свобода совести. Все это провозглашается «истинным» традиционным исламом, что позволяет вовлекать в борьбу с «неверными» множество этнических мусульман, живущих как в западных, так и мусульманских странах.

Радикальные, экстремистские исламские течения стали по-своему трактовать аяты (положения) Корана. Так, по Корану джихад в буквальном смысле означает «путь усилий и рвений на пути к Богу», тогда как сам путь Бога является путем добра и ненасилия, путь всеобщей справедливости. Поэтому в реальности джихад означает интеллектуальное совершенствование и работа над своим сознанием, а рвение в джихаде предполагается исключительно, как мирное действие. Между тем, благодаря религиозным экстремистам такое слово в общемировом дискурсе стало синонимом насилия, экстремизма и терроризма.

Таким образом традиционный ислам не предполагает какого-либо экстремизма и имеющиеся в Коране ссылки на экстремистские действия являются реакцией того времени на политические действия насильственного характера со стороны язычников и потому адресованы тиранам.

В реальности ислам является религией добра и справедливости и призывает людей вести праведную жизнь. Основные положения традиционного ислама сводятся к следующим элементам:

- все люди являются одной семьей;
- мусульмане являются братьями и сестрами по отношению друг к другу;
- приоритет социальной справедливости;
- необходимость жить честно и достойно;
- богатый не должен стремиться стать еще богаче, если другой остается бедным.

Возникшие из корней традиционного ислама радикальные экстремистские течения используют религию в качестве инструмента, по-своему интерпретируя аяты Корана, что наносит существенный морально-политический ущерб конфессии и является угрозой общественной безопасности.

Как представляется, любое идеологическое течение, в том числе религиозное, изначально не содержит в себе каких-либо проявлений

экстремизма и терроризма, являясь по своей сущности культурой гуманистического направления. Однако, в зависимости от складывающейся политической и экономической ситуации, отдельные ее ветви могут переродиться в организации экстремистской направленности. Поэтому рассмотрение истоков экстремизма требует исследования особенностей самой религии в ее динамике при осмыслении конкретной социально-экономической и политической ситуации применительно к определенному моменту эпохи [110, с. 64-76].

Всегда следует иметь в виду, что в основе любого вероучения лежит отсутствие критического понимания ее догм без какой-либо логической аргументации, что становится основанием превращения ее в экстремистскую форму. В этом отношении любая религия может стать истоком экстремизма, о чем свидетельствуют исторические события религиозных войн в Европе и движения староверов в России. В любом случае основой протеста являлось некритическое отношение к религиозным догмам. Поэтому экстремизм является следствием сложившихся исторических условий, при которых часть традиционной веры, носящей изначально гуманистический характер, перерождается в экстремистские формы.

Как правило, религиозный экстремизм начинает проявляться в переходные моменты истории, примером чему являются современные условия глобализации и модернизации, охватившие практически все человечество. При этом религиозный экстремизм немного стоит без опоры на сложившуюся традиционную религию и ее идеологию, откуда он берет ее каноны, перерабатывая их в экстремистскую форму. Как заявляют исследователи, предвзятый характер вольного толкования религиозных текстов дает возможность использовать любую религию в экстремистских целях [111].

Традиционный ислам проявляет себя на идеологическом и психологическом уровнях. Обе составляющие являются уязвимыми элементами. Идеологическая основа ислама характерна своей противоречивостью, что и становится основанием для ее различных интерпретаций посредством вырывания отдельных фрагментов мусульманского вероучения. Тем самым, традиционная религия преобразуется в некий суррогат, в большей степени сравнимый с раковой опухолью в здоровом теле. Основное содержание канонов ислама одинаково и различия связываются с идеологическими аргументами.

Так, традиционные догмы предполагают, что мир – творение Аллаха, который является совершенством и потому не нуждается в человеческом воздействии. Экстремизм тут же берет на вооружение этот постулат, указывая на «порчу», которую внесла в существующий мир «нечистая сила», и потому такой мир, по их убеждению, нуждается в исправлении.

Если традиционная религия признает в человеке сотворенное Аллахом сочетание положительных и отрицательных черт и таким образом смысл существования сводится к личному спасению посредством духовного самосовершенствования, то экстремистская идеология упрощает эту

двойственность, превращая ее в противоборство высших и низших сил, разделяя людей на правоверных и неправовверных.

Традиционная религия определяет человека как связывающее звено между реальным и потусторонним миром, и потому человеку следует принимать этот мир таким, каков он есть. Экстремистская идеология заявляет о том, что если дело обстоит так, то правоверные не должны смиряться с таким миром и потому обязаны по мере своих сил исправлять его, в том числе посредством террористических методов.

Если традиционная религия утверждает, что человек – это несовершенное творение Аллаха и потому его предназначением является постоянное совершенство, то экстремистское толкование указывает на необходимость искоренения «порчи» не только в себе, но, что в большей степени, в других людях.

Поэтому для мусульман, вовлеченных в экстремистские действия, террористические акты являются действиями, приближающими к Аллаху и методом, обещающим личное спасение. Так, смертник уверен, что считается орудием спасения, как избавитель заблудших душ.

Как нам видится, у религиозного экстремиста своеобразное, в некоторой степени, патологическое толкование норм ислама с формированием своего особого религиозного чувства, на основе которого складывается поведение с экстремистской направленностью. Анализ террористических актов в Европе, показывает, что часть из них совершили террористы одиночки, ранее являвшиеся вполне законопослушными гражданами, лишь интересующиеся идеологией радикального толка. Эти люди могут принять самостоятельное решение о нападении, не ожидая какой-либо команды или специальной подготовки. Последним ярким примером такой угрозы стало убийство учителя истории во Франции, демонстрировавшего на одном из своих уроков карикатуры на пророка Мухаммеда. Как выяснилось позже совершивший убийство 18-летний гражданин Франции не являлся активным членом какой-либо террористической организации, а лишь посещал проповеди в одной из мечетей Парижа. При этом, совершения такого жестокого преступления от него не ожидали даже близкие родственники, его семья была отпущена после долгих допросов, как не причастная.

Если обычному мусульманину свойственна чисто внутренняя мотивация на основе моральных принципов и высокая личная ответственность, то поведению экстремиста – мотивация принудительного характера со стороны экстремистских лидеров, при которой сам экстремист не испытывает какой-либо моральной ответственности за свои поступки, перекладывая ее на Аллаха.

Таким образом, следует четко понимать, традиционный ислам отличается крайней миролюбивостью и не является религией террора и насилия, а радикальные исламские течения своими экстремистскими и террористическими действиями формируют его негативное восприятие. Ислам является лишь средством, с помощью которого экстремисты оправдывают свою деятельность.

Приведенные доводы диктуют необходимость более подробного изучения исламского фактора не только в отдельно взятом обществе, но и мировой политике в целом.

1.3 Религиозный (исламский) фактор в современной мировой политике

Влияние исламского фактора привело к тому, что понятия радикализма, экстремизма и терроризма, в последние десятилетия, устойчиво вошли в международный лексикон с приставкой исламский. Религиозный фактор постоянно усиливается, что дает основание для построения различных конструкций, основанных на «Конце истории» Ф. Фукуямы [112] и «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [113].

Так, американский политолог Ф. Фукуяма заявляет об очевидном триумфе Запада и западной идеи «в первую очередь, из-за полного крушения всех альтернатив западному либерализму». А гарвардский профессор С. Хантингтон о неизбежности конфликтов, определяющихся различием культур и «цивилизаций» [114, с. 73].

Если в начале XX века ислам не являлся доминирующей религией, то в наши дни количество его последователей увеличилось до 1,8 млрд., что уже составляет чуть менее четверти населения планеты и сегодня они проживают на всех континентах – и в Европе, и Азии, и Африке, Северной и Южной Америке, и также Австралии.

Мусульманским миром создаются собственные политические институты, концепция мирового порядка которых учитывает исламские каноны. К таким организациям относятся Организация Исламской Конференции, объединяющая 56 мусульманских государств, Исламская организация по образованию, науке и культуре (аналог ЮНЕСКО), Исламская комиссия Международного Красного Полумесяца, Исламский Банк Развития.

На протяжении последних десятилетий мы наблюдаем процесс политизации ислама. Основной причиной или движущей силой этого процесса многие эксперты называют глобализацию [115, с. 9-16]. Однако она не может быть единственной причиной и здесь имеет место влияние как международных, так и внутренних факторов.

К главному международному фактору можно отнести сохраняющийся до настоящего времени арабо-израильский конфликт. Именно он остается одной из основ консолидации мусульманского мира. Внутренние факторы связаны с самой природой учения, суть которого заключается в единстве ислама с политикой, культурой, экономикой и другими сторонами общества, что в свою очередь способствует активизации его роли в мусульманских странах. Ислам является образом жизни любого мусульманина. Миграционные процессы содействуют экспорту ислама в другие страны, а явление всеобщности его дальнейшей популяризации. Радикалы умело используют эти обстоятельства, противопоставляя исламский мир всему мировому сообществу, а в большей степени его западной модели, провозглашая конечной целью создание, так называемого, «нового Халифата».

В настоящее время идея создания «нового Халифата» находится в центре внимания многих востоковедов, в частности, специалистов по исламу. Ученые отмечают разное восприятие этой идеи в мусульманских странах. Арабский мир представляет «новый Халифат» в виде раннего халифата, где правили праведные халифы; для Ирана – это государство Аббасидского халифата; в Турции пропагандируется идея создания халифата времен Османов; а Талибанские религиозные фундаменталисты в Афганистане попытались противопоставить ислам западному миру. Основная цель талибов заключалась в объединении всех мусульманских стран в единый Исламский халифат. При этом центром этого государства они рассматривали Афганистан. Даже журнал, который стали издавать талибы, назывался «Халифат». В нем они пропагандировали идею о том, что создание эмирата в Афганистане – это первый шаг на пути к установлению Халифата. При этом решение этой задачи также брало на себя и ИГИЛ, которое пыталось воплотить мечту радикальных исламистов в реальность в более жестокой форме.

Тем не менее, всегда следует иметь в виду отсутствие однородности у исламских движений, которые условно можно классифицировать, в зависимости от их влияния на государственные структуры.

Умеренные исламские течения, склоняются к компромиссу и мирному сосуществованию с представителями другой веры, тогда как радикальные исламские движения предпочитают придерживаться позиции экстремизма. В этом отношении Д. Барышников различает три направления ислама: модернизированный, традиционный и фундаменталистский.

Первое направление склоняется к прогрессивному началу современной цивилизации, провозглашая необходимость сотрудничества, но с учетом национальной или религиозной специфики и поиском путей преодоления антагонистических противоречий [116].

Идея модернизированного ислама впервые была провозглашена в виде призыва президента Ирана Хатами на трибуне ООН в 1999 году, который предложил концепцию диалога цивилизаций. Хатами призвал к толерантности по отношению к различным культурам и более тесным связям с Западом. Призыв иранского президента стал противовесом концепции С. Хантингтона. Основной мыслью Хатами являлось сочетание ценностей ислама с демократическими ценностями западного мира.

Сторонники традиционного ислама критически относятся к явлению глобализации, считая ее неприемлемой в своих странах, однако при этом склоняются к некоторым ограниченным связям со странами Запада, преимущественно в экономической сфере, сохраняя приверженность мусульманским ценностям.

Концепция фундаменталистов сводится к полному переосмыслению современных общественных и политических институтов строго в духе священных текстов по канонам шариата. При этом ими не признается позиция религиозных реформаторов в отношении необходимости приспособления религии к сложившимся современным условиям. Общая доктрина фундаменталистов была провозглашена еще в 1930 годы XX века движением

«Братья-мусульмане», требовавшим возвращения к истокам ислама, а также призывая к единству и борьбе против «неверных». Основные положения их концепции предполагают насильственное распространение ислама посредством политической экспансии.

Схематично указанные направления можно представить следующим образом, таблица 1.

Таблица 1 – Идеологические направления ислама

Идеологические направления ислама	Суть идеологии	Методика взаимодействия
Модернизированный ислам	Склонность к восприятию современной цивилизации, с учетом национальной и религиозной специфики, при необходимости сотрудничества	Сотрудничество с государством и обществом иных культур и конфессий
Традиционный ислам	Критическое отношение к глобализации, как неприемлемой меры, но с ограниченными связями в основном в экономической сфере при сохранении исламских ценностей	Ограниченное сотрудничество
Фундаменталистский ислам	Полная ревизия современных общественных и политических структур в духе священных текстов мусульманской религии по канонам шариата. Возвращение к фундаментальным истокам ислама при полном игнорировании иных культур	Насильственное распространение ислама посредством политической экспансии.
Примечание – Составлена автором по источнику [116]		

В еще большей степени исламский фактор проявил себя после событий, так называемой, «арабской весны». Это стало новым явлением, поскольку социальные взрывы были направлены уже не против западных лидеров, а против внутренних проблем. При этом, как отмечал российский ученый и известный политик Е. Примаков, ни в одной из мусульманских стран, ставших центрами событий «арабской весны», протестные движения не возглавляли исламские экстремисты [117, с. 379]. Напротив, западный мир раздув пламя конфликта воспользовался ситуацией в своих стратегических интересах. Это стало дополнительным катализатором процессов радикализации ислама. В итоге радикальные исламские течения и организации еще в большей степени политизировались.

Обращается внимание на то, что за последние три десятилетия ислам охватил своим влиянием практически весь азиатско-африканский регион, распространившись даже в тех странах, где их численность не составляет большинства [118, с. 28-41].

Одним из объяснений такого стремительного и широкого распространения, по мнению историка-исламоведа Р. Ланда, является всеобщность ислама, при которой политика подчинена исламским канонам.

В силу влияния глобализации и доминирования западных ценностей, политика, как составная часть мусульманского образа жизни, стала основным инструментом как для сопротивления чуждой культуре, так и наступательной политики в целях создания халифата.

В политических целях исламские радикалы стали извращать священные религиозные ценности, и именно модернизация, как составная часть глобализации, стала как причиной, так и поводом. При этом объектом воздействия исламских радикалов стали страны Африки, которые после обретения ими независимости встали на путь модернизации, перенимая образ жизни западных стран.

Глобализация и модернизация всех сфер жизни мирового сообщества способствует углублению противоречий между системами ценностей западного и восточного образца, что приводит к изменениям в психологической и культурной сферах восточных стран, и в свою очередь способствует политизации религии [119, с. 226].

Таким образом, в отличие от других религий, современный ислам отличает высокая политизация и потому исламские экстремисты заявляют о необходимости существенного увеличения его роли в жизни общества и государства. Исламисты заявляют об ущемлении прав мусульманских государств посредством навязывания чуждого им порядка со стороны ведущих западных стран.

Известный исламовед М. Мейер заявляет, что в настоящее время мы наблюдаем наступление нового этапа развития мусульманского мира, характерным признаком которого является активизация исламского фундаментализма. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к различию во мнениях по поводу роли современного ислама в развитии мусульманских общин [120, с. 20].

Историк-востоковед Г. Мирский, оспаривая позицию С. Хантингтона, заявляет, что речь не идет о каком-то возрождении ислама, эта ситуация характерна подъемом самосознания ислама и выходом его на международную арену. Добавим, что именно влияние глобализации побудило ислам выдвинуться на те роли, о которых наиболее часто упоминается в средствах массовой информации, на международных дискуссионных площадках и в международных организациях [121, с. 164-171]. При этом причины такого явления не могут сводиться только лишь к экономическим или социальным проблемам, так как большое число террористов являются выходцами из образованных и обеспеченных семей. Истинные причины лежат в агрессивной политике западных стран, преподносимой под видом распространения

демократии и защиты прав человека, а зачастую преследующей цель укрепления своих позиций в важных для себя регионах, вызывает ответную реакцию мусульманского мира. Эти обстоятельства создают очень благоприятную почву для распространения исламского радикализма и экстремизма.

Следует обратить внимание и на процессы национализации ислама. Примером таких процессов является Иран, который сконцентрировался на своих внутривосточных проблемах, что способствует сплочению националистов и исламистов. При этом неизбежно возникает проблема расширения влияния и распространения идеологии последних на близлежащие регионы [122, с. 176].

По мнению американского исследователя Т. Фридмана, мусульманские страны не способны к глобализации, как усвоению чуждых для них ценностей в силу своей исторической отсталости [123, с. 127]. На это следуют возражения со стороны российских историков А. Хазанова, В. Ушакова, которые указывают на то, что мусульмане в свое время переняли культуру античного мира, и арабские ученые показали высокие достижения в науке и искусстве, а нынешние проблемы стагнации следует объяснять интервенцией западных стран в эти регионы [124, с. 122-127].

В продолжение заявленных мыслей отметим, что страны Европы по существу гораздо в меньшей степени преуспели в усвоении культуры Античного мира, пребывая в длительной эпохе Средневековья. Лишь благодаря выгодному географическому положению, позволившему широко развернуть морскую торговлю и последующую колонизацию, Запад достиг быстрого экономического роста. Впоследствии большие экономические возможности позволили этим странам, используя идеологию реформации, осуществлять грубую экспансию на весь мир. Сегодня, такую агрессивную политику мы можем наблюдать на примере США, использующие под эгидой глобализации политические, экономические и информационные ресурсы для навязывания западной культуры всем, в том числе и мусульманским странам. При этом, западные средства массовой информации, по существу, ставят знак равенства между фундаментализмом и терроризмом без учета социального и политического контекста [125].

Французский политолог Ф. Бюрга считает методологической ошибкой мнение западных аналитиков о том, что корни многих фактов насилия кроются в религиозном фундаментализме, враждебном демократии и западным ценностям. Исламизм ими рассматривается, в первую очередь, в качестве политического феномена, формы которого определяются внутренними и международными политическими факторами [126]. В контексте внутривосточной борьбы насилие со стороны оппозиции чаще всего порождается насилием со стороны правящих режимов. При этом игнорируется роль внешней политики стран Запада, нередко использующего насильственные методы. Преувеличение со стороны западных стран жесткой роли исламского фактора, соответственно приводит к ответным действиям со стороны радикальных исламских движений.

Таким образом, основные тенденции исламского фактора в современном мире сводятся к укреплению в странах авторитарного режима, в ответ на усиление влияния радикальных исламских движений. Вместе с тем, внутри самих исламских течений происходят процессы политического и идеологического расслоения. Со стороны западных стран сохраняется позиция, согласно которой радикальные религиозные течения считаются основным источником насилия и рассматриваются через призму их принадлежности к исламскому миру. Однако постепенно растет количество исследователей, обращающих внимание на культурологические особенности и роль Запада в эскалации насилия, а исламский фактор представляет собой вызов, брошенный в адрес западных стран. Наиболее показательными событиями, подчеркивающими резкую эскалацию противоречий двух разных культур или «столкновения цивилизаций» стали акты демонстративного сожжения Корана в Швеции и публикации в журналах карикатур на пророка Мухаммеда во Франции. Такие действия вызвали возмущение и протесты во всем мусульманском мире. Демонстрации в Европе вылились в беспорядки и столкновения с полицией, а позднее и к новым террористическим атакам. Несмотря на созданный резонанс эти акты не просто не получили официального осуждения в Европе, а напротив, нашли поддержку в качестве свободы выражения и их повторение в будущем отнюдь не исключается. Для снятия такого противостояния и достижения приемлемого консенсуса необходимы изменения в поведении всех сторон. Европейские страны должны выстраивать свою позицию на базе общих ценностей и исходить из принципов культурного сотрудничества вместо одностороннего навязывания своей модели.

Длительное время специалисты, говоря об экстремистских силах, в основном выделяли экономические интересы, мало обращаясь к религиозному фактору. Религия рассматривалась в качестве духовно-личностного элемента. Однако такое игнорирование привело к росту исламского фундаментализма и как следствие экстремизма [127, с. 152-156]. Лишь последующие потрясения, такие как распад Советского Союза и Югославии, террористические акты 11 сентября 2001 года в США заставили обратить особое внимание на религиозные аспекты.

Как ранее указывалось, исторически сложилось так, что мусульманский мир не характеризуется своим единством. Весь мусульманский мир представляет собой конгломерат сообществ, в которых единым элементом является религия. Тем самым мусульмане не привязаны к какому-либо одному государству и консолидированы лишь общими религиозными ценностями и образом жизни, став сообществом, получившим наименование умма [128, с. 159-163].

Мусульмане составляют в настоящее время около 1.8 млрд. человек и это количество имеет тенденцию к увеличению [129, с. 21]. Ислам привлекает отсутствием предвзятости по отношению к национальной или этнической принадлежности, отсутствием каких-либо границ и готовностью оказать помощь любому мусульманину. Поэтому ислам существенно укрепил свои

позиции, как в политической, так и социальной сферах. Усилению ислама способствует демографическая ситуация. Особое внимание к репродуктивным аспектам, содержащимся в Коране и поощряющими многоженство, замужество вдов с братьями мужа, многодетность, занятость женщин, преимущественно в домашнем хозяйстве и воспитании детей, создают благоприятные условия для демографического роста мусульман.

В странах Европы продолжается активный рост мусульманского населения, и эта тенденция сохраняется, тогда как демографические показатели коренных жителей постоянно снижаются. Так, по результатам отчета Исследовательского центра «Pew Research Center» до 2050 года число мусульман в Европе может составить 14%, при этом в Великобритании этот показатель может достигнуть более 17%, а в Германии почти 20% (рисунок 1).

Рисунок 1 – Отчет «Pew Research Center»

Примечание – Составлен автором по источнику [130]

Представим в виде таблицы 2 количество мусульман в процентном соотношении в трех самых развитых странах Европы.

Таблица 2 – Количество мусульман в странах Европы

Страна	Основная религия	Соотношение с мусульманами
Германия	христианство (лютеранство, католичество)	лютеране – 32% католики – 32.4% православные – до 5.2% мусульмане – около 5.2%
Великобритания	христианство	христианство – 71.6% мусульмане – 2.6%
Франция	христианство (католическая ветвь)	католики – 43% мусульмане – 8%

Примечание – Составлена автором по источникам [131-133]

Несмотря на относительно низкий, на первый взгляд, уровень рассматриваемой религии, следует обратить внимание на их взрывной рост за последние годы, связанный с массовой миграцией. Поэтому по состоянию на текущий год отсутствует достоверная статистика их общего соотношения с иными конфессиями в странах Европы.

Большую роль играет пропаганда ислама наряду с материальной поддержкой мусульманских общин. Религия пронизывает всю общественную жизнь мусульманских сообществ. Основным инструментом влияния на мировоззрение является мечеть, где постоянно идет процесс формирования взглядов прихожан на мировые проблемы, на отношения между народом и властью.

Возможно активизация ислама была бы менее активной без влияния экономического фактора, связанного с огромными запасами углеводородов, сосредоточенных в мусульманских странах, где выявлено около 2/3 мировых запасов нефти и газа, без которых современная цивилизация уже не может обойтись.

Этот аспект серьезно способствует сейчас, и будет способствовать в дальнейшем роли мусульманских стран в экономической жизни планеты [134]. Страны исламского мира, будучи в таком естественном привилегированном положении, в состоянии создавать существенный экономический задел посредством валютных накоплений, а также инвестировать свой капитал в западные банки, еще больше увеличивая свои доходы. И в то же время усиливается взаимозависимость стран не только в экономическом, но и политическом аспектах. Это же положение позволяет расширить финансовую помощь мусульманским странам.

Мусульманские государства стараются оперативно внедрять последние научно-технические достижения в свое народное хозяйство, и в особенности в военные технологии, формируя соответствующие научно-технические кадры. Сильной стороной исламского мира является невосприимчивость к западным традициям, их морально-культурным ценностям, что в связи с девальвацией западной культуры усиливает влияние ислама на население, в том числе европейской национальности.

Расширение исламского влияния способствует распространению радикальных течений в силу потери у части населения идеологических ориентиров и отсутствием активности со стороны демократических политиков. Помимо этого, экономические реформы, осуществленные как в странах социализма, так и капитализма не привели к ожидаемым положительным результатам, а напротив, усилили социальную поляризацию в мусульманских странах. Агрессивное внедрение в мусульманскую сферу демократических и либеральных основ породило резко отрицательную реакцию со стороны мусульманского населения.

На наш взгляд, наиболее влиятельными мусульманскими государствами в современную эпоху считаются Турция, Иран и Саудовская Аравия. Каждое из них по-своему пытается активизировать роль ислама на международном уровне. Однако, помимо такого негативного явления, как религиозный

экстремизм, мусульманский мир обременен религиозным разнообразием и борьбой за лидерство. Под видом поддержки других мусульманских государств Турция, Иран и Саудовская Аравия стараются расширить сферы своего влияния и стремятся стать своего рода лидером мусульманского мира. Так, Саудовская Аравия ежегодно тратит большие финансовые средства для усиления и расширения влияния ислама (особенно консервативной школы, известной как ваххабизм), Иран активно использует ливанскую «Хезболлу» и эмиссаров Корпуса стражей исламской революции для продвижения своих интересов в соседних странах (Ливан, Ирак, Сирия и др.), а Турция перебрасывает в зоны своего интереса сирийских боевиков из подконтрольных ей территорий (Ирак, Ливия, Азербайджан). В качестве одного из примеров таких действий можно назвать участие сирийских боевиков в военном конфликте в Нагорном Карабахе. При этом, по мнению некоторых экспертов, к обострению этого замороженного конфликта Азербайджан подталкивала Турция, которая затем сразу же заявила о полной поддержке силовых действий Баку.

В исламе исторически сформировались три религиозных направления. Основным является суннизм, последователи которого составляют большинство мусульманского мира. Следом идет течение шиитов, составляющее около 10% всех мусульман и хариджиты, являющееся самым малочисленным течением. Помимо этого, каждая из этих ветвей также делится на отдельные направления и секты, многие из которых находятся на противоположных идейных позициях, не признавая и критикуя друг друга, что способствует расколу мусульманской конфессии.

Таким образом, ислам видится крайне разнородной религией. Мусульманские страны отличаются формой правления, делясь на монархические (Иордания, Саудовская Аравия); республиканские (Египет, Турция), эмиратские султанатские, а также государства сугубо теократические, подобно Ирану и Пакистану, в которых законодательство основывается на нормах шариата. Кроме того, между исламскими государствами присутствует борьба за лидерство в мусульманском мире, примером чему является Иран и Саудовская Аравия.

К этому следует добавить отрицательную динамику экономического и социального развития в силу того, что несмотря на экономические успехи, рост населения опережает рост валового внутреннего продукта. Таким образом, учение Корана, поощряющее рост рождаемости входит в противоречие с экономическими условиями в этих странах, что ставит их в некоторую зависимость от развитых государств. Обращается внимание также на низкий процент образованного населения.

Рассматривая мусульманский мир, как единое целое, можно констатировать, что он таким не является. И здесь речь идет не только об идеологических противоречиях, но и о разных геоэкономических условиях. Так, меньшая часть мусульманских стран находится в значительно более благоприятных условиях благодаря запасам углеводородов, а экономическое положение остальных продолжает оставаться тяжелым. Эти обстоятельства

следует учитывать при разработке программ противодействия религиозному экстремизму.

Также необходимо понимать значимость религиозного фактора во внешней политике мусульманских стран, предполагающей влияние религии на отношения между государствами, а в некоторых случаях приводящее к локальным конфликтам [135, с. 111-113]. Под влиянием религиозной идеологии государства предпринимают вмешательства во внутренние дела других стран, под прикрытием необходимости защиты своих единоверцев. Около половины государств рассматривают религию основным фактором, формирующим государственную политику, а применительно к мусульманским странам выбирается религиозная идеология одного из течений ислама. К примеру, Саудовская Аравия взяла за основу и широко распространяет свою версию ислама – ваххабизма, оказывая соответствующую материальную помощь приверженцам этого течения в других странах. Для таких стран религия является дополнительным элементом, определяющим внешнеполитические цели.

Следует иметь в виду, что на протяжении всей истории человечества религия представляла собой инструмент обеспечения стабильности государства. В силу малой грамотности население охотно верило доктрине о том, что правители получают власть от Бога и потому не могли судить, как ведутся государственные дела. Утрата легитимирующей роли религии в делах государственного управления наступила лишь в XX веке и в основном в западных странах, чего нельзя сказать о странах мусульманского мира. Но даже утрата этих позиций в демократических странах не аннулировала влияние религии на их внутреннюю и внешнюю политику. Религиозный фактор остается важным компонентом для развитых государств и подтверждением этому является огромный авторитет Папы Римского.

Таким образом, религия, оставаясь важным фактором внутренней и внешней политики государств, оказывает существенное влияние на состояние и динамику международных отношений.

Несмотря на разногласия во взглядах различных религиозных течений, имеются основания полагать о наличии в исламском мире тенденции к повышению мусульманской солидарности [136, с. 21]. Мусульманские страны все в большей степени приходят к осознанию наличия общей культуры. В сознании мусульман даже укоренено своеобразное название «Исламская нация» [137, с. 37]. Несмотря на противоречия, мусульманский мир предпринимает меры по выражению общей позиции перед имеющимися вызовами глобализации. Основной проблемой является активизация исламских радикалов, предпочитающих конфронтацию с западными странами. Поэтому разнообразие религиозных течений и различие их идеологии не следует переоценивать. В этом контексте в рамках мусульманского сообщества наблюдается известная диалектическая ситуация единства и борьбы противоположностей. Поэтому попытки западных стран предпринять меры по углублению разногласий между религиозными течениями, вызывают обратную реакцию, воспринимаемую как покушение на исламскую идентичность в

целом. Такое восприятие, в свою очередь, становится эффективным инструментом, применяемым религиозными экстремистами и направленным на соответствующую пропаганду и мобилизацию мусульман.

Следует признать, что агрессивность какого-либо государственного или политического образования нередко является следствием ментального и идеологического кризиса. Исламский мир в настоящее время находится в процессе трансформации, проявляющейся в некотором разрушении его духовного ядра с возможным последующим его расколом по культурным, духовным и политическим интересам. Подобно имевшей место в позднее Средневековье реформации христианства, когда ее католическая ветвь была существенно потеснена протестантской, нечто схожее происходит и в мусульманской среде, но уже на других основаниях. Протестантское религиозное течение возникло в первой половине XVI века в Европе в качестве оппозиции римско-католической церкви. Ее идеалом было возвращение к апостольскому христианству, поскольку, по мнению реформаторов, католическая церковь отошла от первичных принципов множественными дополнениями из средневекового схоластического богословия.

Рост радикализма и экстремизма определенных течений в исламе способствует росту противоречий и приводит к конфликтам среди мусульманского сообщества, что может привести к разрушению его духовной основы.

Рост реформаторского движения в исламе свидетельствует о проявлении кризиса в духовной сфере. Многими политическими режимами мусульманских стран была объявлена необходимость реформирования ислама. Но здесь следует отметить, что в отличие от реформации западного Средневековья, одной из причин реформации ислама служит требование западных элит, от которых во многом зависит экономическое и политическое благополучие исламских государств. Одним из мотивов таких требований является мнение Запада о том, что ислам в его нынешней форме является сдерживающим фактором, не позволяющим мусульманским странам войти в новый современный порядок.

Мусульманский мир, несмотря на то, что длительное время являлся объектом культурной и экономической экспансии стран Запада, сохраняет свой традиционный уклад, в котором ислам занимает приоритетное место. Как представляется, равным образом и европейская христианская культура в лице католического Ватикана также не отличается особым обновлением, сохраняющая свои церковные традиции, ритуалы и культуру. Поэтому ожидать «модернизации» ислама в угоду представлений Запада не следует.

Между тем в 2015 году в ООН был утвержден проект в сфере устойчивого развития до 2030 года, подписанный руководством всех стран мира. Содержание этого документа по существу в перспективе исключает существование традиционного ислама, объявляя основной своей целью создание единого культурного и духовного пространства с общей мировоззренческой идеей [138].

В этой сфере основным партнером ООН является Ватикан, находящийся под влиянием модернистского движения и ставший одним из основных кураторов трансформации по модернистскому образцу многих религиозных систем восточных сообществ, заявляя о необходимости объединения всех конфессий в единую универсальную мировую религию [139, с. 222-248].

В этом проекте, называемом экуменическим, чувствуется существенное влияние Ватикана. Он обнаруживает стремление к мобилизации своих сторонников в глобальном экуменическом проекте и при этом старается воспользоваться сложившейся исторической возможностью объединения разрозненных мусульманских движений модернистского толка, чтобы направить их в желаемое идеологическое русло.

В отличие от государств Западной Европы, установивших отношения с мусульманским миром по образцу межгосударственных отношений, Ватикан, помимо этого, создал систему своего присутствия внутри мусульманских стран, посредством которой он порой успешно реализует свою политику в отношении исламских государств. В результате такой политики значительная часть мусульманских лидеров не только откликнулись на папский призыв, но фактически стали его партнерами в деле экуменического проекта исламской уммы.

При Папе Римском Иоанне Павле II преобладающим направлением было примирение с исламом, после чего акцент стал смещаться на экспансию ценностей западного мира и попытки влияния на ислам в аспекте отказа от тех положений, которые противоречат принципам толерантности. Основной задачей являлась необходимость трансформации ислама на убеждении открытости и восприятию религиозного плюрализма [140].

В дальнейшем политика Ватикана в этом направлении стала в большей степени наступательной, вплоть до критики Корана. Так, папа Бенедикт XVI в 2006 году прочел лекцию в Регенсбургском университете, заявив, что требование пророка Мухаммеда распространить Слово Божье с помощью оружия не соответствует принятым в современном мире правилам общежития, и потому необходимо установление контроля над догмами и доктринами в целях развития способов, являющихся приемлемыми для остальной части мира. Такой характер лекции произвел огромное впечатление на международное сообщество, вызвав продолжительные дискуссии, и даже подтолкнул ряд мусульманских лидеров к призывам реформирования религии [141].

Ватикан заявляет, что в современную эпоху большая часть мусульманского сообщества осталась на прошлых, во многом архаичных, позициях и потому использует экстремистскую интерпретацию Корана, препятствуя свободе вероисповедания и осуществляя преследование по религиозному признаку. Мусульманское сообщество должно следовать доктрине о религиозных свободах и формировать условия для продуктивного межрелигиозного диалога.

Вместе с тем, Ватикан сам противоречит принципам равенства свободы и вероисповедания, поскольку демонстрирует негативное отношение к исламу, настаивая на его модернистском варианте со своей интерпретацией. Отказывая

традиционному исламу и миллионам верующих в их праве на свободу вероисповедания Ватикан демонстрирует ноты радикализма.

Ватикан находится под влиянием сообщества иезуитов, подход которых идеологически связывается с антиисламскими доктринами. Этот подход выражается в примитивной схеме, согласно которой традиционный ислам рассматривается в качестве идеологии, порождающей терроризм и насилие, а диалог с такой конфессией невозможен. Поэтому мусульмане должны в неотложном порядке принять меры по реформированию своего «архаичного» в их понимании ислама, исключив из него положения, которые, по мнению иезуитов, побуждают к совершению зла. Наконец диктуется тезис о том, что некоторые положения Корана являются устаревшими и потому должна быть проведена их ревизия.

По мнению Ватикана, главной проблемой является убежденность мусульман в том, что положения, отраженные в Коране, представляют собой прямой текст, ниспосланный Богом и по этой причине, они не подлежат пересмотру или отмене, в том числе положения, касающиеся джихада. Эта проблема усложняется отсутствием единого мусульманского духовного центра, который мог бы обладать соответствующим авторитетом, и его толкование Корана принималось бы всем исламским миром. При этом, Ватикан склонен приравнивать джихад к терроризму, тогда как на самом деле, традиционный ислам не приемлет терроризм ни в каком виде.

Следует все же признать существенные достижения Ватикана по усилению своего влияния в мусульманском мире. Результатом такого влияния становятся процессы зарождения новой, своего рода неоисламской цивилизации, имеющей те же названия и атрибутику, но с совершенно иной модернизированной содержательной стороной. Ватикан совместно с ведущими исламскими центрами в Иране, Саудовской Аравии, Египте стал одним из основных духовных учредителей такого реформированного вероучения, предпринимая попытки создания новой духовной базы.

Выводы по первому разделу

1. В современной научной литературе не сложилось четкого мнения по поводу сущности и содержания понятий религиозного радикализма или религиозного экстремизма. Характерным признаком является смешение этих понятий в повседневном и научном дискурсе.

Радикализм является не идеей, а моделью поведения. Под экстремизмом можно понимать деятельность, связанную с насильственными или иными противоправными действиями, основанными на приверженности к крайним взглядам и направленными на разрушение, деструктивное воздействие или подрыв установленных норм и принципов.

Оба термина употребляются в качестве синонимов, так как объединены одной целью – переустройством политической системы. При этом экстремизм, в первую очередь, отличается от радикализма пропагандой и применением насильственных методов для достижения цели. Радикализм же предполагает

лишь стремление реализовать свои политические или иные взгляды, не идя ни на какие компромиссы.

2. Экстремизм, как и любое другое явление может иметь различные причины, связанные с историческими, политическими, социальными, социально-экономическими и другими особенностями. Для каждой страны, региона или локального общества сочетание таких причин может быть разным. В подавляющем большинстве это переплетение как религиозного, так и националистического экстремизма, в которые легко вовлечь широкие массы. Однако наиболее крайней формой экстремизма является терроризм, являющийся самым жестким методом достижения цели. Проводя террористические акты экстремистские организации пытаются достичь и иногда небезуспешно намеченных целей.

Понятия «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» по существу следуют друг за другом в порядке усиления общественной опасности от радикализма к экстремизму и в итоге к его крайнему проявлению – терроризму.

Вместе с тем, радикальные религиозные взгляды, а за ними и экстремизм могут возникать в качестве защитной реакции на процессы секуляризации общества и маргинализации религиозных групп. Насколько государство и общество будут игнорировать религиозные течения, настолько последние будут проявлять религиозный экстремизм. При этом, проявления религиозного экстремизма имеют зависимость от специфики, связанной как с внутренней ситуацией в религиозном течении, так и политической, экономической или социальной обстановкой в обществе.

3. Познание человеком окружающего мира с самых истоков формировалось посредством использования бинарного подхода, определяя все сущее по принципу черного и белого. Под влиянием бинарного подхода формировались и взаимоотношения, и религиозные учения. Не стал исключением и ислам, однако эти мотивы, искаженные в самой радикальной форме, приобрели экстремальный характер. Радикальные исламские идеологи настроены провозгласить ислам религией мира.

Не последнюю роль сыграл и географический фактор. Так, в большинстве мусульманских стран из-за обширных территорий или сурового сухого климата сформировалось авторитарное правление. Авторитарный тип культуры в этих регионах не позволил сформировать устойчивые демократические принципы. Кроме того, более благоприятные климатические условия западных стран привели к большому разрыву в экономическом развитии. Кардинальное различие культур, а также чрезмерное экономическое и политическое влияние Запада на мусульманский мир вызвало противодействие, а рост радикализма и экстремизма стал ответом на эту экспансию.

4. Возникшие из корней традиционного ислама радикальные экстремистские течения используют религию в качестве инструмента, по своему интерпретируя положения Корана.

Любое идеологическое течение, в том числе религиозное, изначально не содержит в себе каких-либо проявлений экстремизма и терроризма, являясь по своей сущности культурой гуманистического направления. Однако, в

зависимости от складывающейся политической и экономической ситуации, отдельные ее ветви могут переродиться в организации экстремистской направленности. Поэтому любая религия может стать источником экстремизма.

5. Наблюдаемая в последние десятилетия политизация ислама происходит под влиянием не только глобализации, но и внутренних факторов. Эти факторы связаны с природой учения, заключающейся в единстве с политикой, культурой, экономикой и другими сторонами общества. Явление всеобщности ислама способствует его популяризации, а миграционные процессы экспорту в другие страны.

Кроме того, имеет существенное влияние внешний фактор, выражающийся в агрессивной политике западных стран. Настойчивость Запада в навязывании своей модели общества справедливо вызывает негативную реакцию мусульманского мира. За ширмой распространения демократии и защиты прав человека исламский мир видит желание Запада лишь укрепить свои позиции в важных для него регионах.

6. Исторически сложилось так, что мусульманский мир не характеризуется своим единством. Это большое количество стран и народностей, единым для которых является только религия.

Однако ислам привлекает отсутствием предвзятости по отношению к национальной или этнической принадлежности, и в последние десятилетия существенно укрепил свои позиции. Большую роль играет пропаганда ислама наряду с материальной поддержкой мусульманских общин.

Возможно, активизация ислама была бы менее активной без влияния экономического фактора, связанного с запасами углеводородов некоторых мусульманских стран. Этот аспект серьезно способствует усилению роли мусульманских стран в экономической жизни планеты. Несмотря на различия в религиозных взглядах, в исламском мире просматриваются тенденции к повышению солидарности. В сознании мусульман укореняется своеобразное название «исламская нация».

Вместе с тем, расширение исламского влияния способствует и распространению радикальных течений. Основной проблемой остается активизация радикалов, предпочитающих конфронтацию с западными странами.

7. Исламский мир в настоящее время находится в процессе трансформации и зарождение реформаторского движения в исламе свидетельствует о проявлении кризиса в духовной сфере. В этом контексте рост радикализма и экстремизма определенных его течений способствует росту внутриконфессиональных противоречий и конфликтам.

Наряду с этим, Запад навязывает исламскому миру идею реформации их религии, распространяя тезисы о том, что ислам в его нынешней форме является сдерживающим фактором, не позволяющим мусульманским странам войти в новый современный порядок. Однако, несмотря на это, а также длительную культурную и экономическую экспансию Запада, ислам сохраняет свои традиционные ценности.

Вместе с тем, такое давление Запада противоречит принципам свободы вероисповедания, поскольку демонстрирует негативное отношение к исламу и отказывая миллионам верующих в их праве на свою веру.

2 ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

2.1 Подходы к противодействию исламскому экстремизму в европейских странах

Предварительно следует напомнить о том, что выше обращалось внимание на смешение понятий радикализма и экстремизма, тем более что в работах, посвященных экстремизму, имеются аналогичные формулировки. Экстремизмом является уже сама деятельность, осуществляемая, как правило, вопреки общепринятым социальным, а то и уголовно-правовым нормам.

В основе явления экстремизма лежит отрицание существующей действительности с последующими действиями по ее дестабилизации и разрушению [79, с. 81].

При этом в зарубежной литературе оба термина употребляются в качестве синонимов. Радикализм и экстремизм объединены одной целью – переустройством политической системы, но экстремизм, в первую очередь, отличается от радикализма пропагандой насильственных методов для достижения цели [80, с. 435-437].

Однако сам по себе термин «экстремизм» по мнению некоторых исследователей, может быть определен и как приверженность к крайним взглядам, а также крайним методам их реализации. Таким образом, под экстремизмом можно понимать все виды деятельности, как взгляды и установки, так и реальные действия [142]. Именно это определение можно признать наиболее приемлемым, поскольку порой в литературе значение этого термина сводится только к идейной и психологической стороне, отражающей лишь определенную систему взглядов, а терроризм – реальные действия. Следует полагать, что термин экстремизм является общим по отношению к терроризму, а последний составной частью экстремизма. Поэтому экстремизм следует рассматривать именно в указанном общем виде.

Определяя имеющиеся подходы, приемы, методы по противодействию исламскому радикализму в европейских странах предварительно остановимся на общей ситуации рассматриваемого явления.

Происходящий в течение нескольких десятилетий процесс глобализации приводит к так называемому стиранию границ между государствами не только в экономическом, торговом, но и культурном отношении. Такое посягательство глобализации на традиции и культуру менее развитых, в экономическом плане, государств постепенно приводит к усилению национального, конфессионального самосознания и, как следствие, к размежеванию по этническим и конфессиональным признакам. В итоге приобретает остроту оборонческая стратегия, истоками которой во многом стало такое явление, которое американский социолог и политолог С. Хантингтон оценивает, как «столкновение цивилизаций» [143]. Основное напряжение вызывают взаимоотношения стран Запада с исламским миром. Эти отношения существенно осложняются множественными предрассудками и

предубеждениями, которые формируясь в обоих мирах, препятствуют налаживанию какого-либо взаимопонимания [144, с. 7-11].

Культивирование напряженности в отношении двух цивилизованных систем приводит к усилению влияния на международном уровне религиозного экстремизма. Исламисты-радикалы составляют ничтожное количество из числа всех мусульман, однако в силу своей активности и негативной пассионарности порождают ответную эмоционально-психологическую реакцию, которая переносится на весь исламский мир. Это, в свою очередь, влечет за собой возникновение сомнительных концепций, основывающихся на ложных факторах, таких как убежденность в том, что сама религия имеет агрессивное начало, которое не может быть совмещено с идеями демократии. В массовом сознании западных стран исламский мир обозначается в качестве архаичного отсталого пространства, характеризующегося экстремизмом и деструктивными проявлениями, которые несут угрозу человечеству.

Как следствие, такое отношение западных стран оказывает влияние на общую политическую деятельность и приводит к ответному широкому распространению антизападных настроений в странах Ближнего и Среднего Востока. Тем не менее, совершенно неприемлемо ставить знак равенства между всплеском экстремизма некоторой части мусульманского общества и усилением роли самого ислама.

Опросы общественного мнения показывают, что основная часть или даже большинство населения мусульманских стран не изъявляет желания жить при диктаторских режимах и выступают за приведение законов к нормам шариата и одновременное действие демократических норм в социальной жизни. В этом видится некое рациональное зерно, позволяющее в некоторой ограниченной степени совместить два, на первый взгляд, разнородных мировоззрения. Основными внутренними угрозами национальной безопасности для любого государства всегда остаются преступность, коррупция и межэтническая рознь [145]. Терроризм же никогда не относился к методам, совместимым с нормами Корана и всегда приводил лишь к дестабилизации социально-политической обстановки и росту международной напряженности.

Следует признать, что в развитых странах Европы и США преобладает отрицательное отношение к исламу. Этому способствовал широко известный террористический акт 11 сентября 2001 года, резко увеличивший негативное отношение к исламу, как религии в целом [146, с. 62-76]. Так, к примеру, негативное отношение к мусульманам выразили 75% шведов, 61% немцев и 39% британцев.

Следует отметить, что напряженность по отношению к мусульманам имеет разные формы: от боязни арабских экстремистов, с которыми в общественном дискурсе связывается террористическая деятельность, до возможности вхождения Турции в Европейский Союз и опасений утраты в связи с этим европейской идентичности.

В итоге, в художественной и публицистической литературе стран Запада стали развиваться элементы исламофобии, в которых мусульманская культура

представляется, как ущербная, несостоявшаяся и не имеющая перспективы дальнейшего развития.

Антиисламские настроения не просто порождают напряженность, а приводят к резким взрывам агрессии. Свидетельством этого стала бойня в Норвегии, устроенная А. Брейвиком в июне 2011 года. Указанное подтверждает тезис о том, что исламский радикализм и экстремизм порождают ответную реакцию, что, в свою очередь, может привести к более масштабному и разрушительному «столкновению цивилизаций».

По мнению А. Малашенко напряженность против исламских диаспор в странах Запада также может объясняться страхом перед ростом их количества, в связи с чем возникают трения между ними [137, С. 91-93]. Также нередко имеют место конфликты идентичностей, например, в вопросах ношения хиджаба. Во всяком случае, религия является фактором обособления рассматриваемых цивилизационных миров.

Различие в культурных ценностях оказывает существенное влияние на отношения между цивилизациями, когда западный образ жизни в глазах мусульманского социума ассоциируется с эгоизмом и аморальностью. Понятно, что так называемый «здоровый индивидуализм», проповедуемый в странах Запада, представляет собой некий источник угрозы моральным устоям мусульман, их ментальности. С другой стороны страны Запада равным образом порицают исламскую традицию многоженства и ранних браков. В одном понимании этого уже просматриваются основы для нахождения компромисса в глобальном межцивилизационном соглашении. Перспективы такого соглашения рассчитаны на длительные сроки и могут быть реализованы через несколько поколений, потому что обе стороны для достижения этой цели должны в добровольном порядке отойти от некоторых традиций и концепций.

Острым остается вопрос соотношения свобод личности с уважением религиозных чувств. Те или иные изъяны, по представлению одной из сторон, становятся предметом взаимной критики. Так, мусульмане обвиняют западное общество в забвении христианских ценностей, резко протестуют против любой критики исламских норм.

В то же время исламские экстремисты не обременяют себя излишними рассуждениями по поводу конфессиональных споров, угрожая расправой лицам, критикующим ислам. При этом такие угрозы далеко не всегда являются беспочвенными и нередко выплескиваются в виде массовых волнений и беспорядков в западных странах вплоть до нападений и убийств.

Однако следует иметь в виду, что далеко не все мусульмане склонны к таким проявлениям и во многом экстремистские действия связаны с провокациями со стороны сил, заинтересованных в дестабилизации.

Обострение в отношениях двух культур зачастую выгодно недобросовестным политикам или политическим кругам, как в западных, так и исламских странах. Поэтому сложившаяся на сегодня ситуация диктует необходимость в предельной сдержанности от всех сторон.

Исламский экстремизм получает все большее распространение во всем мире, и страны Европы не являются исключением. Положение становится в

большей степени драматическим в силу предельного антагонизма между либеральными ценностями западной цивилизации и религиозными догмами ислама. Прямолинейный максимализм религиозных экстремистов, их убежденность в несправедливости западной политики и религии сводится к абсолютному игнорированию принципов светского государства. При этом ни одна страна Европейского Союза не выработала приемлемой и правильной стратегии по противодействию исламским экстремистским течениям, став заложниками собственных принципов и политики толерантности. Такая ситуация существенно ограничивает их возможности по контролю и влиянию на латентную деятельность исламских радикальных организаций. На этом основании возникает необходимость разработки отдельной стратегии противодействия исламскому экстремизму. Содержанием и методикой этой стратегии должны быть тонкий баланс между использованием ресурсов, как мягкой, так и твердой силы в зависимости от сложившейся ситуации [147, с. 145-152].

В последнее время стала актуальной проблема применения концепции, так называемой «умной силы», разработанной американским исследователем Дж. Наем. Он определяет такую концепцию в качестве совмещения «твердой» и «мягкой» силы, последовательном их сочетании, в зависимости от ситуации и обстоятельств [148, с. 18-19].

Еще одна концепция разрабатывалась С. Носсель, предлагавшей механизмы продвижения государственных интересов, посредством дипломатических инициатив, придавая большое значение деятельности международных организаций, опираясь в первую очередь на дипломатические методы [149]. Преимуществом «умной силы» считается ее комплексное воздействие, направленное на эффективное использование государственных ресурсов.

В основном, европейские страны рассчитывают на дипломатические меры по разрешению конфликтов. Как показывают сегодняшние события в контексте массовой миграции из мусульманских стран, такое отношение к экстремистской деятельности исламистов, несет серьезные угрозы единству стран Европейского Союза.

Приоритетным направлением использования «мягкой силы» считаются иммигранты молодого поколения, для которых исламская религия является опорой их идентичности, а также неопиты из европейского населения, выбравших ислам в силу разочарования либеральными ценностями.

В то же время, приоритетом для исламских экстремистов является «твердая сила», зачастую переходящая рамки легальности в виде террористических актов. Преимуществом исламских экстремистов является массовая секуляризация христианской религии. При этом христианская идеология в большей степени склоняется к укоренившейся в менталитете западного общества идеи плюрализма и толерантности.

Любым религиозным течениям в Европе предоставлены большие права, однако при этом западные лидеры не удосуживаются одновременно принять меры по обеспечению внутренней безопасности своих государств на случай

радикализации таких религиозных группировок, поскольку это по мнению западных идеологов, противоречит свободе совести и религии.

В этом отношении применение, так называемой, «умной силы» связывается с несколькими направлениями.

Первое направление, которое представляется наиболее важным, пропагандистского и идеологического характера. Исламские экстремисты, в аспекте применения ими насильственных методов, должны быть дискредитированы в глазах, как европейского социума, так и самих мусульман. Ведь любые насильственные действия противоречат принципам ислама, описанных в Коране, где убийство одного человека приравнивается к убийству всех людей, равно как и сохранение жизни является «сохранением жизни всем людям» и проповедуется повсеместное творение добра [150, с. 134].

Исламскими экстремистами такие идеи не упоминаются, поскольку они входят в противоречие с их идеологической аргументацией. Поэтому первым этапом по нейтрализации экстремистской деятельности исламских радикалов, является их отделение от умеренных проповедников. В этом отношении средства убеждения соседствуют со средствами принуждения в виде «твердой силы», направленной на наведение порядка посредством использования правоохранительных органов в случаях проявления насилия со стороны экстремистов. Государство должно являться гарантом безопасности населения, как единственная структура, имеющая монопольное право на насилие.

Вторым направлением является необходимость деконструкции параллельных властных структур, формирующихся вследствие процесса исламизации. Проблема состоит в крайней затрудненности ассимиляции мусульманского населения в западную цивилизацию, в силу кардинального различия ментальности социумов с совершенно различными правилами и традициями. Сложность интеграции и отсутствие каких-либо социальных перспектив повлекло за собой распространение радикальных идей. Одновременно следует иметь в виду, что часть мигрантов в Европе, не склоняется перед экстремистской идеологией. Так, некоторые из них принимают активное участие в социальной и политической жизни страны, осуществляют религиозную и общественно-просветительскую деятельность, обнаруживают стремление оказывать воздействие мирного толка на политическую систему стран, на формирование соответствующих политических институтов, принятие политических решений, посредством демократических процедур. Такая ситуация диктует необходимость унификации законодательства стран Европы в плане запрета создания политических партий религиозного характера в силу общего принципа отделения духовной власти от светской, уже по причине опасений союза умеренных исламских организаций с экстремистскими. В этой ситуации, как правило, последние рано или поздно доминируют над первыми.

Совершенно неприемлемым явлением для западной цивилизации является формирование на территории государств Европы системы шариатских судов. Такое положение наглядно свидетельствует о слабости судебной власти, тогда как создание органов, исходящих из «азиатского средневековья» является

наглядным результатом активизации действий исламских радикалов и экстремистов. Шариатские суды уже активно функционируют в Бельгии, Великобритании, Германии.

Так, в Германии при бракоразводных процессах и спорах по наследованию имущества, в случае если сторонами являются граждане мусульманских стран, суд принимает в расчет также законодательство стран мусульманского мира, прибегая к тем самым положениям шариата. Некоторые политики предлагают легализовать шариатские суды, применяя в таких ситуациях исламские законы за исключением уголовных преступлений, когда применяются наказания явно архаичного уровня и напрямую противоречащих правам человека (такие как забрасывание камнями, удары плетью). Мотивами такой меры является укоренение мусульманских диаспор в западном обществе.

В Великобритании еще с 1982 года местные судебные органы при разрешении некоторых имущественных споров также учитывают нормы шариата. Здесь шариатские суды по существу играют роль третейских судов, когда два мусульманина при необходимости разрешения имущественного спора обращаются к местному имаму [151].

Как представляется мнение о синтезе мусульманской системы права, с одной стороны, и системы права континентального и англосаксонского, с другой, является в целом здоровой мыслью, поскольку многие нормы шариата склоняются к основополагающим принципам социальной справедливости, защиты семейных ценностей. Однако этот процесс является крайне длительным и должен быть направлен на отдаленную стратегическую перспективу, рассчитанную на следующие несколько поколений, и конкуренцию принципиальных положений правовых систем. При этом должны быть безусловно исключены жесткие «феодалские уголовные нормы».

Еще одно направление связывается с необходимостью организации и проведения постоянных информационных воздействий в сфере сближения христианской и мусульманской религий, что требует координированного участия всех европейских стран. Здесь, в первую очередь, необходимо выискивать точки соприкосновения между двумя конфессиями в целях обозначения и устранения общего неприятеля, во избежание будущих конфликтов на религиозной почве.

Как нам представляется, применимость концепции умной силы должна связываться с последовательной, поэтапной деятельностью при использовании элементов, указанных на рисунке 2.

Ислам по сути считается молодой религией, но имеет те же признанные человеческой цивилизацией гуманитарные ценности. Как и любая молодая религия, она характерна своим максимализмом и прямолинейным подходом к социальной реальности. Равным образом таковой же являлась в свое время христианская религия, организовывающая крестовые походы против мусульман за «освобождение гроба господня» в Иерусалиме и позднее подавление язычников Прибалтики, еретических течений в Европе, походов на Османскую империю [152].

Рисунок 2 – Этапы концепции «умной силы».

Примечание – Составлен автором по источнику [149, с. 131-142]

При всех своих различиях обе религии имеют много общего, являясь монотеистическими, исходящими из Ветхого завета, при отрицании многобожия и идолопоклонства. Обе стремятся к достижению социальной справедливости, отстаивают гуманистические ценности. Так, католическая церковь официально провозгласила, что не отвергает ничего, что является истинным и святым в обеих религиях и с уважением относится к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу [153, с. 277-281]. Таким образом, политика официальной христианской церкви характеризуется предельным миролюбием, позволяющим преодолеть имеющееся в массовом сознании отношение к двум религиям как максимально враждебными друг другу.

Важным направлением являются меры по формированию единой европейской идентичности. Практика показала, что европейские идеи мультикультурализма, при которых сохраняется и развивается одновременное существование двух культур, в целях дальнейшего их синтеза, не оправдывают себя [154, с. 62-71]. В сложившихся условиях в большей степени звучат мнения о необходимости политики монокультурности, по формированию единой моноцентричности на базе христианских ценностей, в основе которых лежат идеи свободы и равенства перед законом, верховенство закона. И здесь доминирующая роль отводится «мягкой силе», широко использующей методы убеждения.

Важным фактором в европейских странах признается особая роль христианства при равенстве всех религий перед законом, поскольку речь в данном случае не идет о христианстве, как господствующей религии. Упор делается на историческом и культурном знаниях христианства и его учений, внесших свой существенный вклад в формирование европейской цивилизации.

Предполагается, что по мере реализации стратегии «умной силы» ресурсный потенциал исламских экстремистов станет постепенно снижаться в

силу того, что те уже не смогут иметь прочную поддержку со стороны единоверцев, поскольку их деятельность может признаваться как противозаконная и, в морально-нравственном отношении, неприемлемая, направленная против базовых принципов ислама.

Любые меры по применению такой «умной силы» зависят от национальной специфики стран Европы и их реальных возможностей, тогда как «твердая сила» является необходимой в качестве средства по противодействию террористической и иной экстремисткой направленности исламских радикалов. Что касается «мягкой силы», то таковая имеет в большей степени профилактическое значение, во имя недопущения религиозных конфликтов.

На наш взгляд, сама по себе концепция «умной силы» может быть эффективным образом применима не только лишь в сфере координации стран Европы в международных отношениях, но также на внутригосударственном уровне. При этом говоря о совокупности «мягкой» и «твердой» сил, следует всегда иметь в виду необходимость приемлемого баланса их применимости. Оба средства могут противоречить друг другу, когда при чрезмерно жестком применении может произойти обратный процесс подрыва средств мягкой силы, поскольку излишняя жесткость может в глазах мусульманского населения оцениваться как несправедливая мера. Действия властей любого государства должны иметь в восприятии населения легитимный характер.

Одним из факторов обеспечения национальной безопасности, что признается многими политологами, является толерантность. Важность толерантности связывается исходя из столкновения двух совершенно различных культур. И здесь проходит резкая граница дискурса этих культур, где первая склоняется к фундаментализму и соответствующего ему максимализму, тогда как другая к элементам толерантности [155, с. 312-316]. Борьба с проявлениями экстремизма репрессивными методами, при всей своей внешней относительной легкости, в реальности приводит к жесткой ответной реакции и таким образом, процесс противостояния может длиться до бесконечности. Сам по себе экстремизм является методом террористов, а терроризм является равным образом методом, а точнее своеобразной «технологией» воздействия на государственные институты. Идеологией терроризма является фундаментализм и фанатизм, тогда как сам по себе терроризм является именно «технологией», имеющей прикладное знание. В свою очередь экстремизм, который следует оценивать, как образ ментальности, развивается во всех трех составляющих: фундаментализма, фанатизма, терроризма. Применение репрессивных мер, мало отличающихся от методов террористов, далеко не всегда приводит к обнадеживающим результатам. В мировом сообществе во многом преобладает приведенная позиция толерантности, понимаемая как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [156].

Многие исследователи признают необходимость толерантности. Действительно, в некоторых государствах, характеризующихся многонациональным и многоконфессиональным обществом, явления

экстремизма не находят своего яркого проявления. Здесь следует иметь в виду исторически сложившуюся социальную практику, наполненную совокупностью как проб и ошибок, так и прямыми государственными интересами. По причине сомнительного отношения мусульман к ценностям западного общества абсолютная толерантность, как принцип, не находит среди них широкого распространения, не говоря уже о сторонниках исламского фундаментализма. Если речь идет о различии в культуре, то следует предположить необходимость их мирного толерантного взаимодействия. К сожалению, проведение таких процессов затруднительно. Западное общество по существу топчется на месте, безразлично относясь к людям из другого мира. Идеология толерантности не всегда срабатывает.

Толерантность, по мнению социологов, предполагает форму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами, сохраняющую их разнообразие и уникальность. Под толерантностью не должна пониматься уступка чужим убеждениям, потворство негативным проявлениям иной культуры. Здесь требуется сложный мировоззренческий подход, позволяющий в итоге создать наиболее приемлемые и справедливые условия для здоровой конкуренции. На концептуальном уровне следует проводить меры по углубленному изучению культур и традиций мусульманских народностей, с выявлением истоков фанатизма и его экстремистских проявлений. При этом необходимо учитывать негативные стороны цивилизации развитых стран, в которых идеология либерализма стала принимать уже в большей степени уродливые очертания, в виде поощрения всевозможных меньшинств, псевдореволюционных проявлений. Необходима опора на ставшие традиционными, проверенные временем жизнеутверждающие ценности.

Глобализационные процессы заставляют политиков, общественных и религиозных деятелей заняться поисками компромиссов, направленных на смягчение противоречий между двумя цивилизациями посредством диалога и взаимного стремления к вопросам продуктивного взаимодействия. В этих целях создаются соответствующие концепции. Исламское общество должно восприниматься не только как сообщество стран, в которых распространен ислам, но и как нелокализованный, наднациональный социально-культурный и религиозно-политический феномен [157, с. 7-19].

Активности проникновения религиозного экстремизма способствует ситуация, связанная с упадком не оправдавшей себя идеологии европейского типа. К таким элементам можно отнести не только современные либеральные ценности, которые в своем развитии перешли некоторые, признанные историей человеческого развития ограничения, но также не оправдавшая себя коммунистическая идеология. В итоге радикальный ислам, а вместе с ним и его экстремистские проявления осуществляют свое влияние без какой-либо эффективной конкуренции со стороны западных идеологов.

Также исламский экстремизм составляет эффективную конкуренцию консервативным ценностям, поскольку при обращении к нормам морали и справедливости не уступает социалистическим ценностям, становясь тем самым по замечанию И. Лесковой, своего рода, новым альтернативным стилем

с перспективами своего охвата не только в традиционно исламских странах, но также странах Европы и Соединенных Штатах [158, с. 11-12]. Радикальный ислам осуществляет экспансию своей идеологии на другие страны посредством экспорта подобно тому, как ранее социалистические страны осуществляли экспорт революции.

После ликвидации системы социализма мир капитализма не улучшился, а напротив, стал окостенелым. Поскольку любое явление нуждается в своем развитии, что, в свою очередь, накоплением негативных факторов и недовольством доминированием «западных ценностей», их последующей стагнацией, породило интерес к политическим учениям религиозного типа. Так, если еще в 70-е годы акции палестинского леворадикального экстремизма воспринимались самым негативным образом, наравне с «Красными бригадами», то в настоящее время религиозный экстремизм стал достойным преемником группировок прошлых лет, приняв на себя по отношению к ним роль старшего партнера [159, с. 43-45].

В то же время религиозному экстремизму способствует нарастание международных противоречий в современном мире, и одной из причин является унификация практически всех социально-экономических и культурных отношений, связанных с концепциями глобализации [160, с. 101-105]. Унификация социальной и культурной среды соответствует интересам внешних, заинтересованных глобальных сил, стремящихся к достижению упрощения регулирования общественными процессами, где основное место занимают информационные ресурсы [161, с. 23-28].

В мире происходит унификация рядового человека, рассматриваемого в качестве потребителя. Анализ литературы по этому поводу был проведен Дж. Штиллерманом [162]. Сама по себе идея информационного общества не может оцениваться как вредная или антигуманная. Однако по мере практической реализации любой сферы, в нее вторгаются заинтересованные силы, и в итоге разработанные философами идеальные конструкции предельно дискредитируются подобно тому, как ранее были дискредитированы многие идеологические концепции. Как следствие, межэтнические и межрелигиозные противоречия могут стать отправной точкой для оперативной мобилизации протестного потенциала, в которых экстремизм занимает далеко не последнее место.

Экстремизм опирается, в целом, на справедливые побуждения, однако религиозная идеология, равно как и любая иная, не в состоянии освободиться от упрощенного понимания со стороны своего социума. В итоге экстремистские идеологии отводят общество от реализации реальных жизненно важных его интересов.

Любое исследование проблемы экстремизма и терроризма, как на внутригосударственном, так и международном уровнях в современных реалиях упирается в использование преступниками информационных технологий. Данные аналитиков показывают, что количество сайтов террористического и экстремистского направления исчисляется тысячами [163, с. 283-285]. Эти сайты размещаются во многих развитых европейских странах. Приведенное

обстоятельство требует разработки соответствующих мер информационной безопасности как каждого государства в отдельности, так и на международном уровне. Организация пресечения рассматриваемой деятельности в информационном пространстве должна предусматривать, в первую очередь, ведение предупредительной и профилактической работы. Основными ее целями являются предварительное отслеживание, последующее блокирование и ликвидация сайтов террористической и экстремистской направленности. Указанные проблемы являются актуальными для всех стран мирового сообщества. Меры, принимаемые государствами, зависят от степени и мотивов террористического воздействия в информационной сфере, в особенности это связано с политической, экономической, социальной мотивацией террористических и экстремистских проявлений.

В силу распространенности коммуникационных технологий, большое значение имеет опровержение экстремистской идеологии в сети Интернет, которое должно проводиться как борьба за общественное мнение идеологической направленности. Использование современных коммуникационных технологий, в направлении идеологического воздействия, позволит нейтрализовать экстремистские идеи, что сведет к минимуму вербовку экстремистами своих сторонников. Создание информационной структуры также направлено на выявление таких лиц из группы риска, определение причин и масштабов радикализации; разработку мероприятий по поддержке лиц из группы риска; доведение информации до заинтересованных участников программы и координацию действий.

В настоящее время во многих странах созданы антитеррористические группы по противодействию угрозам террористических актов. 20 стран ООН принимают участие в операции ООН «Несокрушимая Свобода», проводимой с целью уничтожения террористов в местах их дислокации. Помимо этого, часть государств НАТО принимают участие в операциях Международных Сил Содействия Безопасности (International Security Assistance Force (ISAF)), помогают в восстановлении экономической инфраструктуры на территориях, которые пострадали из-за террористических актов или антитеррористических операций.

Так, в Великобритании еще в 1990 годы был принят закон в отношении неправомерного использования компьютерных технологий, а в 2006 году усилена уголовная ответственность за хакерские атаки, направленные на взлом сайтов правительственных организаций и банков.

В этой стране правоохранительными органами была создана доктрина противодействия экстремизму и терроризму в глобальной сети. Британским национальным подразделением по борьбе с терроризмом в информационных сферах было размещено обращение к населению страны, с просьбой сообщать о наличии в Интернете материалов, в которых содержатся сведения террористической и экстремистской направленности. В этих целях на интернет-ресурсах имеется специфическая опция в виде кнопки красного цвета, при нажатии которой со стороны пользователя провайдеры выкладывают информацию на специальный сайт, в котором просят сообщить адрес страницы,

на которой отображены подозрительные материалы на условиях анонимности, после чего в течение 36 часов материалы, если таковые признаются террористическими или экстремистскими, удаляются. Принятые меры позволили резко увеличить активность населения в сфере противодействия таким сведениям.

Кроме того, ведется информационно-пропагандистская работа посредством интернет-сайта, в котором отражается обзор стратегии по противодействию экстремизму. На этом сайте регулярно размещается конкретная информация о том, как отдельные граждане, являющиеся членами местного сообщества, могут оказать помощь полиции в ликвидации угроз терроризма и экстремизма.

Активно противодействует информационному терроризму Германия. С 2007 года в стране действует закон, согласно которому регистрация электронной почты на вымышленное несуществующее лицо расценивается как преступление. В правоохранительных органах создана специальная группа, в компетенцию которой входит выявление случаев пропаганды исламского радикализма, а также анализ представляющих опасность некоторых коммуникационных сайтов. С октября 2017 года по новому законодательному акту, владельцы социальных сетей могут быть оштрафованы на крупные суммы за несвоевременное удаление публикаций, характер которых можно расценить, как разжигающие экстремизм и терроризм [164].

В августе 2018 года пять стран (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США) подписали меморандум с призывом к интернет-компаниям предпринять меры по обеспечению им доступа к закрытым данным пользователей. При этом, в случае несогласия эти страны готовы принять меры, которые могут побудить несогласных к сотрудничеству.

Применительно к настоящему времени следует признать, и об этом все чаще упоминают чиновники Евросоюза, что политика мультикультурализма потерпела крах, и районы компактного проживания населения исламской культуры становятся рассадниками распространения радикальных идей экстремистской направленности. Во многом этому способствует низкий уровень образования, безработица, отсутствие навыков межкультурного диалога, несформированная гражданская идентичность [165, с. 169-176].

В европейских странах в настоящее время предпринимаются меры по противодействию радикальным побуждениям определенных групп населения. Так, в 2011 году Европейским Союзом было создано Сообщество осведомленности о радикализации (Radicalisation Awareness Network, RAN), объединяющее экспертов и исследователей, работающих в данной сфере.

В 2016 году указанная организация разработала модельную структуру программ противодействия радикализации, которая включает в себя следующие направления:

- подготовка специалистов, непосредственно осуществляющих работу с лицами, склонными к экстремистской деятельности;
- разработка программы нейтрализации радикализации, позволяющей реинтегрировать экстремистов в общество и убедить их отказаться от насилия;

- меры по усилению роли сообществ, в которых имеются лица с экстремистскими наклонностями, посредством решения их проблем и последующего доверительного отношения к властным органам;

- включение в образовательную деятельность молодежи по темам гражданской, политической, этнической, религиозной толерантности с вовлечением в нестандартное мышление критического характера, объяснение природы и социального вреда экстремистской деятельности, исторических последствий политического и религиозного насилия;

- поддержка семей из групп населения, склонных к экстремистским проявлениям;

- внедрение пропаганды, являющейся альтернативной экстремистскому мировоззрению;

- создание системы организаций, направленных на профилактику экстремизма [166].

Предполагается обучение особенностям поведения радикальных групп, с умением выделять признаки экстремистских наклонностей с последующим принятием соответствующих мер. К таким специалистам относят педагогов, работников социальной сферы, правоохранительных органов, психологов.

Конечной целью предполагается полная интеграция лиц из групп радикального толка в общество или как минимум отказ от экстремистских действий. Лицам, продолжающим придерживаться радикальных взглядов, предписывается нахождение под наблюдением со стороны правоохранительных органов. Вмешательство в этот процесс может осуществляться как на коллективном, так и индивидуальном уровнях. В некоторых случаях признается предпочтительной коллективная дерадикализация, например, в общинах или тюремных учреждениях. Тем не менее, общим мнением является признание большей эффективности индивидуальной работы.

Большое значение имеют меры материального характера в виде предоставления образования, жилья, помощи в трудоустройстве. Однако и прямое общение имеет важное значение в зависимости от степени профессионализма соответствующего специалиста по проведению всевозможных бесед по жизненно важным темам, а также вопросам справедливости, одиночества, озлобления.

Указанная программа предусматривает взаимодействие с этническими и конфессиональными структурами, включая в себя следующие направления:

- формирование лидеров с помощью повышения навыков их членов, что в большей степени касается молодежи (наставничество, формирование лидерских качеств, определенных моделей поведения);

- организация диалоговых мероприятий в виде дискуссионных форумов, собраний и пр.;

- обучение религиозных лидеров умению общаться с молодежью на темы, не ограничивающиеся религиозными догмами, такими как семейные вопросы, социальные проблемы;

- обучение умению выявлять лиц, подверженных деятельности экстремистской направленности;
- меры по улучшению отношений с государственными и общественными институтами;
- обмен информацией в целях координации мер по профилактике радикализма.

На различных этапах предписывается работа с семьями экстремистов, поскольку близкие родственники, на ранних стадиях могут выявить изменения в поведении, что позволит предпринять меры и создать более благоприятные условия для его реинтеграции в общество. Однако не всегда такие подходы дают положительные результаты, так как некоторые семьи сами могут быть источником экстремистских действий, оказывая негативное идеологическое влияние на члена своей семьи. Поэтому такая работа должна быть направлена на всю семью, находящуюся в чрезмерно радикализированном религиозном или этническом сообществе.

RAN предполагает осуществление действий по распространению альтернативной информации, направленной на опровержение экстремистской идеологии, предлагая положительные и оптимальные идеологические конструкции, а также соответствующие поведенческие модели.

Указанная программа (RAN) носит рекомендательный характер. Помимо нее существуют проекты, реализуемые отдельными странами.

Так, в Великобритании существует план «Contest», включающий в себя следующие элементы:

- предотвращение фактов терроризма и экстремизма посредством исключения факторов радикализации;
- меры по преследованию террористов, экстремистов и их спонсоров;
- защита государства и общества;
- меры по предварительной подготовке к ликвидации последствий террористической и экстремистской деятельности.

Первоначально делался упор на последних трех пунктах. Затем в 2009 году была принята программа «Contest-2», в которой большее внимание уделено первому пункту. Предусматривается тесная кооперация между правоохранительными органами и местными органами власти, а также с неправительственными организациями в сфере борьбы с радикальным исламом. Осуществляются меры следующего характера:

- изоляция от общественной деятельности лиц, проповедующих экстремизм;
- поддержка лиц, предрасположенных к экстремизму в аспекте разрешения их проблем, позволяющих отвлечь от негативных идей экстремизма;
- информационно-пропагандистская работа по борьбе с негативными явлениями в обществе, которые могут стать поводом, позволяющим экстремистам обозначить их в своей пропаганде.

Описанная выше программа предварительно была разработана Европейским Союзом с учетом именно британского опыта, который эта

программа во многом повторяет. Так, первоначально правительство Великобритании придерживалось позиции сотрудничества с религиозными организациями экстремистского толка, такими как «Братья мусульмане» или салафитские организации. Однако в дальнейшем, не добившись особых успехов переориентировались на сотрудничество с иными группами [167, с. 124-125].

Следует полагать, что европейские страны в настоящее время находятся в процессе поиска оптимальных путей и подходов по борьбе с проявлениями экстремизма.

Ислам является рациональным учением, а современные реалии глобализации с известными проблемами либерального толка, стали неприемлемыми не только для мусульман, но и большого количества людей, воспитанных в духе традиционных ценностей. Поэтому вторжение в мусульманскую идентичность приводит к непримиримой реакции. Ислам реализует общинную ментальность, тогда как в противовес ему в западных странах проповедуется индивидуалистическая теория, что порождает острую неприязнь со стороны мусульман, поскольку западная культура несет за собой поток теорий и представлений, изначально противоречащих всей сложившейся традиционной социальной системе исламского общества. В этом контексте неудивительно, что реакция от мусульманских сообществ, с учетом их гуманитарного, научно-технического и технологического отставания, сводится именно к экстремистским побуждениям. Поэтому, с точки зрения исламского экстремиста, придерживающегося проверенных веками патриархальных традиций своего общества, ментальность таких развитых стран, к тому же достигших своего доминирования сомнительными способами, т.е. посредством колонизации всего мира с последующим неэквивалентным обменом, представляется именно как ментальностью «неверных».

В мире сформировалась социально-философская сеть, по отношению к которой ислам в настоящее время находится в оппозиции [168].

Ответной реакцией на усиливающуюся глобализацию по европейскому образцу является фундаменталистская политика, базирующаяся на экстремистских взглядах. Реакционность религиозного экстремизма также соотносится с их нелегким экономическим положением, наличием политических разногласий, ростом населения.

Деятельность экстремистских структур активизируется по мере усиления давления со стороны западных стран. Следует подчеркнуть неприемлемость отождествления ислама с реакцией определенных политических сил в исламском мире, использующих недовольство мусульман. Запад использует имеющиеся в мусульманских странах противоречия, захватывая контроль за стратегически важными источниками полезных ископаемых, а экономика мусульманских стран оказывается полностью зависима от западного потребителя. В западных странах ислам воспринимается в качестве жесткого противовеса рациональной программы развития. В реальности в исламском мире идентичность человека, как правило, формируют религия, традиции, семья, история, община [169, с. 20-25].

Известный американский политолог Ф. Фукуяма справедливо заметил, что основа конфликта с исламским миром гораздо шире и затрагивает не только локальные группы экстремистов, но также всю общность, как исламских радикалов, так и простых мирных мусульман, поскольку для них религиозная идентичность подавляет все иные ценности [170]. Также на Западе существуют опасения того, что политическая доктрина ислама станет аналогом мировой революции, пришедшей на смену изжившей себя коммунистической идеологии. Особенность исламской религии и состоит в том, что она не имеет своего центра, что дает возможности для использования ислама в качестве эффективного инструмента по преобразованию мирового порядка.

Ислам противопоставляет себя мировой экономической системе, являясь противником ссудного процента и финансовых спекуляций, одновременно угрожая миру своей пассионарностью и ростом общего количества населения в мире. Тем самым, западным странам выгодно иметь ислам в качестве врага, для борьбы с которым следует мобилизовать все ресурсы для защиты собственных интересов [171].

Благодаря сформировавшемуся в сознании западного обывателя негативному облику мусульманина идеологи глобализации выражают опасения в том, что глобализация может выйти из-под контроля. Так, З. Бжежинский отмечает: «Ислам и исламский терроризм в восприятии американцев, уже неотделимы друг от друга, что является существенной угрозой национальной безопасности» [172]. По его мнению, обе культуры не являются несовместимыми, однако задача, стоящая перед западным миром в поглощении мира исламского, станет сложной и порой сопряженной с силовыми действиями. При этом, картина вариантов совмещения этих мало совместимых культур (а по сути поглощения) следующая:

- навязывание исламскому миру стандартов западного типа;
- постепенное поглощение исламского мира посредством реализации долгосрочных программ мягкого воздействия в образовательной и воспитательной деятельности;
- конвергенция, т.е. взаимопроникновение и взаимная трансформация обеих культур.

Полагаем, что в сфере противодействия распространению экстремистских проявлений первый вариант является самым неприемлемым, в силу порождения соответствующей обратной реакции, усилившей экстремизм и его проявления зачастую в виде террористических актов.

Как представляется наиболее оптимальным вариантом хоть и значительно растянутым во времени, является конвергенция, что позволит достичь известного диалектического синтеза. Дальнейшее исследование диктует обращение к конкретным вызовам и угрозам со стороны религиозного экстремизма.

2.2 Вызовы и угрозы религиозного радикализма национальной безопасности современных социумов: на примере Великобритании и Германии

Как описано выше, религиозный экстремизм остается одной из наиболее острых мировых проблем, дестабилизирующих современное сообщество, поскольку является политической организацией, закамуфлированной под религиозные положения с направленностью на радикальное изменение государственного строя и политической системы той или иной страны. Религиозно-политический экстремизм отвергает любые возможности каких-либо переговоров и компромиссов, а его последователи отличаются крайней нетерпимостью по отношению к тем, кто не разделяет их взгляды, в том числе своим единоверцам. Поэтому в мировоззрении этих лиц отсутствуют правила какой-либо политической игры, границ дозволенного или недозволенного.

Терроризм и экстремизм распространяются по миру в неведомых ранее масштабах, и ни одно государство не в состоянии от них оградиться. Мир и безопасность подверглись беспрецедентной угрозе со стороны экстремистских организаций, дестабилизировавших целые регионы. Так, в 2019 году более чем в ста государствах было совершено около 11 тысяч террористических актов, в результате которых лишились жизни более 24 тысяч человек и около 33 тысяч получили ранения [173, с. 381]. Как правило, несмотря на то, что по статистическим данным большинство террористических актов совершаются в развивающихся странах в мировых средствах массовой информации больше освещаются террористические проявления в странах Запада.

Разрушительный потенциал радикального ислама направлен на упразднение обществ западного типа. Радикальный ислам презирает и игнорирует положения международного права, и не склонен к признанию таких международно-правовых положений, как территориальная целостность, государственный суверенитет, права и свободы человека, запрет на применение силы для осуществления своих политических целей.

Религиозная активность исламистов в начале XXI века имеет тенденцию к дальнейшему распространению. Религиозные движения становятся все в большей степени заметным субъектом в общественной и политической жизни стран Европы. Формы социальной активности религиозных организаций следует рассматривать как в позитивном, так и негативном аспектах. В позитивном отношении следует рассматривать формы деятельности, связанные с просвещением, культурой, благотворительностью, что способствует укреплению горизонтальных связей в обществе и сохранению религиозных традиций. В то же время имеются факты агрессии и экстремизма, составляющие негативную часть религиозной деятельности, которые не имеют какую-либо заметную тенденцию к уменьшению [174, с. 103-107].

Вспышки и проявления религиозного экстремизма в виде террористических актов или локальных вооруженных конфликтов имеют место в самых различных регионах мира в силу того, что сами радикальные исламистские группировки воюют не только с внешними «врагами», но и друг с

другом по причине пересечения политических интересов, при этом прикрываясь расхождением в толковании тех или иных религиозных догм.

Благодаря высоким научным и технологическим достижениям западного мира в начале XX века западная модель воспринималась частью элиты исламских стран в качестве образца для подражания. В этом отношении их собственные традиционные ценности выполняли роль некоторого препятствия, которое следовало преодолеть либо свести к минимуму для создания условий своего поступательного развития. Примером такого подхода является Турция, отделившая ислам от государственной деятельности став светским государством, но при этом сохранившая свою религиозную самобытность. Другие страны также предпринимали попытки идти по пути вестернизации, такие как Иран, Египет, Тунис, привлекая представителей западных коммерческих структур и специалистов по экономической и иной деятельности. Однако результаты таких мер характеризуются неоднозначностью, поскольку в основном они вели к обогащению лишь части элиты и ухудшению положения других слоев мусульманского общества.

Помимо этого, такие контакты способствовали размытию собственных культурных традиций, поскольку население знакомилось с западными ценностями, культурой, образованием, предпринимательской деятельностью, отходя от прежних исторически сложившихся национальных традиций.

Все эти модернизационные новации лишь давали повод для противостояния со стороны сообщества. Еще в начале XX века возникла мусульманская организация «Братья-мусульмане», задачей которой было сохранение веры и исламского образа жизни, основанного на взаимопомощи, солидарности и справедливости. Сама по себе эта организация первоначально носила мирный характер и лишь позднее стала радикальной структурой. Более близкое знакомство с опытом внедрения западных ценностей в отличающуюся систему отношений и неудачный опыт реформирования привели к разочарованию в западной модели развития. Именно ислам стал для «Братьев-мусульман» основой противопоставления западному образу жизни.

Ситуация с религиозным экстремизмом в странах Европы продолжает оставаться тревожной, а последствия мирового экономического кризиса, крайне неэффективная и непродуманная иммиграционная политика, а также рост безработицы лишь усугубляют ее. Указанные проблемы еще больше обострились в период пандемии новой коронавирусной инфекции. Такие серьезные социально-политические потрясения становятся благодатной почвой для распространения религиозного экстремизма. Многие страны, не осознавая в полной мере степени надвигающейся опасности, не торопятся осуществлять меры по противодействию этим проявлениям. Так, в некоторых европейских странах уже само понятие экстремизм было сформировано лишь в 2002 году. Под экстремизмом там понимается идеологическое мышление, которое полностью или частично отклоняется от выполнения правовых норм, демонстрирует элементы интолерантности и посягает на конституционные принципы. В законодательстве стран используется своеобразная терминология, например, такая уголовно-правовая дефиниция, как «преступления с

экстремистским подтекстом», под которыми понимаются виды преступлений, основанных на разжигании социальной, расовой или национальной розни. Различие состоит в том, что такие лица, как правило, не относятся к какой-либо организации, движению или группе людей, имеющих отношение к экстремистским проявлениям. То есть, речь идет о преступлениях, возникающих спонтанно, стихийно [175, с. 38-40].

Как правило, все меры противодействия в европейских странах носят, в большей степени, тактический характер. При этом, не просматривается какая-либо системная стратегия, направленная на мягкое влияние и выстраивание взаимодействия на группы общества, подверженные экстремистским взглядам.

В итоге масштабное распространение исламского экстремизма по всему миру становится наиболее сложной проблемой нынешнего столетия. Под угрозой экстремистов находятся практически все страны мира и в особенности их наибольший идеологический и ментальный раздражитель – представители западной цивилизации (европейские страны, Соединенные Штаты, Канада, Австралия).

Религиозный экстремизм, в лице исламских радикалов, приобретает все большее влияние на страны Запада. Этому способствует нарастание противоречий в их внутренней жизни, отсутствие приемлемых результатов во внутриполитических отношениях с иммигрантами [176, с. 539-543].

В законодательстве большинства государств закреплены нормы, позволяющие выявлять организации, склоняющиеся к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, а также лиц, склонных к террористическим действиям. Кроме того, определены условия для защиты лиц, содействовавших раскрытию преступлений террористической и экстремистской направленности [177, с. 37-40].

В этом отношении представляется необходимым рассмотреть ситуацию с угрозами религиозного экстремизма применительно к двум самым развитым странам Европы – Великобритании и Германии.

Так, Великобритания постоянно совершенствует методы борьбы с террористическими и экстремистскими угрозами. В 2005 году в этой стране был принят законодательный акт «О предотвращении терроризма», содержащий положения, касающиеся экстремистской деятельности. Позднее была разработана программа «Предупреждение насильственного экстремизма». Ее целью являлось пресечение попыток распространения идей экстремистского характера. Основой программы стали четыре принципа: *предупреждение, преследование, протекция и подготовка*. В парламент был внесен на рассмотрение перечень мер, которые могли бы способствовать эффективному противодействию экстремизму. Так, одним из предложений стало ограничение въезда на территорию страны лиц, заподозренных в связях с различными радикальными группировками и склонных к совершению деяний экстремистского характера. Такие меры привели к некоторым позитивным результатам.

Следует отметить, что британское общество характеризуется широким политическим, этническим и религиозным многообразием. Однако уровень

экстремизма является относительно низким. Тем не менее, эта страна является пристанищем для различных лидеров исламских организаций. В 2006 году была издана Директива по борьбе с распространением экстремизма в институтах, колледжах и школах Великобритании.

Особое внимание отдается сети Интернет. Правоохранительные органы Великобритании делают ставку на адресные удары по экстремистским субъектам и их сообществам. Для этого обычно задействуют небольшие отделы и подразделения правоохранительных органов, расположенных в каждом населенном пункте.

Немалая роль отводится сознательным гражданам Британии, сообщающим правоохранительным органам о подозрениях в отношении граждан, ведущих образ жизни, позволяющий их заподозрить в экстремистских побуждениях.

Так, в графстве Суррей имеется возможность предоставления информации на специальных порталах о подозрительных лицах [178, с. 33-36]. Правительство Великобритании ставит своей целью сохранение безопасности в обществе внутри государства. С проблемами экстремизма можно столкнуться в любом сообществе и причин для его возникновения становится все больше.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые меры, рост экстремистских формирований не прекращается. По сведениям аналитической статистики, количество экстремистских организаций в Великобритании более сорока четырех и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению [179]. Миграция мусульман в Великобританию создает множественные проблемы в большей степени деструктивного характера. Граждане-мусульмане опасаются покушений на свою веру, и крайне тяжело решают свои насущные проблемы социального характера. Это заставляет их обращаться к своим единоверцам за поддержкой, которые в свою очередь, могут быть сторонниками деструктивных течений. Такие условия являются фактором, создающим предпосылки для вербовки в террористические структуры новых лиц. Имеющиеся проблемы требуют пристального внимания и поиска путей их выявления, предупреждения и пресечения.

Анализ документальных материалов и научной литературы в Великобритании по данному направлению позволяет сделать вывод о широком распространении религиозного экстремизма исламского толка в этой стране. Наиболее опасными признаются террористические формирования «Аль-Каида» и «Исламское государство» [180, с. 27-30].

Результаты преступной деятельности и рост авторитета этих структур, притязания их участников на создание так называемого «халифата» на территории Великобритании приводят к обоснованной озабоченности граждан этой страны.

После осуществления террористических актов на территории Франции, примкнувшие к ИГИЛ экстремисты обозначили в своих видео-обращениях Великобританию в качестве следующей цели [181]. Исламские радикалы публикуют видеоролики с картинками убийства британских граждан,

сопровождая их выкрикиванием религиозных лозунгов, прославляющих Аллаха.

В одном из выступлений заместитель главы столичной полиции Лондона М. Роули отметил тенденцию к росту атак религиозных экстремистов исламистского толка на западные ценности и на представителей правоохранительных органов, являющихся символами стабильности и правопорядка в стране [182]. Деятельность ИГИЛ в Великобритании является запрещенной. До недавнего времени экстремистским группировкам редко удавалось совершать прямые экстремистские действия на территории страны. В основном они ограничивались информационным воздействием посредством сети Интернет.

Однако в первой половине 2017 года жители страны были поражены всплеском жестокости и насилия со стороны экстремистов «ИГИЛ», осуществляющих наезды на пешеходов и убийства детей на концерте. Все это было лишь малая часть задуманного террористами деяний. Спецслужбами страны удалось предотвратить 13 террористических актов и провести около 500 расследований против религиозных экстремистов [183].

Также действия ИГИЛ имеют существенные отличия от других террористических и экстремистских формирований тем, что цели нападения не ограничиваются каким-либо государством или регионом. Указанная организация имеет своих сторонников в самых различных странах, как мусульманских, так и европейских, и потому им удастся совершить множество террористических актов практически на всем европейском пространстве. Важной особенностью является использование исламскими экстремистами современных коммуникационных технологий для достижения своих целей. В силу того, что в коммуникационном пространстве отсутствуют границы, осуществляется оперативное распространение информационного контента посредством пересылок сообщений в социальных сетях и закрытых чатах. Тем самым пропагандистская и иная информация, требующая от своих адептов тех или иных реальных действий, распространяется в буквальном смысле со скоростью света, а постоянное ее копирование затрудняет возможности ее удаления. Посредством современных коммуникационных технологий создана «глобальная мечеть», в которой радикально настроенные имамы осуществляют соответствующие проповеди [184, с. 107-108].

Интернет дает возможность экстремистским организациям привлекать новых членов, размещать соответствующие пропагандистские материалы. При этом качество многих сайтов позволяет сделать вывод о том, что они созданы профессионалами. Благодаря тому, что материал представляется не на уровне поверхностного сознания, а на глубинных элементах, являющихся предметом психоанализа, это становится более опасным, поскольку на длительное время закрепляет в подсознании индивида соответствующую установку, формируя его последующее поведение.

Экспертами также уделяется внимание террористической организации Аль-Каида, планирующей террористические акты на территории Великобритании, подбирая соответствующих лиц для их исполнения.

Наблюдается активность других экстремистских группировок с аналогичной идеологией [185].

По мнению представителей министерства обороны Великобритании, Аль-Каида несмотря на гибель лидера, остается значимой угрозой для страны благодаря влиянию его сына Хамзы. Его видеообращения характерны риторичностью и определенной мотивацией, с направленностью на молодое поколение экстремистов [186]. Обе организации, как ИГИЛ, так и Аль-Каида предпринимают попытки активного использования информационного пространства для увеличения количества неофитов в свои ряды. Основным мотивом является месть за гибель Усамы бен Ладена и установление своего порядка на территории «неверных».

Стратегическое мышление лидеров указанных организаций направлено на осуществление террористических актов и иных действий экстремистского характера на территории европейских стран и объединение всех мусульман в борьбе против ценностей и традиций западного мира. Другими словами, целями проповедей является формирование общего повстанческого движения исламского образца на территории западных государств. Программой максимум является установление на этой территории исламского государства по нормам шариата. Идеологи обоих течений формируют идейные концепции, служащие обоснованием необходимости и неизбежности применения экстремистских методов в целях разрешения обозначенных ими противоречий. Они стараются убедить социум в том, что обращение к экстремизму является для них вынужденной мерой по причине наличия непреодолимых препятствий, установленных со стороны государственной власти. Аргументами являются тезисы о борьбе властей с исламской религией, игнорировании их религиозных и национальных интересов и социальной несправедливости. При этом такие организации предпочитают придерживаться так называемого баланса рисков, организовывая точечные террористические акты, что позволяет поддерживать страх перед террористами у населения.

Приведенные процессы способствуют активизации исламофобии в Великобритании, создавая высокий уровень конфликтности в британском обществе. Поэтому рост сторонников религиозных экстремистов имеет тенденцию к продолжению. Особенностью является фактор, согласно которому риторика данных организаций смещается с религиозной направленности на ненависть к западному миру и нетерпимости к «кяфирам» (неверным).

Формирование исламского экстремизма в Германии изначально не являлось предметом пристального внимания. Мусульманская община стала формироваться в 60-х годах XX века после приглашения со стороны правительства Германии граждан турецкой национальности в качестве гастарбайтеров. Те должны были своим дешевым трудом поддерживать германское «экономическое чудо» [187, с. 142]. На первый план рассматриваемая проблема вышла только в середине 1990-х – начале 2000-х годов и в настоящее время количество исламских экстремистов постоянно увеличивается.

Сегодня, в Германии проживают около 3,5 млн. мусульман и при этом в стране имеются около 2,5 тысяч мечетей и молельных домов [188, с. 119-129]. Все религиозные учреждения находятся на содержании исламских государств и организаций или финансируются ими неофициально. Основу мусульманского населения в Германии составляют турки, и многие из них получили германское гражданство. Длительное время в Германии считалось, что мусульмане относятся к мирному населению и потому могут не опасаться экстрадиции. В стране провозглашался принцип мультикультурализма с параллельным существованием разных культур и конфессий. В силу своего драматического исторического прошлого в Германии чрезмерно толерантно относятся к иным народностям и потому не вмешиваются во внутреннюю жизнь мусульманских диаспор. Тем не менее, в последние годы и в особенности после массовой миграции мусульманских беженцев, стала проявлять себя радикализация приверженцев ислама. Мусульмане, являющиеся сторонниками салафизма и джихада, не признают западный образ жизни и стремятся нейтрализовать провозглашенные Западом права и свободы, посредством экстремистских мер, в том числе насилия. Поэтому Германии, как демократическому государству, равно как и многим европейским странам, крайне сложно осуществлять противодействие исламским экстремистам.

Согласно исследованиям, мусульманские группировки гораздо в большей степени формируются в демократических странах, чем в авторитарных, что не является удивительным в силу провозглашения принципа толерантности [189, с. 213].

Сама по себе проблема интеграции мусульманских диаспор в Германии не была предметом какого-либо дискуссионного обсуждения до известных террористических актов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне. После этого в германских политических и социологических кругах стали формироваться дискуссионные площадки по широкому кругу вопросов, связанных с исламским экстремизмом, которые носили нередко чрезмерно исламофобский характер.

В последние годы Аль-Каида в Германии децентрализовала свои структуры, что затруднило правоохранительным органам возможность их выявления. Опасность исходит не только от организаций, являющихся международными террористическими сетями, но также от структур, осуществляющих деятельность на региональном уровне. Основная их масса имеет своей целью изменение насильственным путем конституционного строя в Германии и других странах. Эти группировки осуществляют насильственные акты выборочно, в зависимости от сложившейся ситуации. Большинство из них являются независимыми, локально действующими на определенной территории. Изредка они проводят совместные встречи, в основном по поводу определения потенциальных целей террористических актов. По сведениям правоохранительных органов Германии, именно от этих структур исходит наибольшая опасность [190]. Эти организации занимаются также сбором финансовых средств и отправкой добровольцев в горячие точки, такие как Афганистан и Сирия. Многие из них сами прошли подготовку в специальных

тренировочных лагерях. Тем самым, будучи формально независимыми, эти боевики являются связующими звеньями между международными структурами и региональными группировками и способствуют постоянному притоку новых потенциальных террористов в эти лагеря.

В последние годы в Европе возникают новые поколения террористических группировок, члены которых не имеют прямых связей с международными террористическими структурами, о чем свидетельствуют несогласованные террористические акты гражданами Великобритании в лондонском метрополитене.

На территории Германии наиболее известными организациями являются «Ансар аль ислам», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», ХАМАС, «Хезболла» и Чеченское сепаратистское движение. Некоторые группировки не имеют четкой организационной структуры, занимаясь набором добровольцев и сбором пожертвований для подрывной деятельности, активно используя в этих целях Интернет. Так, основной целью структуры Таки ад-Дин ан-Набхани является уничтожение Израиля и освобождение исламского мира от западного влияния, введение положений шариата.

На территории рассматриваемой страны осуществляет свою деятельность «Исламское движение сопротивления» (ХАМАС), имеющее целью создание палестинского государства. Эта организация постоянно пересылает денежные средства в Палестину на нужды своих подразделений. А также отделение ливанского «Хезболлах», которым покровительствует Иран. Однако активность этой организации не столь значительная, и ее сторонники собираются лишь по случаю священных для шиитов праздников [190].

Помимо этого, в Германии осуществляют свою деятельность легальные мусульманские организации, которые лишь выражают интересы своих единоверцев, отстаивая создание на территории Германии исламского общества легальными путями. Для внутренней стабильности страны эти общества представляют не меньшую опасность в силу латентности их действий. Их основные усилия направлены на просвещение и образование своих детей и подростков в духе мусульманских традиций. Посредством их помощи создается исламистская обстановка, которая нейтрализует усилия властей по интеграции мусульманского населения в германское общество и является основной базой для радикализации мусульман. Самой крупной из этих организаций является исламское сообщество «Милли Гёрюш» (ИСМГ) (Islamische Gesellschaft Milli Görüs). Эта организация представляет собой филиал турецкой «Партии добродетели». В Турции эта партия запрещена, поскольку стремится упразднить элементы светского государства, объявить ислам государственной религией, восстановить Османскую империю. Организация обладает широкой и разветвленной структурой, охватывая всю Европу. В Германии действуют 15 ее региональных отделов. Согласно сведениям самой организации, она осуществляет контроль более чем 400 мечетей в Германии [191]. Помимо этого, проводит идеологические мероприятия посредством использования телевизионных каналов. Формально ИСМГ выступает «против дискриминации, создания параллельного общества, нетерпимости и насилия». Согласно

выступлениям их партийных деятелей, она намеревается взрастить образованную, культурную и религиозную молодежь, которая призвана выступать за национальные ценности мусульманского сообщества. Организация имеет свое учебное заведение – Европейский институт гуманитарных наук (Institut Europeen des Sciences Humaines). Однако, по мнению экспертов, деятельность ее направлена на «арабизацию» и «реисламизацию» молодых людей, желающих жить и работать в Европе. В этих целях активно наращиваются финансовые средства и широко развивается предпринимательская деятельность. Основная цель состоит в мирном изменении политического строя в Германии. Поэтому данная организация призывает своих сторонников принимать германское гражданство, но при этом не способствует их интеграции в германское общество, а лишь стремится увеличить общее количество мусульман, ожидая дальнейшего сокращения коренного немецкого населения и увеличения численности населения мусульманского. Лидер организации Эрбакан заявляет, что напрасно европейцы думают, что мусульмане приехали в Европу для заработка, поскольку «у Аллаха совершенно другие планы». Мусульмане, проповедует он, должны стать тем, чем являются в Соединенных Штатах евреи – важной контрольной, политической и экономической инстанцией [189, с. 60].

Другой организацией, имеющей целью изменение конституционного строя, является известная группировка «Братья-мусульмане». Конечной ее целью является установление исламского порядка на основе шариата во всех странах мира. Методами своего воздействия эта организация видит усиление влияния в общественной и политической сферах. Руководствуясь такими намерениями, эта организация использует множество центров, самым крупным, из которых является основанное в 1960 году «Исламское сообщество в Германии» (Islamische Gemeinschaft in Deutschland). Филиалы организации расположены в центрах региональных земель страны.

Обращается внимание на то, что большое количество мечетей в Германии носит название «Фатих» (завоеватель), в память о Султанах Мехмеде, завоевавшем в 1453 году Константинополь. Также в мусульманском метафорическом дискурсе распространено название «Аясофия» – сменившее византийский собор святой Софии, перестроенный в мечеть.

Общее мнение исламских экстремистов состоит в том, что европеец является атеистом, постоянно нетрезвым и неверным в супружеской жизни. Многие проповедники исламского экстремизма публично обозначают мысль о том, что каждый третий немец в следующем поколении умрет бездетным, и потому у германской нации нет будущего, поскольку ее представители отворачиваются даже от собственной веры [189, с. 173].

Нередко на бытовом уровне мусульмане характеризуются вызывающим поведением, требуя соблюдения своих традиций и ношения мусульманской одежды. Наиболее продуктивно экстремистские настроения распространяются среди мусульманской молодежи, открыто заявляющей о немцах, как о врагах.

Усиливающееся агрессивное воздействие со стороны исламских экстремистов порождает обратную реакцию у коренного населения страны,

поскольку слишком явным представляется намерение мусульманского меньшинства к посягательству на устои государства. Развиваются элементы ксенофобии, истоком которой являются слияние в общественном мнении и экстремистских взглядов. В итоге создается ситуация, при которой острие атаки направлено не против исламского экстремизма, а против мусульманского населения.

По мнению многих политиков мультикультурность германского общества терпит крах и плохо сочетается с демократической формой правления. Такое положение в большей степени представляется возможным в патерналистских и авторитарных государственных образованиях. Многие иностранные граждане даже немусульманской культуры не горят желанием интегрироваться в культурную среду Германии. Иные политики требуют ликвидации мест компактного проживания мусульманских сообществ. Однако органы власти игнорируют такие предложения, руководствуясь экономией средств. Тем не менее, массовый приток иммигрантов, произошедший в последние годы, вызывает более чем обоснованные опасения уже в силу явно преступных их действий, вплоть до убийств и изнасилований. Германское общество в настоящее время характеризуется крайней поляризацией к имеющейся проблеме. В итоге усиливается влияние правых партий. Процессы глобализации предельно увеличивают перспективу дальнейшей исламизации германского общества.

Если вести речь о социальном происхождении радикальных исламистов, то обнаруживается, что в большинстве своем, они являются выходцами из низших слоев населения, из неблагополучных или неполных семей. Проживая в чужой стране, имея малопочетный статус мигранта, они лишены поддержки не только общества, но порой и собственной семьи. Как отмечают исследователи, большинство исламских экстремистов едва закончили школу и осуществляют свою трудовую деятельность на низкооплачиваемой, нередко временной работе [192]. Чувство экзистенциального беспокойства усиливается еще и потому, что трудовым мигрантам необходимо усвоить, что они не рассматриваются членами принимающего их общества в качестве равноправных, в большей или меньшей степени им отводится роль требующих и просящих. В конечном счете это ведет к фрустрации молодежи из числа мигрантов, которая нередко приобретает характер озлобленности по отношению к обществу и государству.

Однако бедность и невозможность найти работу еще не является причиной религиозного экстремизма. Большой опасностью является не только отсутствие стабильных социальных связей, но и ситуация экзистенциального характера, при которой ощущается отсутствие цели и смысла жизни, отчужденность от общества. Такое чувство характерно усилением еще по той причине, что мигрантам затруднительно принять в своем сознании неравноправность. В итоге это порождает среди молодежи фрустрацию, ведущую к озлобленности в адрес общества и государства. В этом отношении отдельные случаи вербовки исламских экстремистов среди коренных граждан Германии также имеют место.

Примерным случаем являются биографии Пьера Фогеля и Свена Лоу, ставшими одними из самых влиятельных проповедников салафизма в Германии. Оба родились в традиционных немецких семьях, однако повседневная обывательская буржуазная жизнь не приносила удовлетворения. Так, Лоу заявлял, о наличии некоего «высшего существа» и постоянно находился в поисках смысла жизни, однако нигде его не находил: ни в школе, ни семье. И лишь ислам салафитского толка дал ему такие ответы, что привело к тому, что он стал заметной фигурой в этой общине.

Салафизм является привлекательной идеологией, поскольку центральное место в этом учении занимает утопическая идея о необходимости возврата к «золотому веку» пророка Мухаммеда и первых четырех халифов. Вербовка в ряды этой организации облегчается наличием в их окружении друзей или родственников, которые имеют связи с местными общинами или проповедниками. Мигранты последующих поколений, которые выросли в формально мусульманских, но не отличающихся особой религиозностью семьях, будучи лишены поддержки со стороны родителей и недостаточно интегрированными в общество, без стратегических жизненных перспектив, пробуют найти себя, выразить свою индивидуальность где только возможно: в музыке, членстве в преступных сообществах, в религии. Однако традиционный ислам уже не может их удовлетворить.

Равным образом, по тем же мотивам следуют в ислам коренные жители Германии немецкой национальности, которые не найдя себя, пробуют свою индивидуальность на исламистском поприще. Как правило, такие лица относятся к молодежи и потому средний возраст неопита составляет около 28 лет, тогда как средний возраст проживающих в Германии мусульман составляет 36 лет.

Для молодого поколения всегда характерны высокая эмоциональность, жажда справедливости, несогласие с обществом и поиск смысла жизни. Зачастую эти качества делают молодежь той силой, которая может существенно повлиять на окружающий ее мир. Именно посредством вовлечения молодежи формируется негативная социальная и политическая реальность. Малый жизненный опыт и плохое образование делают молодых людей исполнителями чужой, ставшей для нее авторитетной воли.

Таким образом, идеология радикального экстремизма получает благодатную почву в силу отчуждения части молодежи от современного общества и ее слабой интегрированности в повседневную социальную жизнь.

Салафизм дает своим сторонникам предельно ясную, хоть и упрощенную картину мира и вместе с тем смысл жизни, который был утрачен в том обществе, в котором они жили. У молодых салафитов возникает своеобразное ощущение, при котором они чувствуют себя уже не в качестве изгоя, а напротив, в качестве решающей силы, способной творить историю. Эта идеология культивирует принадлежность к своеобразной моральной элите, которая может игнорировать общественное мнение и формировать социальный протест. В дальнейшем, по мере обработки молодых рекрутов насильственные призывы джихадистов уже

не представляются им столь ужасными, а если и не привлекательными, то воспринимаемыми, как полезные.

Следует обозначить успешные действия салафитов в проповеднической деятельности. Исламские радикалы салафитского толка, несмотря на то, что выступают за чистоту религии, обращаясь к исламу раннего средневековья, используют современные средства пропаганды. И при этом, коммуникационные технологии становятся основным средством распространения проповедей, гораздо более эффективным по сравнению с проповедями, проходящими в мечети.

Так, в бедных кварталах с компактным проживанием мигрантов в Берлине, Франкфурте, Дуйсбурге уличная, физическая работа порой заменяется работой в социальных сетях, где происходит своего рода синтез между фундаменталистским исламом и недовольной молодежью. При этом, радикальным исламистам в Германии идут большие денежные потоки из Саудовской Аравии.

Вряд ли будет преувеличением то, что исламский экстремизм в Германии представляет собой одну из наиболее ярких форм социального протеста, основную базу которого составляет молодежь.

Власти страны ранее придерживались этнокультурной концепции родства по крови. Такой подход был приемлем для коренного германского населения, поскольку препятствовал переселенцам. В 2000 году Германией была пересмотрена такая концепция в пользу принципа, так называемого, конституционного патриотизма, согласно которому нация должна определяться не по биологическим критериям, а на базе лояльного отношения к основным ценностям германского общества (язык, культура, Конституция, верховенство закона, уважение личности) [193, с. 137-155]. В этом отношении политологи используют термин «ведущая культура» (*Leitkultur*), предложенный немецким ученым Б. Тиби.

Рост экстремизма потребовал от правительства Германии и всей Европы, отказаться от неуправляемого мультикультурализма. Стали разрабатываться общие принципы и законодательные акты, направленные на развитие межкультурного диалога и имеющие в большей степени характер рекомендаций, а не обязывающих норм.

В целом Европейский союз проводит гармонизацию национальных подходов, посредством мягкого воздействия, определения стандартов и поддержку определенных проектов, где значительное место отводится социально-экономическим вопросам.

Политиками предполагается, что реализация прав мусульман в сфере социальных приобретений позволит способствовать их большей открытости и сближению с коренным населением Европы. Однако, в силу явного кризиса мультикультурализма, страны Европы вынуждены ужесточать иммиграционную политику, проводя после переселения принудительное обучение языку страны проживания, ознакомление с ее историей, политической организацией, культурой и обычаями.

В итоге, участие мусульман в политической и общественной жизни стало занимать определенное место. В разных странах Европы мусульмане принимают участие в выборах в местные и национальные органы власти, и между партиями идет борьба за влияние на мусульманский электорат. Последний в основном ориентируется на социалистов и социал-демократов, которые в большей степени лояльно относятся к мусульманскому населению, чем консервативные партии.

Порой, позиция мусульман оказывает решающее значение на исход выборов. В Германии в 2002 году экспертами было предсказано поражение социал-демократической партии и партии зеленых на предстоящих парламентских выборах. Однако лидер социал-демократов Г. Шредер, заручившись поддержкой немецких мусульман смог переломить ситуацию.

В некоторых странах Европы мусульмане входят в общенациональные институты политического представительства, становясь министрами, депутатами, активно осуществляют деятельность в местных органах власти.

Возвращаясь к Великобритании, следует отметить ориентацию ее политики на повышение статуса ислама и представительства мусульман в структурах государственного управления. В Великобритании осуществляется политика, направленная на вовлечение мусульман в процесс коллективного принятия решений на всех уровнях власти. В 2010 году впервые в истории страны двое из мусульман-парламентариев стали министрами от Консервативной партии. В 2014 году в Палате лордов насчитывалось 15 мусульман, а еще пять британских мусульман стали депутатами. В настоящее время мэром Лондона является мусульманин Садик Хан [194, с. 118-131].

Тем не менее, следует иметь в виду, что неоднородность мусульманских сообществ затрудняет процесс их интеграции. Однако в силу того, что демократические принципы во многом находят понимание у традиционного мусульманского общества, следует предположить, что интеграция мусульман в западное общество станет вполне возможной.

Выводы по второму разделу

1. Происходящий в течение нескольких десятилетий процесс глобализации вызвал усиление национального, конфессионального самосознания и обострение оборонческой стратегии. Основное напряжение вызывают взаимоотношения стран Запада с исламским миром. Эти отношения осложняются предрассудками и предубеждениями, которые формируясь в обоих мирах, препятствуют налаживанию взаимопонимания. Культивирование напряженности в отношении двух цивилизованных систем приводит к усилению влияния религиозного экстремизма на международном уровне. Исламисты-радикалы, в силу своей активности и пассионарности негативного характера, порождают ответную эмоционально-психологическую реакцию, которая переносится на весь исламский мир. Это, в свою очередь, влечет за собой возникновение сомнительных концепций, основывающихся на ложных факторах: таких как, убежденность в том, что исламская религия имеет агрессивное начало, которое не может быть совмещено с идеями демократии.

Как следствие, отношение западных стран оказывает влияние на общую политическую деятельность и приводит к ответному широкому распространению антизападных настроений в странах Ближнего и Среднего Востока. Обострение в отношениях двух культур зачастую выгодно небольшой части недобросовестных политиков или политических кругов, как в западных, так и исламских странах. Поэтому сложившаяся на сегодня ситуация диктует необходимость в предельной сдержанности от всех сторон.

2. Прямолинейный максимализм религиозных экстремистов, их убежденность в несправедливости западной политики и религии сводится к абсолютному игнорированию принципов светского государства. При этом ни одна страна Европейского Союза не выработала приемлемой и правильной стратегии по противодействию исламским экстремистским течениям, став заложниками собственных принципов и политики толерантности. Такая ситуация существенно ограничивает их возможности по контролю и влиянию на латентную деятельность исламских радикальных организаций. На этом основании возникает необходимость разработки отдельной стратегии противодействия исламскому экстремизму.

Сегодня, становятся актуальными концепция «умной силы», заключающейся в совмещении или сочетании «твердой» и «мягкой» силы, а также концепция продвижения государственных интересов, посредством дипломатических инициатив. Преимуществом «умной силы» считается её комплексное воздействие, направленное на эффективное использование государственных ресурсов.

Приоритетным направлением использования «мягкой силы» считаются иммигранты молодого поколения, для которых исламская религия является опорой их идентичности, а также неофиты из европейского населения, выбравших ислам в силу разочарования либеральными ценностями. В то же время, приоритетом для исламских экстремистов остается «твердая сила», а массовая секуляризация христианской религии, склоняющейся к идее плюрализма и толерантности становится преимуществом.

3. Предполагается, что по мере реализации стратегии «умной силы» ресурсный потенциал исламских экстремистов станет постепенно снижаться. В силу признания единоверцами их деятельности противозаконной, неприемлемой в морально-нравственном отношении и направленной против базовых принципов ислама они уже не смогут иметь прочную поддержку. Меры по применению «умной силы» зависят от национальной специфики стран Европы и их реальных возможностей, а «твердая сила» является необходимой в качестве средства по противодействию террористической деятельности исламских радикалов. Концепция «умной силы» может быть применима не только на общеевропейском, но и на внутригосударственном уровнях. При этом, относительно совокупности «мягкой» и «твердой силы», следует всегда иметь в виду необходимость приемлемого баланса их применения.

4. Одним из факторов обеспечения национальной безопасности, является толерантность, важность которой связывается исходя из столкновения различных культур. Борьба с проявлениями экстремизма репрессивными

методами при своей внешней легкости, в реальности приводит к жесткой ответной реакции и, таким образом, процесс противостояния может длиться до бесконечности. Применение репрессивных мер, мало отличающихся от методов террористов, далеко не всегда приводят к обнадеживающим результатам. По причине сомнительного отношения мусульман к ценностям западного общества абсолютная толерантность, как принцип, не находит среди них широкого распространения, не говоря уже о сторонниках исламского фундаментализма. Если речь идет о различии в культуре, то следует предположить необходимость их мирного толерантного взаимодействия. К сожалению, проведение таких процессов затруднительно. Западное общество, по существу, топчется на месте, безразлично относясь к людям из другого мира.

5. Любое исследование проблемы терроризма и экстремизма, как на внутригосударственном, так и международном уровнях, в современных реалиях упирается в использование преступниками информационных технологий, что требует разработки соответствующих мер информационной безопасности как каждого государства в отдельности, так и на международном уровне. Организация пресечения такой деятельности в информационном пространстве должна предусматривать, в первую очередь, ведение предупредительной и профилактической работы. Основными ее целями являются предварительное отслеживание, последующее блокирование и ликвидация сайтов террористической и экстремистской направленности. Указанные проблемы являются актуальными для всех стран мирового сообщества. Меры, принимаемые государствами, зависят от степени и мотивов террористического воздействия в информационной сфере, в особенности это связано с политической, экономической, социальной мотивацией экстремистских проявлений.

6. Применительно к настоящему времени следует признать, что политика мультикультурализма потерпела крах, и районы компактного проживания населения исламской культуры становятся благодатной почвой для распространения радикальных идей экстремистской направленности. Во многом этому способствует низкий уровень образования, безработица, отсутствие навыков межкультурного диалога, несформированная гражданская идентичность. В европейских странах в настоящее время предпринимаются меры по противодействию радикальной идеологии посредством разработки стратегий, направленных на подготовку специалистов, непосредственно осуществляющих работу с лицами, склонными к экстремистской деятельности; разработки программы нейтрализации радикализации, позволяющей реинтегрировать экстремистов в общество и убедить их отказаться от насилия; мер по усилению роли сообществ, в которых имеются лица с экстремистскими наклонностями, посредством решения их проблем и последующего доверительного отношения с властными органами; включения в образовательную деятельность молодежи принципов гражданской, политической, этнической и религиозной толерантности, объяснения природы и социального вреда экстремистской деятельности, исторических последствий

политического и религиозного насилия; поддержки семей из групп населения, склонных к экстремистским проявлениям; внедрению пропаганды, являющейся альтернативной экстремистскому мировоззрению; создания системы организаций, направленных на профилактику экстремизма.

Конечной целью предполагается полная интеграция лиц из групп радикального толка в общество или как минимум отказ от экстремистских действий.

Европейские страны в настоящее время находятся в процессе поиска оптимальных путей и подходов по борьбе с проявлениями экстремизма.

Наиболее оптимальным хоть и значительно растянутым во времени вариантом, является конвергенция, т.е. взаимопроникновение и взаимная трансформация обеих культур, что позволит достичь известного диалектического синтеза.

7. Благодаря высоким научным и технологическим достижениям западного мира в начале XX века западная модель воспринималась частью элиты исламских стран в качестве образца для подражания. В этом отношении их собственные традиционные ценности выполняли роль некоторого препятствия, которое следовало преодолеть либо свести к минимуму для создания условий своего поступательного развития. Однако результаты таких мер характеризуются неоднозначностью, поскольку в основном они вели к обогащению лишь части элиты и ухудшению положения других слоев мусульманского общества. Помимо этого, такие контакты способствовали размытию собственных культурных традиций, поскольку население знакомилось с западными ценностями, культурой, образованием, предпринимательской деятельностью, отходя от прежних исторически сложившихся национальных традиций. Все эти модернизационные новации лишь давали повод для противостояния со стороны сообщества.

8. Ситуация с религиозным экстремизмом в странах Европы продолжает оставаться тревожной, а последствия мирового экономического кризиса, крайне неэффективная и непродуманная иммиграционная политика, а также рост безработицы лишь усугубляют ее. Указанные проблемы еще больше обострились в период пандемии новой коронавирусной инфекции. Такие серьезные социально-политические потрясения становятся благодатной почвой для распространения религиозного экстремизма. Многие страны, не осознавая в полной мере степени надвигающейся опасности, не торопятся осуществлять меры по противодействию этим проявлениям. Как правило, все меры противодействия в западных странах носят, в большей степени, тактический характер и при этом не просматривается какая-либо стратегия, направленная не на карательную, а в большей степени в сторону какого-либо мягкого взаимодействия по отношению к экстремистам.

9. Великобритания в настоящее время является государством, постоянно совершенствующим методы борьбы с террористическими и экстремистскими угрозами. Британское общество характеризуется широким политическим, этническим и религиозным многообразием. Уровень экстремизма является относительно низким. Тем не менее, эта страна стала пристанищем для

различных лидеров исламских организаций. Миграция мусульман в Великобританию создает множественные проблемы в большей степени деструктивного характера. В некоторых случаях деятельность имамов, являющихся сторонниками экстремистских действий, становится фактором, создающим предпосылки для вербовки в такие структуры новых лиц. Имеющаяся проблема требует пристального внимания, диктуя необходимость рассмотрения путей выявления, предупреждения и пресечения явлений экстремизма. В Великобритании продолжается распространение религиозного экстремизма исламистского толка. Наиболее опасными признаются террористические формирования «Аль-Каида» и «Исламское государство». Наблюдается активность других экстремистских группировок с аналогичной идеологией. Стратегическое мышление лидеров указанных организаций направлено на формирование общего повстанческого движения исламского образца на территории западных государств. Идеологи таких течений формируют идейные концепции, обосновывающие необходимость применения радикальных методов для достижения своих задач. Аргументами являются тезисы о борьбе властей с исламом, игнорировании их религиозных и национальных интересов, социальной несправедливости. При этом указанные организации предпочитают придерживаться, так называемого, баланса рисков, организовывая точечные террористические акты, что позволяет поддерживать страх перед террористами у населения.

10. В силу своего драматического исторического прошлого в Германии чрезмерно толерантно относятся к иным народностям и потому не вмешиваются во внутреннюю жизнь в местах компактного проживания мусульманских диаспор. Тем не менее, в последние годы, в особенности после массовой миграции мусульманских беженцев, стала проявлять себя радикализация исламского населения. Мусульмане, являющиеся сторонниками салафизма и джихада, не признают западный образ жизни и стремятся нейтрализовать провозглашенные Западом права и свободы, посредством экстремистских мер, в том числе насилия. Поэтому Германии, как демократическому государству, равно как и многим европейским странам, крайне сложно осуществлять противодействие исламским экстремистам. В последние годы Аль-Каида в Германии децентрализовала свои структуры, что затруднило правоохранительным органам возможность их выявления. Помимо этого, в Германии осуществляют свою деятельность легальные мусульманские организации, которые лишь выражают интересы своих единоверцев, отстаивая создание на территории Германии исламского общества. Однако для внутренней стабильности страны эти общества представляют не меньшую опасность в силу латентности их действий. Их основные усилия направлены на просвещение и образование своих детей и подростков в духе мусульманских традиций. Посредством их помощи создается исламистская обстановка, которая нейтрализует усилия властей по интеграции мусульманского населения в германское общество и заодно является основной базой для радикализации мусульман. Основная цель состоит в мирном изменении политического строя в

Германии, посредством постепенного вхождения в политическую жизнь страны.

11. Большинство исламских экстремистов являются выходцами из низших слоев населения, из неблагополучных или неполных семей и при этом из семей, хоть и мусульманских, но не особенно привязанных к исламским ценностям. Проживая в чужой для них стране, имея малочетный статус мигранта, такие лица лишены поддержки не только общества, но порой собственной семьи. Большинство из них едва закончили школу, и осуществляют свою трудовую деятельность на низкооплачиваемой и нередко временной работе. Большой опасностью является не только отсутствие стабильных социальных связей, но также ситуация экзистенциального характера, при которой ощущается отсутствие цели и смысла жизни, отчужденность от общества, что порождает среди молодежи фрустрацию, ведущую к озлобленности в адрес общества и государства. Равным образом, по тем же мотивам следуют в ислам коренные жители Германии немецкой национальности, которые не найдя себя, пробуют свою индивидуальность на исламистском поприще.

12. Европейский союз, как может, проводит гармонизацию национальных подходов посредством использования мягких воздействий, определения рекомендуемых стандартов и поддержку определенных проектов, где значительное место отводится социально-экономическим вопросам. Политиками предполагается, что реализация прав мусульман в сфере социальных приобретений позволит способствовать их большей открытости и сближению с коренным населением Европы. Тем не менее, в силу явного кризиса мультикультурализма, страны Европы вынуждены ужесточать иммиграционную политику, проводя после переселения принудительное обучение языку страны проживания, ознакомление с ее историей, политической организацией, культурой, обычаями.

В разных странах Европы мусульмане принимают участие в выборах в местные и национальные органы власти, и между партиями идет борьба за влияние на мусульманский электорат. Порой позиция мусульман имеет решающее значение на исход выборов. В некоторых странах Европы мусульмане входят в общенациональные институты политического представительства, становясь министрами, депутатами, активно осуществляют деятельность в местных органах власти. Тем не менее, следует иметь в виду, что неоднородность мусульманских сообществ затрудняет процесс их интеграции. Однако, в силу того, что демократические принципы во многом находят понимание у традиционного мусульманского общества, следует предположить, что всеобщая интеграция мусульман в политику станет возможной.

Как правило, экстремизм резко сходит на спад в случае возникновения общих угроз национальной безопасности, когда разнородные нации и конфессии вынуждены объединиться перед внешними опасностями, носящими иной раз глобальный характер. Идеология ненужности государства приносит свои отрицательные последствия. В дальнейшем, как нам представляется,

должна получить развитие старая идея необходимости сильного государственного режима. Нынешняя ситуация с пандемией может стать фактором, который позволит сплотиться перед лицом внешней угрозы, став катализатором проявления взаимной толерантности.

3 РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАДИКАЛИЗМУ

3.1 Опыт противодействия религиозному экстремизму в Германии и Великобритании

Анализ путей противодействия религиозному экстремизму в странах Европы связывается с осознанием нового содержания этого явления. Это стало одной из причин применения в отношении религиозного экстремизма термина – асимметричные угрозы [195, с. 7-13]. Именно из-за широкого распространения радикальной религиозной идеологии исламского толка этот термин стал применяться в отношении исламского экстремизма. Признание мировым сообществом исламского экстремизма как асимметричной угрозы означает и признание необходимости комплексного подхода в борьбе с ним, при котором действия только лишь силовых структур становятся явно недостаточными.

Чтобы четко понять сущность термина асимметричные угрозы сначала следует обратиться к понятиям «асимметричная война» и «асимметричные конфликты».

Итак, асимметричная война – это война между противниками, в военных силах которых имеется существенный дисбаланс или асимметрия, либо которые применяют кардинально различные стратегии и тактику. При этом, чтобы компенсировать дисбаланс традиционных средств ведения боя, более слабая сторона асимметричной войны обращается к нетрадиционным средствам [196].

Термин «асимметричный конфликт» был введен в научный оборот ученым-международником Э. Макком, опубликовавшим в 1975 году статью «Почему великие державы проигрывают малые войны: политика асимметричного конфликта». По его словам, «националистические силы небольших государств достигли целей борьбы в вооруженной конфронтации с индустриальными державами, которые обладали подавляющим превосходством в традиционной военной силе». Э. Макк писал, что асимметричные конфликты США и его союзников во Вьетнаме, Индокитае, Индонезии, Алжире, Кипре, Адене, Марокко, Тунисе и др. опровергли опыт властвования великих держав в третьем мире и показали ошибочность упрощенного понимания силы и способности достичь победы через преобладание в силовых возможностях. Конечно, в большинстве таких конфликтов сильные страны не потерпели военного поражения, но они потерпели поражение в политическом смысле, не сумев навязать свою волю противнику. Таким образом, главный смысл применения силы для достижения целей, а вместе с ним и рациональная причина начала войны были потеряны. В каждом случае асимметричного конфликта победа слабой стороны обеспечивалась не ее способностью нанести военное поражение сильному противнику, а ее способностью истощить волю к продолжению борьбы со стороны превосходящего по военно-силовым параметрам противника и заставить последнего прекратить войну, не достигнув поставленных целей. Причем в таких асимметричных конфликтах повстанцы

могли добиться политической победы даже в случае отступления и военного поражения [197].

В начале 1990-х годов термин «асимметричный» использовали для характеристики стратегий ВС США, которые предусматривали использование преимуществ совместных действий нескольких родов войск для нанесения сокрушительного удара по противнику. Другая интерпретация подразумевала такие военные операции, где противники применяют разные рода войск. Термин был употреблен в Совместной доктрине США и Национальной военной стратегии в 1995 году. Отмечалось, что «асимметричные действия могут быть высокоэффективными, если они позволяют поразить противника неожиданно и по наиболее уязвимым позициям».

В русле такой трактовки акцент делается на выборе эффективной стратегии борьбы, которая позволяет добиться максимального успеха при минимальных затратах и потерях. Сутью асимметричной стратегии является нахождение нетипичных решений для борьбы с противником и нивелирование его преимуществ в определенных видах вооружений или стратегическом положении.

Именно на основе интерпретации этих терминов и появилось устойчивое выражение «асимметричные угрозы». Термин «асимметричный» стал ключевым для характеристики нерегулярных военных действий (*irregular warfare*), под которыми понимают «насильственную борьбу между государством и негосударственными игроками за власть и влияние на соответствующее население». Важно отметить, что здесь зафиксировано смещение в определении участников военных действий (государство и негосударственные игроки) и целей военных действий (от нанесения военного поражения противнику до влияния на гражданское население) [198].

Так, в стратегическом варианте исламскими религиозными радикалами используются психологические методы, направленные на возбуждение и последующее использование страхов населения перед террористическими действиями.

Асимметричные действия соответственно диктуют разработку и применение новых стратегий противодействия, где на первое место выходят не силовые операции, а психологические и информационные методы и меры. Конечно, силовые операции остаются важным элементом борьбы с экстремизмом и терроризмом, но они дают эффект на тактическом уровне. Меры, принимаемые в сфере информационно-психологической обработки, работают на перспективу и дают возможность упреждения.

Таким образом, война террористическим структурам может быть объявлена, однако возможности стратегии становятся неопределенными. Современная ситуация характерна войной исламских радикалов против секуляризованной системы стран Запада. Если межгосударственные конфликты между странами разрешаются преимущественно дипломатическим путем посредством установившихся международно-правовых норм, то международные экстремистские структуры не привязаны к какому-либо

государству или международной организации, существуя как бы вне мирового сообщества.

Поэтому основной стратегией является не военное подавление, а использование тех же методов, что используют исламские экстремисты с поправкой на гуманистическую составляющую, т.е. применение в первую очередь именно информационно-психологических методов. При этом силовые методы должны иметь вспомогательный (тактический) характер.

Игнорирование политическим руководством такой ситуации и предпочтение ими силовых методов означает ведение нового вида войны вчерашними средствами, о чем наглядно свидетельствуют всевозможные военные кампании США (в Сирии, Афганистане и др.). В этом случае тактические победы приводят к ответным действиям со стороны «побежденных», а также формированию нового общественного мнения после освещения их в СМИ и других институтах мирового сообщества.

Основным выводом исследований темы противодействия религиозному экстремизму является не физическое уничтожение террористов и террористических организаций, а подрыв их идеологической базы. Главным изъяном в этом отношении является традиционная инерция политического мышления, при котором материальные средства выделяются в большей степени на конкретные антитеррористические операции с физическим подавлением противника подобно военным действиям, тогда как на информационные, психологические, образовательные мероприятия финансирование проводится, можно сказать, по остаточному принципу.

Исходя из изложенного, западными государствами разрабатываются комплексные стратегии, в которых традиционным силовым действиям военного характера отводится отдельное и далеко не приоритетное место. Основными элементами должны являться следующие:

- поддержка и закрепление в исламской религии современных тенденций, направленных на перерождение архаичных основ этой религии в демократический гражданский ислам;
- всемерная поддержка регионов с проживанием мусульманского населения, а также соответствующих гражданских институтов и программ;
- поддержка традиционного ислама в пределах, при которых сдерживается натиск исламских радикалов;
- подрыв монополии исламских радикалов, проповедующих религию фундаменталистского толка в отношении интерпретации положений мусульманской религии;
- повышение интенсивности культурно-просветительской деятельности в мусульманских сообществах;
- субсидирование публикаций литературы умеренного ислама в целях доступности для мусульман.

Указанные элементы в равной степени могут быть применены также в Казахстане, в целях формирования четкой позиции и эффективной политики противодействия исламскому экстремизму. Поэтому в этой работе

рассматривается опыт противодействия экстремизму и терроризму в двух передовых странах Европы – Германии и Великобритании.

Проблема религиозного экстремизма в Европе в настоящее время существенно осложнена в силу массовой миграции мусульманского населения в страны региона. Одной из причин недавнего поощрения миграционных процессов в Западной Европе являлось намерение разрешить демографический кризис за счет прибывающего населения, с дальнейшим привитием ему европейских культурных и ментальных ценностей. Однако такое решение было явно непродуманным, и в итоге мусульманское население, будучи представителем совершенно иной культуры, со своими правилами и ценностями, достаточно стремительно вошло в острый конфликт с европейским образом жизни, в особенности, учитывая очень либеральное «совершенствование» западных ценностей.

К этому следует добавить, что зависимость от военной поддержки США привела к ослаблению, как общей бдительности, так и оперативной готовности европейских спецслужб. На этом фоне постоянное снижение уровня рождаемости у коренных европейцев на протяжении нескольких последних десятилетий, позволило иммигрантам создать свои анклавные территории во многих городах Европы [199, с. 27-30].

Конституция и законодательство ФРГ закрепляет светский характер государства и провозглашает свободу вероисповедания совести и религии, а также равенство перед законом независимо от вероисповедания и убеждений. Кроме того, закреплено право образовывать религиозные объединения и свободу от военной службы, если это противоречит религиозным убеждениям.

Единой государственной религии в Германии нет. Традиционными религиями для страны считаются христианство и иудаизм, при этом христианская конфессия ФРГ представлена евангелическо-лютеранской, римско-католической и православной церквями. Религия регулируется Конституцией ФРГ и частью немецкого общественного права – государственно-церковным правом. При этом некоторыми правоведом выдвигается предложение называть данный правовой раздел конституционно-религиозным правом, поскольку им рассматриваются случаи всех религий и мировоззрений.

Государственно-церковное право выражено разделением церкви и государства, обязательством нейтралитета государства в вопросах религии, самоуправлением религиозных обществ без вмешательства со стороны государства. Право определения статуса церковной территории относится к компетенции федеральных земель. Отношения между религиозными учреждениями и государством определяются церковными договорами, действующими в рамках договорно-церковного права, к примеру, с католической церковью – конкордат.

Уполномоченного органа в религиозной сфере в Германии нет. Некоторый надзор в рамках своей компетенции, прежде всего – в сфере борьбы с религиозным экстремизмом осуществляет Ведомство по защите Конституции ФРГ, а в сфере контроля за реализацией прав религиозных объединений – земельные управления юстиции.

Поскольку поддержка религиозных объединений является одной из общественных функций государства, финансирование осуществляется путем церковного налога, используемого для нужд религиозных учреждений, прямых субвенций со стороны государства и других мер государственной поддержки. При этом обязанности по финансовой поддержке несет не государство, а члены той или иной религиозной общины, которым передается право самостоятельно извлекать прибыль из имеющегося в их собственности имущества или средств.

Законодательно государству не запрещается оказывать финансовую поддержку религиозным объединениям, в первую очередь при исполнении ими тех обязательств, которые иначе должно нести государство – содержание детских садов, домов престарелых, памятников, проведение реставрационных работ. Кроме того, государством выделяются целевые средства, к примеру, на проведение католических съездов, организацию визитов Папы Римского и т.д., а также осуществляется косвенная поддержка объединений путем их освобождения от уплаты налогов и сборов.

Религиозные объединения Германии имеют статус публично-правовых корпораций общественного права, что дает им привилегии взимать налоги со своих членов, уполномочивать государство на сбор налогов и их передачу объединениям. При этом они не включены в государственную систему и не подпадают под государственный надзор, являясь «конституционно-признанными учреждениями отдельного вида с особыми правами».

В Германии разрешена миссионерская деятельность в качестве расширения известности представляемой веры при условии осуществления этой деятельности без нарушения действующего законодательства – мирно, без применения или угрозы применения насилия. Механизма государственного регулирования миссионерской деятельности не предусмотрено, кроме сфер компетенции Ведомства защиты Конституции и МВД, что влечет за собой актуальную проблему радикализации мусульман, проживающих в Германии, в том числе в местах лишения свободы.

Прозелитизм, как агрессивное обращение в религию или привлечение в секту не закреплено отдельно в законодательстве и в случаях жалоб рассматривается в рамках покушения на свободу вероисповедания и совести, либо как нарушения миссионерской деятельности при применении насилия или угрозы.

Германия внимательно отслеживает международные правовые акты, а также изменения в законодательной базе других государств по противодействию экстремизму. При этом в Германии, как и большинстве стран, существуют законы, запрещающие расистские выступления, пропаганду и провокационные заявления, выражающие ненависть или презрение к лицам или группам лиц на основании их расовой или этнической принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, национальности.

По мнению экспертов, опыт применения законов, запрещающих возбуждение религиозной вражды и оскорбления религиозных чувств верующих (т.н. hate speech – выражение ненависти) во многих странах, в том числе Германии, сходны, поскольку ориентированы на необходимость защиты

человеческого достоинства и активно применяются, предусматривая как уголовную, так и гражданскую ответственность.

Хотя борьба с проявлениями экстремизма и терроризма в Германии имеет длительную историю, истоки которой начинаются с 1968 года, когда начала свою террористическую деятельность немецкая леворадикальная организация «Фракция Красной Армии» (Rote Armee Fraktion, RAF), первые законодательные акты антитеррористического характера были приняты только в середине 80 годов [200, с. 93-108].

Здесь, прежде всего, обращается внимание на меры, принятые правительством ФРГ в отношении действий экстремистской направленности – т.е. терроризма. Так, 19 декабря 1986 года был принят законодательный акт о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс ФРГ и Закон о судоустройстве ФРГ. Целью данного закона являлось приспособление имеющихся правовых норм к необходимости борьбы с террористической деятельностью. Он закреплял действия, которые следует квалифицировать в качестве террористических: подрыв конституционных основ страны; нанесение ущерба внешней и внутренней безопасности. Способами являлись преднамеренное убийство, похищение заложников, производство взрывных устройств, нападение на все виды транспорта, отравление и ряд других преступлений [201].

В законодательство страны были введены нормы, закрепляющие уголовную ответственность за создание террористических объединений, а также норма, предусматривающая ответственность за так называемое «подведение к преступлениям», предусматривающая ответственность за распространение, рекламирование или иное публичное выставление сочинений, возбуждающих в сознании читателя намерение совершить преступление, нарушающее общественное спокойствие. Имеются ввиду массовые беспорядки, причинение тяжких телесных повреждений, обращение в рабство, разрушение коммуникационных сооружений и другие неправомерные действия.

С середины 80-х годов в Германии существуют специальные поправки к Конституции, запрещающие любую деятельность экстремистских организаций, в которых подчеркивается, что никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение по признакам вероисповедания, религиозных или политических взглядов; свобода вероисповедания, совести и свобода религиозных убеждений и мировоззрения неприкосновенны; государство гарантирует беспрепятственное отправление религиозных обрядов; запрещаются объединения, цели и деятельность которых противоречат уголовным законам или направлены против конституционного строя или против идей взаимопонимания между народами; пользование гражданскими и политическими правами, доступ к государственным должностям, как и права, приобретенные на государственной службе, независимо от исповедуемой религии.

Как уже отмечалось, положение с распространением исламского экстремизма в Европе существенно осложнилось после резкого увеличения миграционных потоков из стран Северной Африки и Ближнего Востока в 2014-

2015 годах и возникшим в связи с этим миграционным кризисом. При этом, именно Германия была для беженцев наиболее желанной страной в силу высокого уровня жизни, хорошего социального обеспечения граждан и возможности трудоустройства. Существенное влияние оказал общий, пропитанный гуманностью менталитет населения Германии, на который наложило отпечаток чувство исторической вины за нацизм.

ФРГ на сегодняшний день испытывает наибольшие трудности среди всех европейских государств, связанные с потоком мигрантов из Африки и Ближнего Востока. По данным различных источников вместе с беженцами на территорию страны проникло до 4000 боевиков «ИГИЛ». На стороне ИГ сражаются более 400 граждан Германии. Эти боевики сформировали устойчивые группы, занимающиеся вербовкой новых бойцов с помощью ресурсов сети Интернет, а в складывающихся условиях они используют глобальную сеть для координации действий своих соратников.

В законодательстве ФРГ нет нормативного правового акта, определяющего понятие «экстремизм», однако в Уголовном кодексе ФРГ присутствует ряд составов преступлений экстремистской направленности.

К числу таких преступлений относят распространение пропагандистских материалов запрещенных организаций (§ 86 УК ФРГ); использование символов запрещенных властями партий, объединений иных антиконституционных организаций (§ 86-а УК ФРГ); нарушение запрета на деятельность антиконституционных объединений (§ 85 УК ФРГ).

Также в уголовном кодексе ФРГ предусматривается наказание на срок до трех лет лишения свободы или денежный штраф за оскорбление вероисповедания граждан и религиозных обществ, а также за воспрепятствование отправлению религиозных обрядов, культов, если такие действия вызывают нарушение общественного порядка.

В виду того, что Интернет во всем мире развился в ключевое средство коммуникации, экстремисты используют его как платформу для своей пропаганды. Кроме того, глобальная сеть используется как средство коммуникации для экстремистских и террористических организаций. В этой связи в 2007 году в Берлине создан общий интернет-центр (GIZ) для наблюдения и оценки экстремистского интернет-содержания. Задачей GIZ сегодня является наблюдение, оценка и анализ публикаций с экстремистским содержанием в Интернете с целью идентификации экстремистских и террористических структур, а также принятия заблаговременных действий. МВД и МЮ Германии усилили давление на интернет-платформы и социальные сети призвав активнее выступать против идей терроризма и блокировать послания, призывающие к ненависти.

Между тем, в интернет-пространстве нет четкого порядка, механизма выявления, блокировки и запрета контента с экстремистской идеологией. Чем-то похожим занимается «EU Internet Forum», в который входят представители крупных компаний (конкретно Ask.fm, Facebook, Google, Microsoft и Twitter), полицейская служба ЕС (Европол), а также правительства ЕС. Форум выпустил «Кодекс поведения в борьбе с языком ненависти». Однако, у провайдеров

Интернета сохраняются «большие трудности» в оценке контента (действительно ли речь идет о нелегальном контенте) и правомерности принятия решений (вынуждены выступать в роли судей).

Послания террористического содержания уже сейчас удаляются сразу же, как только о них становится известно, так как в противном случае провайдер может понести ответственность.

Религиоведческая экспертиза запрашивается судом у индивидуально установленных экспертов в университетах или научно-исследовательских учреждениях. В таких запросах на экспертизу, например, может определяться уровень изученности определенной террористической группировки. Также поручают экспертное заключение профессорам из университетов, специализирующимся на различных исследованиях религиозных течений. Формальной квалификации или специальной сертификации у вышеуказанных ученых по соответствующей экспертизе не существует.

Для борьбы с политическим экстремизмом в ФРГ применяется сочетание превентивных и репрессивных мер. При этом последние рассматриваются как крайнее средство, поскольку они угрожают гражданским свободам.

Представляется интересным метод деятельности спецслужб Германии, называющийся «растровый розыск потенциальных преступников», сущность которого заключается в получении персональной информации о неконкретизированном круге лиц из всех возможных информационных банков и баз данных с ее последующим автоматизированным анализом посредством применения специально разработанной для этой цели компьютерной программы.

Однако пока правоохранительным органам Германии не удается эффективно и своевременно выявлять, а также пресекать случаи разжигания межнациональной розни, включая пропаганду радикального ислама в Интернете, хотя формулировки § 86-а УК ФРГ выглядят вполне достаточными, чтобы противостоять такого рода действиям.

В преамбуле Конституции ФРГ упоминается, что немецкий народ дал себе настоящий Основной закон «осознавая свою ответственность перед Богом и людьми». Таким образом будучи светской страной, гарантируя свободу вероисповедания и совести, немецкое государство стремится к толерантности и определенной поддержке религий.

Политика религиозного воспитания несовершеннолетних в ФРГ регулируется Законом о религиозном воспитании детей от 1921 года. В соответствии с этим законом, право на выбор религии, выход или вступление в определенное религиозное сообщество, а также посещения уроков религии в школе ребенок получает при достижении 14 лет. В большинстве школ Германии все дети в зависимости от своего вероисповедания изучают католическую или протестантскую религию. Однако те ученики, которые не исповедуют христианство, имеют право не ходить на такие уроки, а вместо них посещать уроки этики. Вместе с тем, некоторые учебные заведения сами осуществляют выбор религии для преподавания [202]. Это положение представляется оправданным уже по тому факту, что численность

мусульманского населения в Германии в процентном соотношении уже достигает двузначных чисел. При этом в некоторых федеральных землях с письменного разрешения родителей принимается отказ от участия в уроках по религии.

Такой подход оказывает существенное влияние на образовательную деятельность, в большей степени характерный для Германии, в истории которой имеет место опыт взаимодействия католических и лютеранских религиозных течений, направленных на стабильность германской культуры и ее морально-нравственных качеств.

Однако основным принципом является не столько предоставление информации о конкретной религии, сколько воспитание духовности и принципов толерантности, признание ценности любой религии. Обучение проходит в форме официальных уроков и консультаций в процессе занятий по родному языку. Это, по мнению исследователей, способствует сохранению этнической культуры [203].

Некоторые исследователи несколько осторожно относятся к такому методу, полагая, что такие формы обучения не совсем способствуют формированию религиозной толерантности. Здесь имеется ряд слабых мест. Так, ислам не является единым религиозным учением, распадаясь на множество течений, но в школах упор делается на тот вариант ислама, на который ориентируется семья ученика. Занятия проводит лицо, которое избрано семьей, либо сами родители, либо лицо, которого выберет религиозная община. Тем самым привитие или напротив исключение элементов экстремизма в мировоззрении учащегося зависят от личности самого преподавателя. В условиях, имеющих место в Германии, когда преподавание разрешено в отношении любых форм ислама, какой-либо государственный контроль за ним вряд ли может быть эффективным, поскольку экстремистские идеи нередко носят скрытый характер, в виде непонятных непосвященному лицу интерпретаций сур из Корана.

Помимо этого, такие занятия проводятся в зависимости от национальной принадлежности, преимущественно в турецких классах, и тем самым учащиеся замыкаются в рамках собственной национальной культуры при малом соприкосновении с культурой страны пребывания – Германии. Как правило, такие учащиеся не много знают, например, о германской религии – лютеранстве. Формирование таких моногрупп способствует возникновению конфликтных ситуаций между учащимися разных национальностей [204].

События 11 сентября 2001 года послужили катализатором для принятия многих дополнительных пакетов антитеррористических законов, которые произвели существенные изменения в уголовном праве, а также в отношении прав иностранных граждан. Основным мотивом являлась необходимость создания качественной сети служб безопасности и принятия превентивных мер.

В декабре 2001 года был принят законодательный акт, предусматривающий защиту свидетелей, которым грозит опасность до момента, когда таковая отпадет. В целом германское законодательство в

отношении борьбы с экстремистскими проявлениями меняется в русле общемировых тенденций.

В 2004 году в Германии был создан Антитеррористический ситуационный центр (Anti-Terror-Lagezentrum), который был призван осуществлять анализ сведений в отношении террористических и иных угроз экстремистского характера, а также обеспечивать оперативный обмен данными между всеми спецслужбами и иными силовыми ведомствами, принимающими участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Силовые ведомства также получили право требования от интернет-провайдеров и телефонных компаний информации о контактах и данных пользователей [205].

В борьбе с экстремистскими проявлениями особое место занимает информационная безопасность. В январе 2009 года в Германии вступил в силу законодательный акт о Федеральном криминальном ведомстве, существенно расширяющий полномочия в антитеррористической борьбе.

Были расширены права федеральной полиции по поводу первоначальных данных в отношении отдельных групп лиц на предмет возможной причастности к террористическим актам. В результате совершенствование информационных элементов привело к созданию Базы данных по борьбе с терроризмом (Anti-Terror-Datei, ATD). Реализация требуемых законодательных актов была направлена на создание разветвленной системы, нацеленной на борьбу с экстремистской и террористической деятельностью. Однако общественностью эта мера была воспринята как способ тотального контроля над всеми гражданами страны.

Общую ответственность за обеспечение внутренней безопасности в ФРГ несет Федеральное министерство внутренних дел, тогда как осуществление антитеррористических мероприятий возложено на Федеральную полицию (Bundespolizei, BPOL) и Федеральное ведомство уголовной полиции (Bundeskriminalamt, ВКА). На региональном уровне поддержку им оказывают органы полиции, находящиеся в юрисдикции соответствующей земли.

Помимо этого, в Германии функционирует так называемое спецподразделение Федеральной полиции GSG 9 (Группа охраны границ – Grenzschutzgruppe 9 BPOL), созданное после известных событий апреля 1973 года во время Мюнхенской олимпиады. Оно используется при решении особо сложных или особо опасных задач, когда преступники оказывают сопротивление с применением оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, опасных веществ или других опасных материалов [206].

Тем не менее, исламский экстремизм в Германии по-прежнему остается значительной частью угроз террористического и экстремистского характера. Так, одним из первых актов их деятельности стала попытка нападения сторонников «Аль-Каиды» (из числа террористической группировки «Аль-Таухид») на Еврейский общинный центр в Берлине и еврейские рестораны в Дюссельдорфе в начале 2002, а в 2004 году исламистскими группировками планировалось убийство премьер-министра Ирака во время его визита в Германию.

Одной из удачных проведенных масштабных акций стало пресечение спецслужбами попытки взрывов в аэропорту на американской базе в Рамштайне и на дискотеках земли Северный Рейн-Вестфалия в 2006 году. При этом задержанными оказались немцы, обращенные в исламскую религию и входившие в «Исламский союз джихада» [207]. Но все же самая значительная угроза в Германии исходит от большого числа социально неустроенных мигрантов, легко подверженных влиянию радикальной экстремистской идеологии.

Говоря о проблеме противодействия религиозному экстремизму нельзя не обратить внимание на отношение к ней гражданского общества Германии. Зародившееся во второй половине 60-х годов XX века Движение гражданских инициатив заложило традиции активного участия широкой общественности в политических и социальных вопросах. Постепенно количество таких движений разрасталось, а некоторые из них приобрели праворадикальный окрас. К настоящему времени часть из этих движений считают своей приоритетной задачей борьбу с мусульманской миграцией [208].

Количество протестных выступлений и демонстраций, призывавших к политике нулевой толерантности по отношению к радикальным религиозным группировкам увеличилось. При этом, выступления во многом носили спонтанный характер при отсутствии какого-либо организационного воздействия. Акции с каждым годом приобретают все более массовый характер, стали охватывать всю территорию Германии и переросли ее границы, перекинувшись в другие европейские страны. Это протестное движение не имеет определенной политической окраски, однако четко реагирует на глобальные вызовы, угрожающие основам человеческого существования. Тем не менее, эти же проблемы нередко берут на вооружение заинтересованные в овладении властью силы, которые выдвигают соответствующие лозунги.

В апреле 2013 года была создана новая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), провозгласившая себя, как партия не правая и не левая, а партия, не нуждающаяся в каких-либо идеологических ориентирах. Помимо отражения в своих программных документах общих намерений, последним ее пунктом являлись положения, касающиеся интеграции иммигрантов. Основное внимание уделялось преобразованию иммиграционного законодательства по примеру такого же законодательства Канады. Миграционная тематика со временем в программе партии значительно расширилась, однако, без жестких антиисламских тенденций. Затрагивалась возможность интеграции Турции в ЕС. Ранее АдГ по мотивам географических, культурных и исторических мотивов обосновывалась невозможность вхождения Турции в Европейское сообщество [209].

В последнее время в среде мусульманских мигрантов в Германии возникло новое движение, направленное на создание основ коренного ислама на базе законодательства страны и его традиционных ценностей. Этот шаг является попыткой формирования германской исламской идентичности, которая станет серьезным политическим и мировоззренческим противодействием радикальному исламу [210, с. 5-16].

Основой всего мировоззрения последователей исламского экстремизма является фанатическая убежденность в своей правоте, основанная на некотором невежестве, о котором еще Платон говорил, что это «корень и основа всего зла». Благодаря такому невежеству стали возможными развитие и распространение нацизма в Германии, многочисленные конфликты на религиозной почве, где основной движущей силой являлись лица, которых можно назвать «заблуждавшимися».

Экстремистская пропаганда в основном воздействует на эмоциональную сторону психологии человека, являющейся особенно уязвимой у молодых людей. Успех такой пропаганды обусловлен отсутствием либо слабыми знаниями о религии, не позволяющими критически оценивать пропагандистское воздействие.

Необходимо также понимать, что на самом деле любому индивиду вовсе не обязательно обладать какими-либо особыми знаниями по распознаванию негативной пропаганды. Достаточно знать о ее существовании и на что она направлена [211, с. 105-115]. Отсутствие достаточных знаний в религии, а также информации о наличии негативной пропаганды в этой сфере становится наиболее благодатной почвой для распространения экстремистской идеологии.

Так, после распада СССР население Северного Кавказа, не обладавшее достаточными знаниями в религии, не имевшее авторитетных имамов, способных дать правильные разъяснения, а также, не будучи хорошо осведомленным о возможной негативной пропаганде, стало объектом массовых манипуляций со стороны экстремистских сил.

Сегодня, под такое пропагандистское влияние попадают и мусульмане-иммигранты в Европе, поскольку по сути остаются отвергнутыми европейским обществом и заняты поиском поддержки со стороны иных структур, которыми оказываются исламские радикалы. Так, многие мечети в Германии получают финансовую поддержку из стран Персидского залива, курируются представителями радикального течения «ваххабизм» и не заинтересованы в поддержании диалога с коренным населением.

В этой ситуации в 2017 году в Берлине была открыта мечеть Ибн Рушда Гете по инициативе Сейран Атес, немецкого адвоката курдско-турецкого происхождения. Это мероприятие сыграло важную роль в деле борьбы правительства и общественных организаций против исламистского экстремизма. Сейран Атес продвигает идеи развития межрелигиозного диалога и борьбы с радикальными экстремистскими течениями, искажающими истинный смысл учений Корана [210, с. 5-16].

Общие меры по борьбе с религиозным экстремизмом отражены в документе под названием «Стратегия федерального правительства по предупреждению экстремизма и развитию демократии». В данном документе обозначены подходы правительства ФРГ в борьбе с экстремизмом. В рамках этих подходов реализуются меры по вовлечению в эту деятельность гражданского общества; укрепление и усиление просветительской работы с молодежью, а также предоставление консультационных услуг [212].

Действовавшая с 2015 по 2019 годы программа «Живая демократия» была направлена на сотрудничество с неправительственными организациями и иными структурами гражданского общества, а также с федеральными и региональными органами государственной власти в целях противодействия экстремизму, посредством просвещения и повышения общей осведомленности о рассматриваемой проблеме. Основными направлениями являлись информирование молодежи об экстремистской пропаганде и изучение методов ее ведения.

По поводу вышеуказанной мечети следует заметить ее уникальные для Германии особенности. Прежде всего, комната для молитв занимает часть здания протестантской церкви и при этом предусмотрено совместное моление мужчин и женщин. Предусматривается феминистский подход к осуществлению богослужения, при котором имамом является также женщина и к тому же немецкой национальности. Проповеди ведутся на немецком языке, являющимся в такой ситуации языком межнационального общения в силу наличия мусульман разных национальностей. После проповеди идет процесс обсуждения в форме вопросов и ответов, которое проводит имам из иммигрантов. Содержательная сторона сессии имеет философский характер и сводится к решению вопроса применимости исламского учения в германском обществе.

Помимо этого, служители мечети проводят работу в социальных сетях, рассказывая о радикальных исламских течениях и необходимости борьбы с ними; приглашают также местных школьников для налаживания межэтнических и межрелигиозных контактов.

Таким образом, следует заключить, что приведенная инициатива со стороны Сейран Атес и мечети Ибн Рушда Гете рассматривается в качестве либерального подхода к исламской религии в виде стратегии по созданию местной исламской культуры, что содействует устранению противоречий между мусульманским и коренным населением Германии и это со временем может стать эффективным противовесом исламскому экстремизму.

Отличительной характеристикой британского конституционного права является его неcodифицированность, то есть отсутствие какого-либо единого документа, который можно было бы назвать основным законом страны. Более того, не существует даже точного перечня документов, которые бы относились к Конституции.

В Великобритании нет законодательного регулирования религиозной сферы, государство исходит из принципа – «разрешено все, что не запрещено общим законодательством», главное, чтобы религиозные вопросы не нарушали законодательство в сфере противодействия терроризму. Также в стране нет уполномоченного органа в сфере религий, однако существуют две официально признанные церкви: англиканская в Англии и пресвитерианская в Шотландии (на территории Уэльса и Северной Ирландии государственной религии нет), священнослужители которых могут получать заработную плату от государства, если они работают в тюрьмах или больницах.

Согласно английскому законодательству, для осуществления религиозной деятельности никакой специальной регистрации не требуется, за исключением случаев, когда религиозная организация планирует заниматься благотворительной или коммерческой деятельностью.

Поскольку религиозная деятельность не требует государственной регистрации, существует очень ограниченное число актов, регулирующих распространение религиозных учений и появление религиозных организаций на публике. Так, до 1990 года существовал запрет на дачу рекламных объявлений религиозными организациями по радио и телевидению. К примеру, после отмены этого запрета Церковь сайентологии стала широко пользоваться одним из телеканалов, что вызывало множество жалоб, повлекших запрет на сайентологическую рекламу, но после апелляции в 1996 году запрет был снят.

В рамках законодательного поля, с учетом глобальных тенденций (борьба с терроризмом, экстремизмом), решение по ограничению деятельности религиозных организаций может быть принято в случаях их обвинения в террористической деятельности. При использовании данного инструмента уделяется существенное внимание доказательной базе. При отсутствии стопроцентных доказательств решение принято быть не может.

На протяжении большей части XIX в. и вплоть до начала XX в. британское антиэкстремистское законодательство было ориентировано в значительной степени на урегулирование конфликта в Северной Ирландии, в динамике которого религиозные различия играли важную, но не ключевую роль. Это обстоятельство позволило Великобритании сформировать определенную правовую базу, направленную на предупреждение и борьбу с экстремистской деятельностью, а также накопить значительный опыт ее практического применения. С конфликтом в Северной Ирландии связан целый спектр мер по ограничению въезда экстремистов на территорию материковой части страны, контролю над их перемещениями и контактами, а также меры по ограничению финансовой и информационной поддержки экстремистских идей.

Согласно британскому законодательству разжигание расовой ненависти относится к преступлениям против общественной безопасности, за которое Законом о межрасовых отношениях закреплена ответственность [213].

Для обозначения преступлений, определяемых в качестве преступлений экстремистской направленности, в Великобритании используется понятие «hate crimes», смысл которого заключается в обозначении таковых, где враждебность и предубеждение преступника являются факторами, по которым определяется выбор жертвы. Это определяет, что мотивом такого преступления является общая враждебность по отношению к определенной группе лиц, основанной на национальной, религиозной или иной почве.

Ранее в стране реализовывались проекты, в рамках которых и сегодня широко осуществляют свою деятельность шариатские суды. Большинство этих структур легализовано, а многие их заседания проходят при отсутствии наблюдателей от официальных властей [214, с. 121-127]. Учитывая отсутствие контроля со стороны правоохранительных органов, возникали серьезные

опасения по поводу применения в таких судах архаичных норм, таких как принудительные браки или отказы в бракоразводных процессах.

Либеральное отношение властей Великобритании к религиозному вопросу позволяло находить там «убежище» многим радикальным течениям и их лидерам. В разное время там базировались различные радикальные религиозные организации (Хизб ут-тахрир аль-ислами, Аль-Мунтаа аль-ислами, Аль-Джихад, Хамас, Аль-Каида, Аль-Баляг и др.), проводились съезды их лидеров, выпускалась радикальная религиозная и экстремистская литература. На территории Великобритании организовывалась подготовка экстремистов. Так, через мечеть шейха Омар Абу Омар в Брикстоне (юг Лондона) «прошли» известные террористы Ричард Рейд и Закариас Муссауи, а в Южном Уэльсе был обнаружен лагерь, где молодых мусульман обучали владению огнестрельным оружием перед отправкой в Афганистан, Сирию и другие страны. Часть этих организаций вела подрывную деятельность в ряде стран и внутри мусульманских диаспор в Европе.

Обращаясь к проблеме противодействия религиозному экстремизму в Великобритании, следует заметить, что в этой стране нет юридически закреплённого понятия «экстремизм». Это понятие используется в основном британскими криминалистами в текущем или правильнее сказать оперативном порядке. Однако имеет место понятие «насильственный экстремизм», отражённый на официальном сайте Королевской прокурорской службы, обозначающий такое явление, как демонстрация недопустимого поведения посредством использования любых средств, а также способы выражения взглядов, подстрекающих к террористическому насилию, оправдывающего или прославляющего его, провоцирующие других лиц на совершение тяжких уголовных преступлений, способствующих разжиганию ненависти, которая может привести к межобщинному насилию в Великобритании» [215, с. 973-983]. Насильственным экстремизмом также являются призывы к уничтожению личного состава Вооружённых Сил Великобритании [216].

Результаты лондонских взрывов 7 июля 2005 года (7/7) и событий 11 сентября 2001 года (9/11) заставили британские власти внести коррективы в модель мультикультурализма. Так, в 2005 году в Великобритании разработана и введена отдельная «Стратегия борьбы с терроризмом» (Contest), включающая в себя четыре ключевых направления (Предотвращение, Преследование, Протекция и Перевоспитание). Эта модель противодействия насильственному экстремизму получила широкое признание на международном уровне и взята за основу многими странами в качестве образца (например, в Австралии, Канаде и США). Кроме того, за последние годы по решению властей были запрещены 44 радикальные исламистские организации. Наиболее опасными признаны террористические формирования «Аль-Каида» и «ИГИЛ» [180, с. 27-30].

Социологические опросы, проведенные как правительственными, так и независимыми организациями в 2017-2019 годах, свидетельствуют об увеличении опасений британцев в части возросшей угрозы религиозного экстремизма. Так, по данным опроса, проведенного исследовательским центром «Pew Research Center» в 2017 году, почти 80% жителей Великобритании

озабочены проблемой исламского экстремизма [217], а исследование О. Джоши и Дж. Эванса в 2019 году выявило, что 36% британцев не готовы принять мусульман в качестве членов своей семьи, 23% придерживаются аналогичной позиции в отношении евреев [218]. По данным отчета неправительственной организации «Hope Not Hate» четверть жителей Великобритании видят в исламе «опасную религию, провоцирующую насилие», 52% относят ее распространение в Европе к угрозам западной цивилизации, 32% опрошенных указали, что в Великобритании уже сегодня существуют зоны и районы, в которые ограничен безопасный доступ немусульман [219] и более 75% британцев высказываются за криминализацию хранения, размещения и просмотра экстремистского контента в интернете, а также создания независимого органа для мониторинга соблюдения веб-компаниями антиэкстремистского законодательства [220, с. 88-107].

Следует отметить, что проблему нетерпимости испытывают не только мусульмане, но и некоторые этнические меньшинства. Так, 80% британских евреев указывают на антисемитизм как на проблему британской политики, 75% определяют антисемитизм как общенациональную проблему британского общества. Почти треть евреев, постоянно проживающих в Великобритании, не посещают мероприятия и места встречи общины из страха за собственную безопасность (рисунок 3) [221].

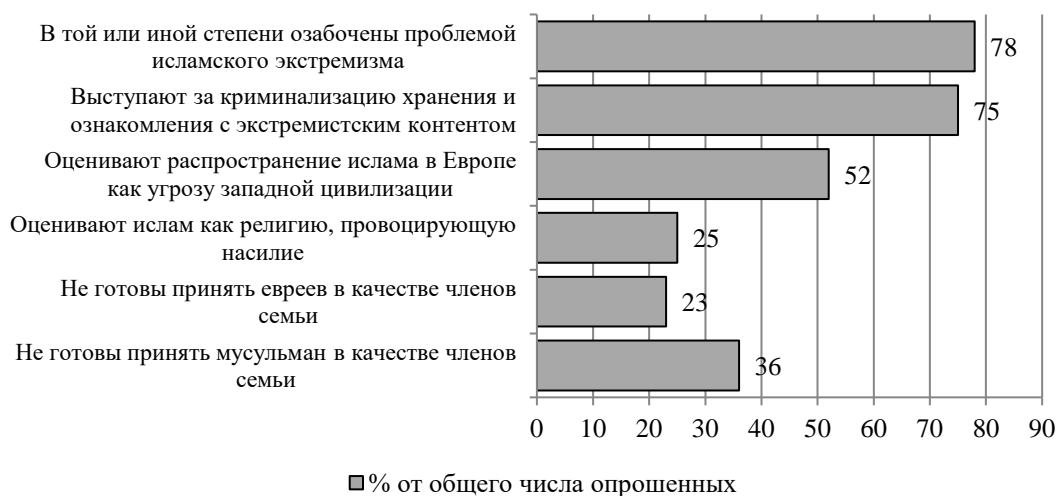

Рисунок 3 – Отношение британского общества к проблеме религиозного радикализма и экстремизма

Примечание – Составлен автором по результатам опросов общественного мнения по источникам [217-221]

Сегодня Великобритания является страной, в наибольшей степени, старающейся совершенствовать методы противодействия религиозному экстремизму, и в первую очередь, на законодательном уровне. Это выражается в принятии множества правовых актов и программ, особое внимание в которых уделяется превентивным действиям [222, с. 17].

Распространение материалов экстремистского и террористического характера регулируется в Великобритании несколькими законами: Об общественном порядке 1986 г. (устанавливает ответственность за разжигание расовой ненависти, в том числе с использованием письменного материала, слов и поведения); о расовой и религиозной ненависти 1986 г. (дополнен в 2006 г.); об уголовном правосудии и иммиграции 2008 г.; о терроризме 2000 г. (дополнен в 2006 г.).

Последний из них предусматривает уголовную ответственность за прямое или косвенное прославление и одобрение экстремизма и терроризма в Интернет. Необходимость криминализации хранения экстремистских материалов вызывает споры, но прецедентное право Великобритании основывается на том, что уголовная ответственность наступает только в случае, когда доказано использование указанных материалов, а также материалов, оправдывающих и поощряющих расовую и религиозную ненависть, непосредственно при подготовке или реализации экстремистской деятельности или террористических актов [220, с. 77-78].

В соответствии с Законом о публичном порядке 1986 года, дополненным Законом о расовой и религиозной ненависти 2006 года уголовному преследованию подвергаются лица, проявляющие в отношении других лиц ненависть по признаку расы, этнической или религиозной принадлежности. В зависимости от состава преступления к физическим лицам может быть применено наказание в виде тюремного заключения до 7 лет или штрафа, определенного судом по собственному усмотрению [223, с. 104-106].

В декабре 2001 года был принят Закон о безопасности, борьбе с терроризмом и преступностью, который криминализовал ряд преступлений, отягощенных религиозными мотивами, определив их в качестве самостоятельных преступлений. Основными квалифицирующими признаками при этом закреплены факты демонстрации преступником, во время совершения преступления или после него, враждебности, основанной на принадлежности жертвы к расовой или религиозной группе.

В последние годы наблюдается ужесточение законодательства Великобритании в сфере религиозного радикализма. Так, в конце 2016 года в Великобритании впервые было запрещено членство в ультраправой группировке «National Action», которая была объявлена неонацистской террористической организацией. Поводом для принятия такого решения стала проведенная ею демонстрация с транспарантами, содержащими лозунги в оправдание немецкого фашизма, антисемитизма и расизма. В 2017 году впервые британским гражданам, выехавшим в зарубежные страны в экстремистских и террористических целях, были выписаны так называемые «ордеры о временном выдворении», запрещающие им возвращение в Великобританию до выяснения обстоятельств. В том же году по примеру США был введен запрет на использование любых видов мобильных устройств и компьютерной техники (в том числе планшетов, ноутбуков) на рейсах Великобритании из Турции, Туниса, Ливана, Египта, Иордании, Саудовской Аравии [216].

Коммуникационная стратегия радикальных религиозных организаций направлена на широкую аудиторию и носит транснациональный характер. Это обусловлено возможностью оперативного размещения больших объемов информации, использования всего арсенала аудиовизуальных средств воздействия на читателя, значительной экономией на издержках пропаганды. При этом проведенное в Великобритании исследование позволило установить, что посетителями интернет-сайтов радикальных религиозных организаций чаще становятся люди, которые предварительно ознакомлены с идейными установками и программными положениями данных организаций [224, с. 14-22].

Для решения проблемы Правительство Великобритании сформировало План действий, установивший четыре ключевых приоритета: совершенствование методов обнаружения и удаления нелегального контента; поддержка усилий гражданского общества по продвижению альтернативных вариантов профилактики и предотвращения религиозного экстремизма; сотрудничество с интернет-компаниями (в том числе возможность получения доступа к личным данным пользователей в следственных целях); улучшение доступа к получению цифровых доказательств религиозного экстремизма и усиление международного взаимодействия в данной сфере [220, с. 67-68]. Парламентарии и представители исполнительной власти Великобритании неоднократно высказывались за введение юридической ответственности для интернет-компаний, допускающих публикацию материалов религиозного экстремизма и не удаляющих их по требованию соответствующих органов, ссылаясь на свободу слова [220, с. 69-70]. Работу в данном направлении ведут соответствующие органы, специальные комитеты:

- Подразделение по борьбе с терроризмом в Интернет (Counter Terrorism Internet Referral Unit) занимается предотвращением распространения информации экстремистского содержания и удалением незаконных материалов террористического характера;

- Национальное бюро по борьбе с киберпреступностью (National Cyber Crime Unit) занимается противодействием хакерам (входит в состав Национального агентства по борьбе с преступностью, National Crime Agency);

- Управление городской полиции по борьбе с терроризмом (Metropolitan Police Service's Counter Terrorism Command) является также одной из структур, противодействующей распространению терроризма в Интернете;

- Подразделение по защите от виртуальных угроз (Joint Cyber Reserve Unit) министерства обороны. Главной особенностью подразделения стало то, что помимо защиты компьютерных сетей оно занимается кибератаками, которые могут вывести из строя коммуникации, ядерное или химическое оружие, самолеты и корабли противника (противником могут также рассматриваться террористические структуры).

Подразделение по борьбе с терроризмом в Интернет проводит оценку интернет-материалов и ресурсов на предмет нарушения британских законов. При наличии таких признаков, проверке подвергается весь сайт, на котором обнаружены противоправные материалы. Отмечается, что это подразделение

контролирует всю онлайн деятельность на территории страны, в том числе страницы Facebook и Twitter, которые проверяются круглосуточно. Подразделение также работает с международными партнерами, для того чтобы удалять материалы, размещенные из-за границы. С ноября 2014 года все телевизионные операторы, такие как BT, Sky, TalkTalk и Virgin Media, сотрудничают с подразделением по борьбе с терроризмом в Интернет для фильтрации своих онлайн страниц.

В учебных заведениях Великобритании религиозному образованию уделяется повышенное внимание и по мнению Л. Гирона, приведет к тому, что оно станет основным инструментом повышения безопасности [225, с. 129-147]. Так, в работе исследователя Д. Моулина была дана оценка роли общего религиозного образования, а события 11 сентября 2001 года дали повод к пересмотру значимости и методики его преподавания [226, с. 158-173]. Это еще раз подтвердило, что одним из наиболее важных направлений противодействия распространению религиозного экстремизма является профилактика. Особое внимание уделяется своевременному выявлению повышенного интереса школьников и молодежи к экстремистскому контенту. С 2015 года британские школы обязаны применять специальное программное обеспечение, позволяющее вести регулярный мониторинг активности учеников в социальных сетях и интернете на предмет применения характерных терминов и поисковых запросов, употребляемых пропагандистами религиозного радикализма и вербовщиками террористов [65, с. 27].

В Англии, Уэльсе и Шотландии все школы в обязательном порядке преподают предмет, в котором детей знакомят с основными мировыми религиями. При этом, помимо сохранившегося акцента на христианство делается и акцент на терпимость к представителям других вероисповеданий. Родители при желании могут освободить своих детей от изучения религиозных предметов. В Северной Ирландии также существует определенный минимум знаний о религиях, которые необходимо получить ученику.

В 2004 году в Великобритании создан специальный государственный орган – Национальный Координационный центр по борьбе с внутренним экстремизмом [223, с. 109], а все государственные органы наделены обязанностями по мониторингу и представлению отчетов о ненасильственном экстремизме, в том числе о подозрительном поведении детей в школах и молодежи в университетах.

Правительством Великобритании также разработана специальная программа «Prevent», направленная на предотвращение вовлечения людей в экстремистскую идеологию, а также обеспечение консультативной и социальной поддержки. Программа предусматривает работу в сферах образования и здравоохранения, взаимодействие с религиозными группами и благотворительными организациями, а также решение проблем радикализации в Интернете. Не менее важное значение в программе отдается мерам по содействию интеграции мусульман в британское общество [227, с. 11].

Отмечается, что темпы ее реализации пока еще не являются значительными. Другая проблема состоит в том, что меры, предусмотренные

этой программой, отличаются узкой ориентацией и направлены именно на мусульманскую общину. Подобная ориентация несет в себе дискриминационный оттенок, негласно давая понять, что мусульманская диаспора изначально является склонной к проявлению экстремистских наклонностей [228, с. 102-115]. Такое предвзятое отношение к мусульманской диаспоре вызывает в британском обществе, в особенности в таких регионах, как Шотландия, вопросы морально-этического и правового характера [229].

Так, в 2009 году Институтом расовых отношений (IRR) был опубликован доклад, в котором упоминалось о фактах применения правоохранительными органами страны недопустимых методов сбора информации. В рамках этой программы осуществлялась слежка за деятельностью представителей мусульманских диаспор, например, тех, кто публично критиковал негативное отношение к войне в Афганистане, несмотря на то, что такого же мнения придерживалось большинство населения страны.

Представители гражданских структур также выражают критическое отношение к программе «Prevent», заявляя, что она напрямую связывает проблему терроризма и экстремизма с мусульманской диаспорой. Так, мусульманское общество «Ан-Ниса» обратило внимание на тотальную систему слежки за мусульманами в виде требований (в адрес мусульманских общин): сообщать контактные данные представителей общин и об их передвижениях по территории страны; предоставлять сведения о местах, где встречаются молодые мусульмане и об их религиозных взглядах [230].

Одной из причин возможно является относительно широкое понимание термина «экстремизм». В целях большей конкретности британскими правительственными структурами к этому слову добавлено прилагательное «насильственный», однако это не исключает его широкого толкования и позволяет британским правоохранительным органам причислять к экстремистским, разные виды деятельности. По существу, понятия этих обоих терминов (экстремизм и насильственный экстремизм) в британских документах содержательно не раскрываются. Туманность и расплывчатость формулировок позволяет правоохранительным органам злоупотреблять некоторыми нормами и причислять к экстремистским или террористическим действиям многие, внешне легальные, но вызвавшие у них подозрения действия. Как отмечает британский социолог Л. Платт вся стратегия британского правительства по противодействию религиозному экстремизму, несмотря на ее либеральную направленность, имеет некоторое сходство с операциями, которые в прошлом Британская империя проводила с повстанцами в процессе своего распада [231, с. 53-83].

Указанная программа делает упор на одну религию, рассматривая ее в качестве источника проблем тогда, как на самом деле речь должна идти об общих социально-политических проблемах страны.

Одним из образовательных проектов, действующих в Великобритании с 1998 года, является программа Academia Islamica, целью которой является деятельность по развитию идентичности молодежи с упором на работу с молодыми лицами, подверженными влиянию религиозных экстремистов [232].

В этом контексте следует упомянуть систему мер конфликтолога Д. Вика, усилиями которого было прекращено противостояние в районах Лондона, населенных молодежными группами разных конфессий. Благодаря его действиям была создана группа «Aik Saath», в которую вошли представители разных религий (в том числе ислама). Группа «Aik Saath» осуществляет деятельность практически во всех графствах Британии по социальной и образовательной работе со школьниками, студентами и членами молодежных организаций, направленную на подготовку экспертов, обучение методике погашения конфликтных ситуаций и нейтрализацию религиозных мифов [233].

Британская Стратегия предотвращения религиозного экстремизма преследует три ключевые цели: своевременная и адекватная реакция на экстремистскую идеологию; выстраивание конструктивных взаимоотношений с гражданским обществом; оказание поддержки в предотвращении радикализации религиозных взглядов [234, с. 7-9]. Диагностика и выявление лиц, потенциально склонных к религиозному радикализму, осуществляются на основании наблюдений, подтверждающих раскол между мусульманской и британской идентичностями для конкретного человека. Стратегия предусматривает три уровня работы с целевой аудиторией, кратко охарактеризованных в таблице 3.

Таблица 3 – Уровни реализации Стратегии предотвращения

Уровень реализации Стратегии	Характеристика аудитории	Примеры реализуемых Программ и мероприятий
1. Первичный уровень	Направлен на широкий круг мусульманского населения и определенные мусульманские сообщества для повышения его британской идентичности, обеспечения социальной поддержки и взаимодействия	1. Антиэкстремистские уроки в британских школах; 2. Образовательные программы и мероприятия молодежных мусульманских организаций, сотрудничающих с органами власти; 3. Включение представителей мусульманских общин в органы местного самоуправления
2. Вторичный уровень	Сфокусирован на людях, проявляющих первичные признаки радикализации религиозных взглядов, а также демонстрирующие поддержку перехода к экстремистскому насилию	1. Межведомственная программа «Channel» по выявлению потенциально предрасположенных к религиозному экстремизму молодых мусульман с целью их последующей социальной адаптации, оказания психологической помощи и предоставления альтернатив самореализации
3. Третичный уровень	Сфокусирован на людях, обвиненных в экстремистских или террористических преступлениях, в том числе находящихся в тюрьме	1. Проект социальной адаптации бывших заключенных, обвиненных в экстремистской пропаганде или деятельности
Примечание – Составлена автором по источнику [235, с. 48-52]		

Следует отметить, что Стратегия находит свое продолжение в локальных нормативных актах общественных учреждений и организаций, в первую очередь, школ, колледжей и университетов, отражая политику администрации по борьбе с распространением радикальной религиозной и экстремистской идеологии.

Одним из ключевых механизмов Стратегии на первичном этапе является межведомственная программа «Channel» – общественная инициатива, суть которой заключается в формировании партнерских отношений между местными правоохранительными органами, местными органами власти и местными сообществами, в том числе мусульманскими, для выявления лиц, находящихся в опасности воздействия исламского экстремизма, с целью их последующей социальной адаптации, оказания психологической помощи и предоставления альтернатив самореализации [236]. По официальным данным в 2015-2016 годах в рамках Программы было выявлено около 8 тыс. мусульман потенциально склонных к религиозному радикализму, из которых только 20% приняли фактическое участие в программе дерадикализации и воспользовались различными методами поддержки и социальной адаптации [237]. Однако со временем полицейские службы стали выдвигать все новые требования по профилактике и предотвращению терроризма, что по существу меняет сущность мероприятия, предварительно основанного на общественных началах, превращая программу в большей степени похожую на полицейскую инструкцию.

Помимо прочего, в рамках профилактики религиозного экстремизма правительство финансирует спортивные мероприятия, форумы по развитию лидерства, дискуссии по текущим вопросам и другие программы, направленные на активизацию участия религиозных общин в борьбе с экстремизмом.

Вместе с тем, как уже упоминалось, по мнению некоторых экспертов, сама концепция, лежащая в основе Стратегии предотвращения, предполагает деление британского общества на мусульман (априори вызывающих подозрение) и немусульман, что не соответствует гарантиям обеспечения равенства прав и свобод граждан Великобритании. Сторонники данной точки зрения рассматривают радикализацию мусульман как форму их борьбы в ответ на нерезидентативные режимы, часто поддерживаемые западной политикой и обществом.

В 2018 году была запущена альтернативная программа борьбы с исламской радикализацией, основанная на сотрудничестве с мечетями и духовными лидерами британских мусульман. Она предусматривает активное участие авторитетных представителей традиционного ислама в реализации образовательных программ и борьбе с религиозным экстремизмом. В рамках этой программы некоммерческие религиозные организации осуществляют разработку и проведение учебных курсов, в ходе которых мусульманскими богословами разъясняется несоответствие экстремистской идеологии принципам и нормам ислама [65, с. 28]. Система взаимодействия с лидерами исламского сообщества свойственна для многих европейских государств. По факту террористических или экстремистских актов, связанных с

мусульманскими экстремистами, имамы выпускают фетвы осуждающего характера. Подобные инициативы доказали свою эффективность не только в Великобритании, но и Германии, Италии, Франции, Нидерландах и Испании [238, с. 119-124].

Особая ответственность за реализацию Стратегии предотвращения ложится на общественные учреждения и организации, осуществляющие регулярное взаимодействие с молодежной аудиторией. Государство в рамках молодежной политики инициирует различные программы, направленные на профилактику экстремизма, активное участие в которых принимают и некоммерческие организации. Сотрудничество осуществляется по целому ряду направлений: борьба с дискриминацией; повышение уровня занятости; предупреждение религиозного экстремизма; развитие гражданской активности мусульман [239].

На постоянной основе действует Молодежный мусульманский Фонд, в цели которого входят поощрение и развитие «британской мусульманской идентичности», ведение мирного диалога с представителями иных конфессий, борьба с заблуждениями радикального ислама и британского общества относительно ислама. Фондом разработан интерактивный образовательный курс «Мусульмане в Великобритании», направленный на формирование толерантности в отношении представителей других религий, по его инициативе функционирует ресурсный интернет-центр для мусульман-педагогов. Организация не преследует политических целей и пропагандирует аполитичность.

Сегодня Правительство Великобритании координирует свою антиэкстремистскую деятельность с более чем 2 790 учреждениями, включая школы, университеты и религиозные организации, охватывающие более 50 тыс. человек. Реализовано 130 проектов на уровне местного самоуправления с участием школьников – представителей различных религиозных конфессий. Преподаватели следят за своими учениками на предмет наличия признаков радикализации, а при возникновении таких подозрений информируют полицию для принятия последующих мер. Одним из вариантов работы с такими подростками и молодыми людьми является оценка их потенциальной подверженности риску экстремизма, обеспечение поддержки, социальной адаптации и предоставление альтернатив самореализации. В 2017 году эта работа охватывала почти 4 тыс. человек, из которых 70% связаны с исламским экстремизмом, 15% – с правым экстремизмом [216].

Наряду с этим, в Великобритании реализуется проект «Muslim Youth Development Partnership», позволяющий привлечь молодых мусульман к волонтерской деятельности и участию в муниципальных школах лидерства [240, с. 29-33]. Руководство Великобритании уделяет большое внимание развитию толерантного отношения к представителям разных религий в образовательной среде, регулярно организуя для педагогов тематические курсы повышения квалификации, снабжая образовательные учреждения подробными инструкциями о поведении в случаях выявления фактов насилия и экстремизма на религиозной почве.

Однако, реализация Стратегии предотвращения, основанной на раннем выявлении предрасположенности молодых людей к радикальным религиозным взглядам, вызывает у живущих в Великобритании мусульман обоснованную критику. Так, в некоторых семьях с детьми боятся обсуждать негативные последствия религиозной радикализации и экстремизма из-за боязни, что их дети будут говорить об этом в школе и их намерения и слова могут быть неверно истолкованы педагогами [241]. Схожую позицию занимает и Национальный союз учителей Великобритании. Его представители отмечают, радикализация подростков, в первую очередь, происходит в интернете, что обосновывает необходимость обсуждения проблемы религиозного экстремизма в школах. Успешный опыт сотрудничества школы и полиции при проведении уроков, посвященных проблемам религиозного радикализма и экстремизма, накоплен в Портсмуте, городе, который лидирует по числу выявленных религиозных экстремистов, в том числе воюющих на стороне джихадистов в странах Азии и Ближнего Востока [242].

Немалая роль отводится сознательным гражданам Британии, сообщающим правоохранным органам о подозрениях в отношении граждан, ведущих образ жизни, позволяющий их заподозрить в экстремистских побуждениях. Так, в графстве Суррей имеется возможность предоставления информации о подозрительных лицах на специальных порталах [178, с. 33-36].

Также, как и в Германии, определяющим фактором признается идеологический компонент экстремистской деятельности, формирующий радикальное мировоззрение и приводящее будущего экстремиста к убеждению, что только действиями экстремистского и террористического характера можно построить «правильное» общество». Содержательная сторона такой идеологии представляет собой систему радикальных психологических установок, обосновывающих необходимость разрушения существующих государственных и общественных устоев.

Применительно к Великобритании следует отметить резкое изменение отношения населения практически ко всем мигрантам. События, связанные с распространением экстремистской идеологии, совершением террористических актов внутри страны и во всем мире создают предпосылки к росту исламофобии и популяризации праворадикалов. Популяризация праворадикальных движений, в свою очередь, провоцирует рост радикализма уже по отношению к мигрантам, и в особенности к мусульманам. В итоге, экстремистская идеология получает новый виток развития посредством обратной реакции на такую агрессию. При этом, одни радикалы убеждают свою аудиторию в том, что проблемы можно разрешить только экстремистским путем, а другие, что мигранты покушаются на демократические и иные национальные ценности.

В 2016 году в Великобритании был запущен проект пилотной программы по социальной адаптации бывших заключенных по статьям об экстремистской деятельности или пропаганде. Осужденные, освобожденные досрочно или приговоренные к условному сроку, получают психологическую поддержку, участвуют в программах наставничества, изучают теологические и

идеологические советы. В 2018 году программа была пролонгирована на следующие 3 года. Такие проекты для Великобритании особенно актуальны, так как по оценке Брукингского института в период расцвета ИГИЛ страна занимала 9 позицию в Топ-20 стран-источников иностранных боевиков.

Следует отметить, что многие из обозначенных элементов противодействия религиозному экстремизму базируются на принципах самоуправления и активного привлечения молодых людей, что дает им возможность формировать повестку дня самостоятельно [243]. Реализация такой политики направлена, в первую очередь, на воспитание мусульманской молодежи и формирование положительного образа ислама, а также вовлечения их в общественную деятельность.

Наряду с этим, меры по противодействию религиозному экстремизму требуют также сдерживания агрессивной деятельности ультраправых сил, которые воспользовавшись формированием у части общества негативного образа ислама, а также недовольством населения по поводу иммиграционной политики властей сосредотачивают свою радикальную деятельность на усилении исламофобских настроений.

Поэтому государственные программы противодействия религиозному экстремизму включают мероприятия, направленные на всю молодежь, и акцентируются на борьбе с предрассудками, воспитании высокого самосознания и поиске мирных путей разрешения проблем.

На сегодняшний день угроза террористических актов в Великобритании в целом остается достаточно высокой. Анализ текущей ситуации показывает, что Великобритания пытается выработать новые механизмы (в том числе законодательные) упреждения деятельности радикалов и экстремистов, а также регулирования религиозной сферы в целом.

3.2 Имплементация зарубежного опыта противодействия религиозному экстремизму в Казахстане

Характерной особенностью современной эпохи является политизация религии. Именно политизация религии становится отправной точкой для формирования, развития и распространения религиозного экстремизма [244, с. 148-158]. Синтез политики и религии становится мощным идеологическим потенциалом, поэтому достижение межконфессионального согласия является одним из наиболее важных направлений внутренней политики государства. Межрелигиозный диалог, направленный на конструктивное взаимодействие с секуляризованным обществом становится едва ли не основным фактором стабильности и развития мирового сообщества.

При этом страны Центральной Азии, в силу их нахождения на стыке цивилизаций и транспортных путей, играют важную роль в организации такого диалога. Географическое положение центральноазиатского региона позволило впитать культурные достижения разных цивилизаций, а также сформировать уникальное самосознание и особые традиции, что в свою очередь, способствовало построению принципов межрелигиозного диалога [245, с. 47-58].

В настоящее время в Казахстане осуществляют свою деятельность 3 826 религиозных объединений, представляющих 18 конфессий. Преобладающей конфессией является ислам (2 691), а второй по численности верующих идет православная церковь (343), (таблица 4).

Таблица 4 – Конфессиональный состав Казахстана

Конфессии	Количество объединений
Ислам	2 691
Православие	343
Католицизм	86
Пятидесятники	228
Баптисты	186
Меннониты	4
Пресвитерианцы	107
Адвентисты Седьмого дня	42
Лютеране	14
Методисты	11
Новые Апостолы	24
Мормоны	2
Свидетели Иеговы	60
Общество сознания Кришны	12
Община Бахаи	6
Иудаизм	7
Буддизм	2
Муниты	1
Всего	3 826
Примечание – Составлена автором по источнику [246]	

В 1995 году, по инициативе Президента Казахстана, была создана Ассамблея народа Казахстана, основными целями которой стало:

- содействие сохранению в республике межнационального и межконфессионального согласия, стабильности в обществе;
- формирование политической культуры граждан, опирающейся на цивилизованные и демократические нормы;
- формирование и распространение идеи духовного единства, укрепление и сохранение дружбы народов и межнационального согласия;
- всестороннее развитие национальных культур, языков и традиций народов Казахстана;
- обеспечение учета многообразных национальных интересов в проводимой государством национальной политике;
- поиск компромиссов для разрешения возникающих в обществе социальных противоречий.

Таким образом, Казахстан построил собственную модель взаимоотношений государства и религиозных организаций на общепринятых принципах взаимопонимания и учета интересов. Это является особенно

важным фактором в силу неоднозначных событий в современном глобальном мире, наполненном межрелигиозными и межэтническими конфликтами.

Казахстан с момента обретения независимости провозгласил себя светским государством и первым шагом, обозначившим религиозную политику молодого государства, стало формирование правовой основы для реализации права на свободу вероисповедания [247, с. 147-152].

Уже в январе 1992 года был принят Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». В его разработке приняли участие представители всех религиозных организаций, осуществлявших деятельность в республике, в результате чего были заложены наиболее прочные основания свободы вероисповедания. Законодательство Казахстана в религиозной сфере было признано международными экспертами самым демократичным на всем постсоветском пространстве, однако это способствовало проникновению в страну нетрадиционных религиозных течений. Со временем в этой сфере начала формироваться тревожная тенденция, выразившаяся в распространении радикальной и экстремистской идеологии, прикрывающейся «исламом».

По данным Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан (МИОР) количество, так называемых, «практикующих» мусульман ежегодно увеличивается. Исламские ценности постепенно проникают во многие сферы жизни общества, что становится заметным по демонстративному ношению религиозной одежды, отказам от медицинских процедур, фактам заключения браков по религиозным правилам без официальной регистрации. Все это способствует тенденции погружения общества в исламскую идею, создавая искусственные границы между светскими и религиозными принципами в государственной и общественной жизни.

Особую тревогу вызывает активность последователей радикальных религиозных течений, число которых также ежегодно увеличивается (в настоящее время насчитывается более 22 тыс. приверженцев псевдосалафизма). Они отрицают национальные традиции, не признают государственности и противопоставляют себя обществу. Организаторы, исполнители и участники всех последних терактов на территории Казахстана, а также участвующие в вооруженных конфликтах в Афганистане, Ираке и Сирии являются приверженцами именно этого течения. По официальным данным в рядах ИГИЛ в Сирии и Ираке в 2016 году воевало около 200 (Совет безопасности РК [248, с. 184]), в 2018 около 120 (КНБ РК [249]), а в 2019 около 100 (КНБ РК [250]) казахстанцев, при этом речь идет лишь о тех, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях. По тем же данным в этих регионах находились от 250 до 500 женщин и детей.

На самом деле, в Казахстане, в течение достаточно длительного времени, религиозный радикализм проявлялся лишь в распространении листовок и экстремистской религиозной литературы, деятельности незарегистрированных в органах власти религиозных объединений, активной миссионерской деятельности и вербовке местной молодежи на обучение в вузах мусульманских государств [251]. Такое поведение вызывало лишь некоторую

тревогу и сыграло злую шутку, создав иллюзию контроля ситуации. Уже в 2011 году религиозный экстремизм неожиданно стал проявлять себя в самой крайней форме. Таким образом, произошедшие в те годы террористические акты, стали серьезным уроком для государства.

По некоторым данным проникновение и распространение радикальных течений осуществлялось при мощной финансовой поддержке со стороны фондов и физических лиц из стран Персидского залива [252, с. 117]. Из опыта Северного Кавказа и стран Центральной Азии проникновение и продвижение радикальных исламских течений можно разделить на три основных этапа. На первом, зарубежные проповедники и ученые обучают местную молодежь особой трактовке и толкованию основных догм. Благодаря этому им удается создать сеть официальных либо подпольных учебных заведений, а также издательскую сеть и передать это местным последователям. На втором этапе последователи ведут долгую, но бурную пропаганду своих идей в относительно спокойном обществе. На третьем этапе, когда количество единомышленников существенно возрастает, эти группы начинают говорить о необходимости активных действий против несовершенной, по их мнению, системы и власти.

Еще одной из причин радикализации части казахстанских мусульман является долгое отсутствие авторитетных богословов не только в официальном духовенстве, но и альтернативных научных кругах. В таких условиях на умы «практикующей» молодежи легко начали влиять различные заграничные шейхи или «квартирные устазы». Особая, недоступная массам речь и «тинейджерский протест» общественным традициям, придает им чувство привилегии и избранности. И всякое внимание со стороны социума, власти и близких людей на такое поведение «неофитов» усиливает в них эту психологическую эгоцентричную позицию.

Для выполнения своей первостепенной задачи (безопасность страны и ее граждан) по защите собственных интересов государство вынуждено вырабатывать меры по противодействию экстремизму и терроризму.

В целях усиления мер по упреждению угроз терроризма в 2011 году принят новый закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», а в 2016 году создается отдельное Министерство по делам религий и гражданского общества РК. На государственном уровне осознается необходимость развития и распространения научных знаний о конфессиях, впервые вузам выделяется госзаказ на подготовку религиоведов, а в учебные программы средних школ вводится курс «Основы религиоведения».

Позже, 20 июня 2017 года Указом Президента РК утверждена «Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы». Приоритетами Концепции стали совершенствование взаимодействия государства с религиозными объединениями, укрепление светских принципов, развитие эффективной системы противодействия религиозному экстремизму и нейтрализация деятельности деструктивных религиозных течений.

Рассматривая возможности внедрения опыта европейских стран по противодействию экстремизму и терроризму в Казахстане, в первую очередь,

обращается внимание на некоторые различия в законодательстве государств. Как выше указывалось, в Великобритании нет юридически закрепленного понятия «экстремизм». Термин используется лишь в практическом плане. Имеет место понятие «насильственный экстремизм», отраженный на официальном сайте Королевской прокурорской службы и перечисляющие его признаки.

В Казахстане не стали вводить закрытый перечень деяний, подпадающих под религиозный экстремизм, установив четкое определение экстремизма. Согласно статьи 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», под таковым понимается «разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [253].

Как выше указывалось, для обозначения преступлений, определяемых в качестве преступлений экстремистской направленности, в Великобритании используется понятие «hate crimes», смысл которого заключается в обозначении преступлений, где враждебность и предубеждение преступника в отношении группы лиц является фактором, по которому определяется выбор жертвы. Тем самым, мотивом такого преступления является общая враждебность по отношению к лицу или группе лиц, определенных по национальному, религиозному или иному признаку. Расплывчатость формулировок экстремизма зачастую способствует нарушению прав и свобод человека.

Помимо регулирования религиозной деятельности и государственно-конфессиональных отношений для Казахстана, как и для многих стран мира, становятся актуальными вопросы организации противодействия религиозному экстремизму и терроризму. Основными направлениями таких мер на международном уровне могли бы стать создание общей международной правовой основы, формирование международных центров и оздоровление социальной и экономической ситуации в странах-источниках вооруженных конфликтов [254, с 44-47].

При этом общая правовая основа должна рассматриваться в качестве базового условия для принятия согласованных решений и реализации мероприятий по противодействию. Международные центры должны оказывать всемерную помощь всем государствам в вопросах противодействия экстремизму и терроризму, а при необходимости иметь возможность привлечения международных вооруженных сил.

Как и в европейских странах, во многих странах мира вырабатываются определенные подходы, которые предусматривают такие меры, как: углубление сотрудничества между правоохранительными органами; определение места и роли вооруженных сил в противодействии экстремизму; совершенствование мер профилактики и правового обеспечения мер противодействия религиозному экстремизму; повышение религиозной грамотности населения.

Так, в июне 1999 года страны СНГ в целях углубления сотрудничества и улучшения взаимодействия заключили договор о сотрудничестве в борьбе с

терроризмом, а в июне 2000 года о создании единого Антитеррористического центра с утверждением программы по борьбе с экстремизмом и терроризмом [255]. АТЦ выступает «постоянно действующим специализированным органом, предназначенным для обеспечения координации и взаимодействия компетентных органов государств Содружества в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма». Основная задача – аналитическая работа: накопление, обобщение, анализ информации о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма, и иных проявлениях экстремизма, предоставление практических рекомендаций государствам СНГ. Центр формирует банк данных о международных террористических организациях в странах СНГ, их лидерах, лицах или структурах, оказывающих им поддержку. В рамках вышеуказанных соглашений проводятся совместные антитеррористические, оперативно-розыскные и иные мероприятия [256].

В целом, меры по противодействию религиозному радикализму и экстремизму можно классифицировать по уровням и видам, разделяя меры профилактики, силовых действий (репрессии) и социальной-реабилитационной работы (вмешательство) на макро, мезо и микроуровнях (таблица 5).

Таблица 5 – Уровни и инструменты противодействия

Инструменты	Макроуровень	Мезоуровень	Микроуровень
Профилактика	Общество, образование, исследования, социальная работа	Общественное мнение и порицание, отдельные программы	Семинары с привлечением теологов и бывших экстремистов
Репрессия	Национальное законодательство, религиозные запреты	Правоохранительные органы	Ограничение свободы
Вмешательство	Контрнарративные проекты	Семья, консультирование	Программа дерадикализации
Примечание – Составлена по источнику [35, с. 115]			

На макросоциальном уровне превентивными инструментами обычно являются общенациональная система образования (в отношении прав человека, внедрения гражданских стандартов в общество, подчинения закону и властям и т.д.), а также гражданское общество в целом. Мезосоциальные превентивные инструменты также могут быть описаны как стратегии и отдельные программы, направленные на «сплочение общества». Предполагается, что сильные и позитивные общества более устойчивы к попыткам вербовки со стороны радикальных религиозных течений. На микросоциальном уровне любые инструменты, способствующие укреплению гражданской ответственности и индивидуального восприятия. Необходимо сказать, что профилактика может быть дифференцирована на общую или направленную на конкретную экстремистскую угрозу или идеологию. При этом профилактика может быть направлена и на предотвращение рецидива или повторной радикализации и

рассматриваться как потенциальный компонент постдерадикализационной работы.

Репрессивные инструменты на макроуровне относятся к действующему законодательству и сфере ответственности государственных органов, на мезо и микроуровнях к функциям правоохранительных органов, судебной системы и правовой инфраструктуры.

На макросоциальном уровне инструментами вмешательства являются, например, общенациональные или международные контрнарративные проекты, которые также направлены на предотвращение вовлечения в экстремизм и в идеале зарождают обоснованные сомнения и пересмотр у лиц, находящихся на ранних стадиях радикализации. Инструменты вмешательства на мезоуровне нацелены на семью или социальную среду радикализующихся или радикализованных людей, чтобы остановить или замедлить их приверженность экстремизму, а также (в идеале) побудить индивидуальную дерадикализацию. Другой формой программ и инструментов мезо социального вмешательства являются программы и инструменты, направленные на дерадикализацию целых экстремистских террористических групп и, в этом смысле, переходят в инструменты макросоциального вмешательства, работающих с большим охватом и направленных на то, чтобы помочь людям оставить позади радикальную среду и/или идеологию.

Все эти конкретные инструменты на каждом уровне воздействия дополняют друг друга и предоставляют очень ценные ресурсы, а также практическую поддержку, чтобы быть более эффективными. Одним из примеров могут быть бывшие террористы (результаты микросоциального вмешательства), которые проводят образовательные беседы в школах или в средствах массовой информации, выступая против экстремизма и насилия (целенаправленная профилактика на всех уровнях). Другим примером может быть работа по дерадикализации, проводимая в пенитенциарных учреждениях (микросоциальное вмешательство). Сотрудники правоохранительных органов и тюрем могут извлечь выгоду из специализированного обучения, проводимого экспертами по профилактике, таких как теологи, социальные работники или специалисты по психическому здоровью. В ходе такой работы можно получать знания о формах экстремистских идеологий, групповых структурах, мотивах привлечения, вербовочных кампаниях и делиться ими со всеми другими участниками, чтобы повысить эффективность.

Также, как в Германии и Великобритании, в Казахстане принимаются меры по пресечению распространения противоправной информации в сети Интернет путем принятия Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информационно-коммуникативных сетей» [257].

Кроме того, в законодательство о религиозной деятельности и религиозных объединениях вводится норма об обязательной религиозно-ведческой экспертизе в отношении ввозимой в республику литературы.

В апреле 2013 года принимается Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия терроризму» [258].

Данный законодательный акт направлен на корректировку существенной части законодательства республики на соответствие с международными нормами, устанавливая основные принципы и модель системы противодействия терроризму в Казахстане.

В целях организации комплексного подхода в сентябре 2013 года утверждается «Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы», а с учетом тенденций роста количества преступлений экстремистской направленности во всем мире, принята новая Программа на 2018-2022 годы. Опыт предыдущей программы позволил определить две основные задачи – это предупреждение проявлений религиозного экстремизма и предотвращение терроризма. Также другими изменениями вводится запрет на въезд в Казахстан лицам, причастным к экстремистской или террористической деятельности [259].

Одним из важных направлений являлось привлечение неправительственных организаций (НПО) к профилактике религиозного экстремизма и терроризма, для чего в 2005 году была создана соответствующая правовая база [260] [261, с. 1-26].

В настоящее время в Казахстане осуществляют свою деятельность более двух десятков НПО, которые привлекаются для организации лекций, семинаров, конференций, круглых столов, по рассматриваемой теме, оказания консультативной и иной помощи жертвам религиозного экстремизма, а также социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Кроме того, неправительственные структуры, как и в Великобритании, проводят необходимую религиозоведческую экспертизу и информационно-разъяснительную работу с населением [262, с. 257-270].

Необходимость привлечения специалистов из НПО обусловлена тонкой спецификой, связанной прежде всего с религиозными убеждениями. Наиболее трудоемким мероприятием является деятельность по реабилитации лиц, осужденных за преступления экстремистского и террористического характера [263, с. 190-197].

Для этого необходимо привлечение узких специалистов по теологии и психологов, однако возможности государственных учреждений в этом отношении ограничены. Именно поэтому часть функций, находящихся в государственной компетенции, берут на себя НПО. Так, широкую деятельность осуществляет Общественный фонд «Информационно-пропагандистский и реабилитационный центр «Акниет», созданный в 2014 году. Миссия организации – внести позитивный вклад в жизнь казахстанцев с помощью идейного противодействия влиянию религиозного радикализма и реабилитации адептов.

В целом государственные структуры положительно оценивают деятельность НПО в сфере противодействия религиозному экстремизму. Так,

благоприятные отзывы со стороны государственных органов касаются работы НПО «Ассоциация центров исследования религий» [264].

Однако, есть проблемы с привлечением НПО к работе по профилактике религиозного экстремизма. Так, Генеральной прокуратурой Казахстана была предоставлена информация, согласно которой из 160 выпущенных НПО роликов по профилактике религиозного экстремизма лишь 10 можно признать выполненными качественно, что негативно отражается на эффективности работы по профилактике религиозного экстремизма [265].

До сих пор специалистами по религиозным проблемам не выработано единой методики определения степени радикализации лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления. Это объясняется сложностями в специфике идеологии различных религиозных течений [266]. К этому также следует добавить субъективные стороны и индивидуальные аспекты того или иного экстремиста. По нашему мнению, компетентно решать вопросы дерадикализации таких лиц можно посредством выработки комплексных программ, включающих меры психологической реабилитации и социализации осужденных. Программа должна применяться индивидуально и не ограничиваться определенными временными рамками. В таких случаях бывший экстремист сам может стать профессиональным наставником, способным дерадикализировать других молодых экстремистов.

Согласно представленной ниже таблицы 6 различных программ дерадикализации, можно обеспечить их четкую классификацию и сравнение друг с другом. Это необходимо для понимания сильных и слабых сторон каждой из них.

Таблица 6 – Анализ характеристик программ дерадикализации

Тип	Характеристики	Сильные стороны	Недостатки	Целевая группа
1	2	3	4	5
А	Негосударственная, пассивная, в том числе идеологическая	Может работать в любых условиях (<i>в тюрьме и за ее пределами</i>) – надежная альтернатива правительственным программам, высоко инновационная	Поздний контакт с целевой аудиторией, отсутствие согласованных стандартов, низкая эффективность, непонятная система отбора целевой аудитории	Лица любого уровня радикализации
Б	Негосударственная, пассивная, без идеологии	Очень низкий барьер для контакта с целевой аудиторией, высокий уровень принятия со стороны целевой аудитории	Риск помощи радикалам в проникновении в общество или повторной радикализации	Лица с радикализацией низкого и среднего уровня

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5
В	Негосударственная, активная, с идеологией или без нее	Потенциально более надежны, чем активные правительственные подходы	Правовые проблемы, собственная идеология или «миссия», риск быть воспринятым как угроза	Лица с радикализацией низкого уровня
Г	Правительственная, активная, с идеологией	Хороший доступ к целевой группе, возможность сопровождать весь процесс дерадикализации, направлять и планировать процесс консультирования, значительные ресурсы, доступ к государственной инфраструктуре и поддержке	Моральные проблемы, риск преувеличения роли идеологии/теологии, риск сосредоточения внимания на одобренных государством идеологиях, риск использования целевой аудитории в качестве источника информации	Потенциально лица любого уровня радикализации, наилучшее воздействие на лиц с радикализацией низкого и среднего уровня
Д	Правительственная, активная, без идеологии	Хороший доступ к целевой группе, возможность сопровождать весь процесс дерадикализации, возможность направлять и планировать процесс консультирования, значительные ресурсы, доступ к государственной инфраструктуре и поддержке	Риск помощи радикалам в проникновении в общество, риск повторной радикализации, неэффективен с высоко радикализованными лицами, риск использования целевой аудитории в качестве источника информации	Лица любого уровня радикализации
Е	Правительственная, пассивная, с идеологией или без нее	Хороший доступ к целевой группе, возможность сопровождать весь процесс дерадикализации, возможность направлять и планировать процесс консультирования, значительные ресурсы, доступ к государственной инфраструктуре и поддержке	Несвоевременный контракт с целевой аудиторией, риск использования целевой аудитории в качестве источника информации	Лица любого уровня радикализации

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5
Ж	Государственно-частное партнерство, пассивная, с идеологией или без нее	Сочетание сильных сторон правительственных и неправительственных подходов, множественные механизмы приема, низкие барьеры для охвата, динамичное и гибкое ведение дел	Неясные обязанности, отсутствие стандартов и процедур, самостоятельный выбор целевой аудитории, необходимость в значительных ресурсах для координации и руководства, риск того, что один партнер будет доминировать над другим, риск того, что партнеры из неправительственных организаций будут рассматривать дела, связанные с безопасностью	Лица любого уровня радикализации, наиболее эффективен для лиц с радикализацией низкого и среднего уровня и при раннем вмешательстве
Примечание – Составлена по источнику [35, с. 135-137]				

Необходимо понимать, что в зависимости от степени радикализации целевая группа таких программ может различаться, следовательно, разнообразным будет и их содержание. При этом, общественные и политические ожидания относительно их результатов и потенциальных успехов должны быть согласованы с реалистичным пониманием того, чего эти программы могут достичь, а чего нет.

В общем, важно понимать, что в дерадикализации нет подхода «один размер подходит всем». Как правило, страны, которые полагались только на одну, в основном весьма специфическую программу, в последующем будут вынуждены либо расширять ее содержание, чтобы охватить дополнительные аспекты, либо привлекать в качестве экспертов новые действующие лица.

Несмотря на трудности управления качеством, отсутствие стандартов и нехватку узких специалистов, наиболее эффективными становятся программы дерадикализации со смешанным участием государственных, неправительственных и партнерских организаций. При этом, нужно учитывать, что дальнейшее отсутствие стандартов и достаточного количества профессиональных кадров может накапливать негативный и даже конфликтный потенциал. Можно ожидать, что случаи нарушения этических норм и неправильного обращения с целевой аудиторией (например, неточная оценка рисков, случаи рецидивов высокого уровня) подвергнут неправительственные программы серьезной критике со стороны общественности и политиков.

Как и в странах Европы, одним из источников распространения идеологии религиозного экстремизма в Казахстане являются пенитенциарные учреждения. Осужденными за экстремизм и терроризм применяются те же методы вербовки, что и в обычной жизни, однако эффективность идеологического воздействия в условиях ограниченной свободы, в особенности на молодых осужденных существенно выше. По мнению экспертов, один такой осужденный, в зависимости от активности, может за сравнительно короткий срок обратить в свои сторонники от четырех до шести и более человек [267, с. 51-53].

Из истории революционных движений известно, что русские социалисты-революционеры, находясь в местах лишения свободы оказывали некоторое идейное влияние на криминальный мир того времени [268, с. 44-55]. Равным образом в современном криминальном мире религиозные экстремисты оказываются рядом с осужденными за обычные уголовные преступления, становясь авторитетными фигурами, принимая на себя имидж пострадавших за религиозные идеи. Помимо этого, общим для криминального и экстремистского мировоззрения является непримиримость к официальным государственным структурам.

Так, в Великобритании за счет такого влияния религиозных экстремистов на других заключенных, за последние два десятилетия резко возросло количество лиц, принявших ислам и большая часть из них стали приверженцами радикальной экстремистской идеологии [269, с. 171]. Согласно представленным в Палате общин отчетным сведениям, численность мусульман в пенитенциарных заведениях увеличилась на 200% [270].

В Казахстане также предпринимаются определенные меры по противодействию религиозному экстремизму в пенитенциарных учреждениях, поскольку указанная категория заключенных, помимо насаждения радикальной идеологии может намеренно спровоцировать и межэтнические конфликты.

По опыту европейских стран Казахстаном рассматривается возможность изолирования заключенных в отдельных блоках или учреждениях. При этом, создание отдельных специализированных учреждений вызовет необходимость значительных дополнительных финансовых затрат, и создаст условия для сосредоточения контингента активных религиозных экстремистов на одной территории, что также вызывает определенные опасения.

Поиск эффективных мер подсказывает два направления дерадикализации. Одним из этих направлений являются комплексные программы, предполагающие изменение идеологии и поведения отдельных экстремистов, следствием которых становится разрушение структуры террористической группы. Такие программы сложны, но эффективны с точки зрения долгосрочного успеха. Помимо этого, существуют программы индивидуальной работы с людьми, выражающейся, на первом этапе, в целенаправленной фильтрации, а на втором в применении системы стимулирования и прагматизма. Так, в некоторых европейских странах, на первом этапе осужденные содержатся в одиночных камерах. В этот период изучается поведение осужденного и осуществляется его классификация (исправимый,

неисправимый, сомнительный). Затем к каждому осужденному применяются ступенчатые стимулирующие меры, предусматривающие увеличение числа льгот по мере положительных изменений, вплоть до полусвободного режима с возможностью работать за пределами тюрьмы и посещением родственников, также условного досрочного освобождения за хорошее поведение. Эффективность таких программ просчитать достаточно сложно, к тому же они могут иметь краткосрочную перспективу, так как изменение поведения определяется возможностью получения определенных выгод.

Программы по дерадикализации осужденных радикалов и террористов должны включать три составляющие: идеологическую, просветительскую и профилактическую. При этом, первые две направлены непосредственно на осужденного, а третья на членов его семьи.

Важным методом становится изоляция осужденных радикалов от других групп заключенных. Так, в Узбекистане существуют отдельные тюрьмы для такой категории преступников, и численность осужденных, вовлеченных в радикальные течения, там сократилась. Спецтюрьмы для осужденных террористов существуют во многих странах мира, но режим и условия содержания в них различаются: от весьма жестких в израильской Хадарим до «санаторных» в саудовской тюрьме в Эр-Рияде для членов «Аль-Каиды» или норвежской Шиен.

Для борьбы с радикальными группировками в местах лишения свободы недостаточно лишь силовых методов, требуются комплексные меры по ресоциализации лиц, которые по той или иной причине оказались подвержены влиянию радикальной религиозной идеологии. В целом, анализ отечественного и зарубежного опыта дерадикализации заключенных показывает необходимость работы на двух уровнях: личностном и групповом, с использованием трех компонентов: религиозно-просветительского, психологического и последующей помощи в социальной адаптации заключенного после отбытия срока. Требуется постоянная многоуровневая профилактическая работа с социальным окружением заключенного, которое станет для него основой «новой жизни».

Также, для осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности предлагается разработать базовые обязательные программы психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество.

Помимо работы по дерадикализации приверженцев экстремистской идеологии и социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, реабилитационным центром «Акниет» осуществляется работа по реабилитации лиц, осужденных за преступления экстремистского и террористического характера, охватывающая около полутора тысяч верующих. В дополнение к этому, личному составу исправительных учреждений, задействованных в воспитательной работе, целесообразно было бы пройти

соответствующую образовательную подготовку, чтобы иметь необходимую компетенцию в религиозных вопросах.

Признается ведущая роль духовенства в борьбе с религиозной экстремистской идеологией, для чего в пенитенциарных учреждениях должны быть созданы соответствующие условия, при этом необходимо учитывать, что среди осужденных исламистов авторитет «официальных» имамов достаточно низок и отношение к ним может быть негативное.

Руководствуясь примером массового внедрения информационно-коммуникативных технологий в странах Европы, представляется необходимым провести мероприятия по обучению лидеров мусульманских общин в Казахстане в овладении интернет-технологиями, в результате чего каждое мусульманское объединение, придерживающееся традиционного ислама, будет иметь в социальных сетях свои аккаунты, направленные на противодействие информационному воздействию со стороны религиозных экстремистов [271, с. 26-33].

Таким образом, противодействие религиозному экстремизму может осуществляться реализацией следующих мер:

- совершенствование комплексных программ и планов по противодействию экстремистской идеологии и пропаганде;
- проведение мероприятий по обмену опытом сотрудниками правоохранительных органов и исправительных учреждений в сфере профилактики экстремистских проявлений;
- осуществление воздействия на авторитетных членов религиозных группировок, признавших ошибочность своего радикального мировоззрения;
- организация курсов повышения квалификации для специалистов в области исламоведения и психологии, проведение ими диагностики осужденных по экстремистским статьям;
- внедрение «прогрессивной системы отбытия наказания» в практику содержания осужденных за экстремизм, когда условия содержания осужденных улучшаются/ухудшаются в зависимости от поведения, отношения к отбываемому наказанию и дерадикализации;
- использование зарубежного опыта по внедрению переходных исправительных учреждений, как стадии к ресоциализации исправившегося экстремиста, наряду с последующим контролем со стороны правоохранительных органов [272, с. 7-12].

Анализ зарубежного опыта показывает необходимость профилактической работы как на личностном, применительно к определенному индивиду, так и групповом уровнях. В этих целях наиболее целесообразной мерой является использование трех взаимосвязанных элементов по противодействию проявлениям экстремизма: религиозно-просветительский психологический и адаптационный.

Необходима разработка базовых программ по психологической коррекции индивида с формированием положительной социальной направленности в целях благополучной интеграции в общество.

Среди вопросов, вызывающих значительные споры в системе общего среднего образования остается преподавание предмета «Светскость и основы религиоведения» для учащихся школ Казахстана. Многие эксперты подчеркивали его крайнюю необходимость, а введение значительно запоздавшим. Однако наиболее сложным вопросом все-таки является качество преподавания этого предмета. В настоящее время в Казахстане функционируют около 7,5 тысяч общеобразовательных школ, для каждой из которых необходим как минимум один специалист по религиоведению. Однако, большинство учителей-религиоведов – это по совместительству учителя истории, психологии, географии и других предметов, получивших квалификацию на краткосрочных курсах переподготовки. Кроме того, существующие учебные пособия критически оцениваются не только этими учителями, но и представителями экспертного сообщества. По мнению некоторых из них, учебники написаны в академическом стиле и сложны для восприятия учениками.

При этом альтернатива приглашения священнослужителей различных конфессий для ознакомительных встреч или чтения лекций, практикующаяся в Германии и Великобритании, вызывает резкое отторжение со стороны учителей и руководства школ, которые указывают на сугубую светскость этого предмета и законодательное отделение образования от религии. С учетом того, что отметки по предмету «Религиоведение» не выставляются, вопросов в ЕНТ по данному курсу также нет, уровень усвоения учебного материала невысокий.

Для практического изучения вопроса автором был проведен анкетный опрос, в котором приняли участие 243 респондента (учащиеся 9-11 классов, а также студенты колледжей и вузов Казахстана).

Результаты опроса показывают, что большинство респондентов (более 86%), так или иначе, поддерживают необходимость этого предмета. Ожидается более 91% опрошенных ответили, что предмет вел учитель истории или психологии (65,5% истории и 25,6% психологии), при этом лишь чуть более 50% заявили о достаточном уровне преподавания, а 32,5% учащихся, что учитель рекомендовал искать необходимую информацию в интернете.

Наиболее неожиданными стали результаты ответов на вопрос о форме преподавания предмета. Так, почти 50% респондентов пожелали, чтобы предмет был факультативным с возможностью выбора одной конфессии, около 28% чтобы обязательно изучались все религии и менее 19% выбрали оба варианта.

Проведенный опрос показывает, что интерес к предмету «Религиоведение» все же есть и государству необходимо лишь найти оптимальные подходы к разработке соответствующих программ обучения с привлечением узких специалистов. Учащиеся 11 класса одной школы в ходе дискуссии высказали свое мнение о том, что данному предмету не уделяют должного внимания, хотя воспитание толерантного отношения к представителям другого вероисповедания намного полезнее чем изучение предмета «Самопознание» с 1 по 11 классы с повторяющимися из года в год заданиями (Приложение Б).

Во время опроса учащихся также был проведен анонимный опрос учителей, преподающих религиоведение в школах города Нур-Султан. Самым неожиданным для диссертанта оказалось то, что преподавание предмета на такую тонкую тему как религия могут возложить на учителя географии и даже начальной военной подготовки или физической культуры. Учителя отмечают, что учебник «Основы светскости и религиоведения» не отвечает на все вопросы и преподавание этого предмета порой дается сложным даже для учителей истории. Учителя также считают этот предмет востребованным, однако его должны преподавать специалисты в этой области, в настоящее же время факультативный предмет «религиоведение» обязывают преподавать учителей с низкой почасовой нагрузкой.

Следует отметить, что в Германии, обязательность этого предмета закреплена конституционно, при этом ни один учитель не может быть обязан против своей воли преподавать религию. Преподается также (для неверующих семей) внеконфессиональный предмет – основы духовности), но предоставлено право отказаться от этого конфессионального обучения с заменой на этику или философию.

Если в 90-е годы мы наблюдали дефицит отечественных специалистов в области религии и наши соотечественники уезжали за образованием в другие страны, то сегодня у нас выросло собственное поколение квалифицированных специалистов. Казахстанские теологи и религиоведы уже сейчас могут проводить разъяснительные мероприятия среди населения, обучать своих соотечественников основам религий, не противоречащим нашей культуре, истории и традициям, а также вести реабилитационную работу с пострадавшими от деятельности деструктивных религиозных течений.

Ярким примером этому стала проведенная в 2019 году спецоперация «Жусан», в ходе которой из Сирии эвакуировано 595 граждан Казахстана. В числе эвакуированных казахстанцев было 33 мужчин, 156 женщин и 406 детей, из которых 33 сироты. К операции помимо сотрудников Комитета национальной безопасности и Министерства иностранных дел были привлечены квалифицированные специалисты из числа теологов, психологов, религиоведов и имамов. В результате комплексной работы с пострадавшими, которая включала оказание помощи не только религиозного, но и социального, психологического, медицинского и экономического характера, подавляющая часть прибывших людей отказалась от радикальной идеологии, часть из них перешла к светскому образу жизни либо традиционному исламу. В феврале 2021 года в рамках этой же операции возвращены на родину еще 12 граждан (4 мужчин, 1 женщина и 7 детей, из которых 2 сирот).

Сегодня в Казахстане созданы все условия для получения качественного духовного образования. В частности, в стране работают один университет и девять исламских медресе-колледжей, православная и католическая духовные семинарии. Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» в Алматы был открыт в 2000 году по инициативе Елбасы Н. Назарбаева. Университет ведет подготовку высококвалифицированных специалистов: религиоведов, теологов, исламоведов и других специальностей, отвечающих

требованиям времени. Кроме того, как компонент светского образования еще в шести вузах страны ведется подготовка специалистов с религиоведческим образованием. В общем, в этих вузах, по государственному заказу обучаются более 1 200 будущих религиоведов и исламоведов. Ежегодно в Казахстане по теологическим специальностям выпускаются более 500 человек, по религиоведческим – более 200 специалистов. Таким образом, в настоящее время казахстанская молодежь, решившая посвятить себя изучению религиоведения и теологических дисциплин, имеет все возможности получить профессиональные знания у себя на родине [273].

В ходе исследования нами был проведен опрос нескольких выпускников ЕНУ им. Л. Гумилева, получивших квалификацию «религиовед». По результатам установлено, что никто из опрошенных не устроился на работу по специальности. В школах им отказывают, так как эта квалификация не педагогическая и советуют отучиться заочно по специальности «учитель истории».

По мнению автора, рост количества теологов и религиоведов позволяет обеспечить школы квалифицированными специалистами и усилить меры по увеличению религиоведческой грамотности населения. Казахстан в этом смысле имеет достаточный потенциал. Необходимо решить вопрос возможности трудоустройства в школы молодых специалистов религиоведов.

Как известно, Казахстан одним из первых среди субъектов международного права взял на себя ответственность и на практике начал серьезно и ответственно заниматься продвижением глобального диалога между лидерами мировых и традиционных религий. Как отмечает директор Департамента по продвижению межконфессионального и межкультурного диалога Центра Н. Назарбаева по развитию межконфессионального и межкультурного диалога К. Калилаханова, в этот сложный период Казахстан сформулировал три основных константы своей внутренней политики – мир, согласие и консолидация.

Глобальной инновацией отца-основателя современной казахстанской государственности Первого Президента – Елбасы Н. Назарбаева является уникальный формат Съезда лидеров мировых и традиционных религий, признанный всем цивилизованным миром как уникальная площадка диалога и сотрудничества.

23-24 сентября 2003 года в г. Астана состоялся первый Съезд лидеров мировых и традиционных религий, впервые за всю современную историю человечества собравший за одним столом 17 делегаций из стран Европы, Азии, Ближнего Востока и Америки, представляющих христианство и ислам, иудаизм и буддизм, индуизм, даосизм и синтоизм. Причем среди участников были даже те главы религиозных общин, которые в силу многолетних противоречий раньше отвергали саму возможность диалога с другими конфессиями.

Как отметил Президент Казахстана К. Токаев: «Было бы большим заблуждением считать Съезд праздным собранием, этакой картинкой для СМИ. Понадобились серьезные дипломатические усилия, чтобы убедить религиозных лидеров собраться за одним столом в Астане. Решающую роль здесь сыграл

международный авторитет нашего первого Президента, искреннего поборника мира, безопасности, разоружения и согласия.

Первый Съезд проходил в непростой обстановке, во время отдельных встреч с Главой нашего государства религиозные лидеры высказывали претензии друг к другу, что наглядно свидетельствовало об отсутствии общего взгляда на острейшие проблемы современности. Подобные противоречия подпитывались политическими проблемами между государствами. Президенту Н. Назарбаеву пришлось приложить немало усилий, чтобы привести их к общему знаменателю, совместная декларация все же была принята, что положило начало последующему диалогу между религиями.

Со временем среди участников появилось понимание важности продолжения межрелигиозного диалога вне контекста политических противоречий между государствами. Отраженная в документах съездов и выступлениях участников высокая культура дискуссии подразумевает взаимное уважение глав конфессий».

Суть межрелигиозного диалога Н. Назарбаев четко сформулировал на I Съезде: «Нам не надо, да и нельзя ставить какие-то конечные цели. Нельзя создать единое религиозное пространство. Нельзя преодолеть до конца имеющиеся различия, тем более, что порой они затрагивают основы великих религий. Однако ценность постоянного диалога состоит в том, что, несмотря на существующие разногласия, сохраняется сам смысл и процесс поиска некоей золотой середины. И главное – диалог создает территорию мира и согласия, время гармонии и ясности».

О мировом признании успехов и доверия к новым инициативам Казахстана свидетельствует и то, что свои приветствия в адрес Съезда направили главы США, России, Франции, Италии, Саудовской Аравии, Египта, Польши, Германии, руководители международных организаций.

Как отметил Н. Назарбаев, «...по казахской земле прошли все мировые религии, поэтому нам чужды нетерпимость или религиозный фанатизм. Эта духовная традиция, эта открытость Божьему слову в любом обрамлении – одна из важнейших основ межконфессионального согласия в Казахстане. Мы известны миру своей толерантностью, межэтническим, межконфессиональным согласием и диалогом».

Состоявшиеся за 2003-2018 годы созывы шести Съездов наглядно продемонстрировали, что духовные деятели не могут только ограничиваться богослужением и проповедями, а в силу своего авторитета в состоянии активно участвовать в решении сложнейших проблем человечества.

В сегодняшнем стремительно и быстро меняющемся мире на фоне пандемии коронавируса COVID-19, характеризующимся резким ослаблением режима глобальной безопасности, международной системы сдержек и противовесов, утраты атмосферы доверия между ведущими государствами, усиления санкционного прессинга в мировой экономике, роста числа военных и внутренних конфликтов, угрозы экстремизма и международного терроризма, нивелирования духовно-нравственных ценностей формируется недоверие, в

том числе на гуманитарных отношениях между странами, народами, религиями и конфессиями.

Опасность дальнейшего развития событий в этом русле глубоко осознается участниками Съезда лидеров мировых и традиционных религий, которые устремлены на налаживание широкого диалога по выработке новой парадигмы международной безопасности и развития. В ее основе должны быть принципы равноправия, взаимного уважения, признания интересов друг друга, сотрудничества, толерантности и взаимопонимания.

Немалое значение имеют принимаемые участниками Съезда лидеров мировых и традиционных религий итоговых документов межрелигиозного саммита – обращений, деклараций и заявлений, призывающих представителей всех религий и этнических групп к мирному диалогу, к конструктивному сотрудничеству между религиями, к недопущению конфликтов на основе культурных и религиозных различий.

Таким образом, Съезд лидеров мировых и традиционных религий сегодня по-прежнему востребован на международном уровне как уникальный мост между Востоком и Западом, точкой продолжения важного межрелигиозного диалога о судьбах мира и роли религий в его сохранении и улучшении на фоне распространения конфликтов с явным религиозным подтекстом, проявлениями неонацизма и ксенофобии, борьбы с экстремизмом и международным терроризмом.

История, в настоящее время, поставила сложную задачу перед предстоящим VII Съездом лидеров мировых и традиционных религий: одновременно и добиться продолжения межрелигиозного диалога, и найти пути к мирному сплочению сообществ и государств, объединенных общими интересами [274].

Единство мировых и традиционных религий современного мира по столь серьезным и актуальным вопросам эпохи, дает основания полагать, что многие вопросы могут и должны решаться путем разумных компромиссов. Развитие именно таких подходов позволит выстроить глобальную международную систему противодействия религиозному экстремизму.

По мнению исследователя, решение вопроса имплементации европейского опыта противодействия религиозному экстремизму в Казахстане заключается в отличии от исторически сложившихся условий, при которых ислам стал преобладающей конфессией. При этом государственные органы Казахстана, также, как и европейских стран, заинтересованы в стабильности и поступательном развитии, условием которого является общественное спокойствие. Не все проекты по противодействию религиозному экстремизму стран Европы подлежат применению в Казахстане по причине различия социальных, общественных, экономических и других условий, в которых они находятся.

При реализации программ по противодействию религиозному экстремизму, как и в других странах, упор следует делать на информационно-пропагандистское воздействие. Однако содержательная его сторона должна быть несколько иной чем в Германии и Великобритании или других

европейских государствах. Мусульманская диаспора в европейских странах хоть и заняла определенное место в общественной жизни, тем не менее, остается для них сообществом с совершенно иной культурой и иными социально-психологическими ценностями. Результаты совмещения двух культур сегодня оставляют желать лучшего и следует признать, что программа адаптации мусульманского населения в европейское общество несовершенна.

В отличие от европейских государств, в Казахстане такая проблема не просматривается. Это значительно облегчает процесс информационного воздействия на лиц, склонных к экстремистской деятельности, учитывая наличие единого государственного языка, что также облегчает работу по контролю со стороны правоохранительных органов в отличие от, к примеру, Великобритании, где, как выше было указано, содержание молебнов в мечетях находится фактически вне контроля со стороны государства.

Приведенное положение отличается еще и тем, что объектом идеологического воздействия в Казахстане становятся не прибывшие из других стран мигранты, а лица, являющиеся коренным населением, проживающим в Казахстане многими поколениями, местная культура не является для них чуждой и непонятной. В последнем случае в силу ментального недоверия различных культур возникают элементы определенной обособленности, при котором мусульмане, например, в Германии, вряд ли будут объектом большего доверия, чем коренное немецкое население.

Мы полагаем, что противодействие религиозному экстремизму в Казахстане при наличии жесткой политической воли может быть гораздо менее затратным, как в финансово-организационном плане, так и психологическом.

Устой государства держатся на его политической системе, в состав которой входят два фундаментальных образования – государство, как система органов законодательной, исполнительной, судебной властей с соответствующими организациями, учреждениями, предприятиями и гражданское общество в лице всех остальных институтов. Обе эти структуры не только имеют единые интересы и единую цель в виде стабильности и развития, но и достаточно сплочены в вопросах противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

Выводы по третьему разделу

1. Действия религиозных экстремистов в странах Европы диктуют необходимость разработки новой стратегии противодействия угрозам, получившим наименование асимметричных. Основными методами этой стратегии должны стать методы психологической и информационной борьбы за влияние на мусульман, проживающих в этих странах, а основным их принципом должны быть не силовые действия, а подрыв идеологической базы религиозных экстремистов. Тем не менее, сохраняются проблемы, когда материальные средства и финансирование выделяются в большей степени на конкретные антитеррористические операции, имеющими очевидный результат – физическое подавление противника. В то же время информационные, психологические, образовательные мероприятия, способные дать результат

лишь в перспективе финансируются по остаточному принципу. В глобальном смысле основным направлением европейские страны видят в закреплении тенденций на перерождение архаичных норм ислама и его гармонизации с демократическими принципами. Кроме того, поддержка регионов с проживанием исламского населения и соответствующих гражданских институтов, и программ, а также рост культурно-просветительской деятельности в мусульманских сообществах могут подорвать распространение экстремистской идеологии. Эти положения справедливы и для Казахстана.

2. Экстремистская идеология получает широкое распространение в пенитенциарных учреждениях Европы и разрабатываемые ими программы, направленные на нейтрализацию этих процессов, не являются совершенными. Помимо совершенствования этих программ государству и организациям, занимающимся этой проблемой, необходимо выработать меры по достаточному финансированию программ и тщательному отбору специалистов, непосредственно осуществляющих реабилитационную работу.

3. Германия накопила достаточный опыт борьбы с экстремистскими и террористическими угрозами, а правоохранительная система страны отличается высокой степенью предупреждения террористических и экстремистских актов. В основном эти меры делятся на уголовно-процессуальные, административно-правовые, оперативно-агентурные и мирные инициативы. Несмотря на все принимаемые меры, исламский экстремизм в Германии по-прежнему остается значительной частью угроз террористического и экстремистского характера, вследствие чего формируется негативное отношение со стороны гражданского общества, как к миграционной политике властей, так и мигрантам в целом.

4. Самым важным направлением по противодействию религиозному экстремизму является профилактика, формы которой, применяемые в Германии и Великобритании получили распространение также и других странах Европейского Союза. В первую очередь, рассматриваются причины, побудившие человека принять экстремистскую идеологию, являются ли они материальными или эмоционально-психологическими. Поэтому разрабатываемые западными исследователями программы направлены в первую очередь на воспитание молодого поколения.

5. В среде мусульманских мигрантов в Германии возникло новое движение, направленное на создание основ коренного ислама на базе законодательства страны и ее традиционных ценностей. Этот шаг является попыткой формирования германской исламской идентичности, которая, как ожидается, станет серьезным политическим и мировоззренческим противодействием радикальному исламу. Отсутствие необходимых знаний становится благодатной почвой для распространения экстремистской идеологии. Приведенные инициативы рассматриваются в качестве либерального подхода к религии в виде стратегии по созданию местной исламской культуры, что содействует устранению противоречий между мусульманским и коренным населением Германии.

6. Правоохранительные органы Великобритании делают ставку на адресные удары по экстремистским субъектам и их сообществам. Немалая роль

отводится сознательным гражданам Британии, сообщаящим правоохранительным органам о подозрениях в отношении экстремистских побуждений некоторых граждан. Законодательные акты в Великобритании направлены, в основном, на комплексное предупреждение и пресечение религиозного экстремизма, в которые включаются нормы как материального, так и процессуального права. И при этом превентивным действиям уделяется особое внимание. Также, как и в Германии признается определяющим фактором идеологический компонент экстремистской деятельности, формирующий определенное мировоззрение.

Правительство страны уделяет большое внимание предупредительной деятельности региональных органов, берущих на себя инициативу религиозного и общенационального воспитания молодого поколения. В этом отношении осуществляется постоянная корректировка законодательного массива, регламентирующего деятельность по предупреждению распространения экстремизма в стране. В этом направлении осуществляются множественные тренинги среди местной администрации, работников культуры и образования, лидеров религиозных общин.

7. Программы противодействия религиозному экстремизму в Великобритании, во многом ориентированы на мусульманскую общину и потому несут за собой дискриминационный оттенок. Предвзятое отношение к мусульманской диаспоре вызывает в британском обществе настороженность, в особенности в регионах. Проблема состоит в широком толковании экстремизма без конкретного раскрытия его содержания, что позволяет полицейским органам причислять к экстремистским и террористическим действиям многие внешне легальные действия. В итоге под предлогом борьбы с терроризмом британское правительство осуществляет давление на своих политических оппонентов, что в свою очередь можно оценить, как экстремистские действия уже со стороны государства. Такие меры, напротив, вызывают негативное отношение мусульман к политической власти.

8. Законодательство Казахстана признавалось международными экспертами самым демократичным на постсоветском пространстве, республика построила собственную модель взаимоотношений государства и религиозных организаций на общепринятых принципах взаимопонимания и учета интересов. Пример Казахстана показывает, что множественность религиозных конфессий является преимуществом, посредством которого идет процесс взаимного обогащения культур и развития. Исходя из опыта европейских стран, в Казахстане разработаны мероприятия, направленные на совершенствование нормативной базы по законодательному регулированию противодействия и пресечения межрелигиозной и межэтнической розни. Принимались меры по разработке необходимых механизмов по профилактике религиозного экстремизма, проведению антитеррористических оперативно-розыскных и иных мероприятий с активным участием в международных соглашениях и координацией деятельности со многими государствами, в том числе со странами Европы. Подтверждением важной роли Казахстана в противодействии терроризму и экстремизму, а также в построении

межконфессионального диалога являются проводимые каждые три года Съезды лидеров мировых и традиционных религий. В итоге в Казахстане создана уникальная модель общества, основой которого является межэтническое и межконфессиональное согласие.

9. В настоящее время в Казахстане, как и Великобритании привлекают к работе по противодействию религиозному экстремизму и реабилитации неправительственные организации (НПО), при этом у властей Казахстана имеются определенные претензии к НПО в отношении исполнения их работы, поэтому качество деятельности НПО должно являться основным критерием их оценки. Необходима тщательная проверка деятельности НПО в сфере профилактики религиозного экстремизма, которая должна быть осуществлена на основе их функциональной направленности, закреплённой в законодательстве.

10. По опыту европейских стран предлагается изолирование заключённых экстремистов от других заключённых, что позволит снизить уровень распространения экстремистской идеологии в пенитенциарных учреждениях. Уголовно-исполнительным органам следует разработать систему мер по созданию условий для раскола среди заключённых-экстремистов. Личный состав исправительных учреждений должен пройти соответствующую образовательную подготовку с тем, чтобы иметь необходимую компетенцию в религиозных вопросах, что облегчит выявление среди осуждённых лиц, придерживающихся радикальной идеологии.

11. Признаётся ведущая роль духовенства в борьбе с религиозной экстремистской идеологией, для чего в пенитенциарных учреждениях должны быть созданы соответствующие условия. Руководствуясь примером массового внедрения информационно-коммуникативных технологий в странах Европы, представляется необходимым провести мероприятия по обучению лидеров мусульманских общин в Казахстане в овладении интернет-технологиями, в результате чего каждое объединение, придерживающееся традиционного ислама, будет иметь в социальных сетях свои аккаунты, что также будет способствовать противодействию религиозному экстремизму.

12. Анализ зарубежного опыта показывает необходимость профилактической работы, как на личностном, так и групповом уровнях. В этих целях наиболее целесообразной мерой является использование трех взаимосвязанных элементов по противодействию проявлениям экстремизма: религиозно-просветительского, психологического и адаптационного. Необходима разработка базовых программ по психологической коррекции индивида с формированием положительной социальной направленности в целях благополучной интеграции в общество.

13. История прихода ислама в Казахстан имеет глубокие корни и сегодня является преобладающей конфессией. Поэтому не все проекты стран Европы по противодействию религиозному экстремизму могут найти применение у нас. При реализации этих программ упор следует делать на информационно-пропагандистское воздействие, однако его содержательная сторона должна учитывать казахстанские реалии. Следует учитывать, что мусульманские

диаспоры в Германии и Великобритании, хоть и заняли определенное место в общественной жизни, но остаются сообществами с иной культурой и иными социально-психологическими ценностями. В отличие от европейских государств, в Казахстане такая проблема не просматривается, что значительно облегчает процесс информационного воздействия на лиц, склонных к экстремистской деятельности. Объектом идеологического воздействия в Казахстане являются в основном лица, являющиеся коренным населением, проживающим на этой территории и местная культура не является для них чуждой и непонятной. Противодействие религиозному экстремизму в Казахстане при наличии жесткой политической воли может быть гораздо менее затратным, как в финансово-организационном, так и психологическом плане.

14. Повышение религиозной грамотности в Казахстане имеет достаточный потенциал. Рост количества отечественных теологов-религиоведов, прошедших обучение в Казахстане позволяет обеспечить школы квалифицированными специалистами и усилить меры по увеличению религиозной грамотности населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема распространения религиозного радикализма как источника экстремизма и терроризма сегодня актуальна не только для отдельных государств, но и для международного сообщества в целом. Об этом свидетельствует значительный рост числа террористических актов, совершенных под влиянием радикальной религиозной идеологии и, как следствие, существенное увеличение причиняемого такими действиями ущерба. В такой ситуации необходимо изучение усилий различных государств по противодействию религиозному экстремизму и консолидации международного сообщества в этом направлении. Результаты таких исследований полезны для выработки практических рекомендаций, адаптации успешного зарубежного опыта в повышении эффективности применяемых мер.

В диссертационном исследовании изучена превентивная политика и практика в отношении религиозного экстремизма. Охарактеризованы уровни реализации стратегии «предотвращения», мероприятия и программы, входящие в ее отдельные направления и основные целевые аудитории, на которые они направлены. Также рассмотрена молодежная политика по борьбе с распространением религиозного радикализма, правительственные программы и инициативы гражданского общества антиэкстремистского характера. Определены сильные и слабые стороны политики противодействия религиозному экстремизму в Великобритании и Германии, разобраны основные аргументы критики превентивной стратегии.

Проведенное исследование подтвердило актуальность и научно-исследовательский интерес к всестороннему рассмотрению и изучению указанной темы, а также поиску возможностей адаптации зарубежного опыта. На основе анализа специальной литературы систематизирован и критически осмыслен опыт европейских стран (Бельгия, Испания, Франция, Швейцария) по вопросам религиозной сферы и противодействия религиозному экстремизму в целом, а Великобритании и Германии, в частности. В работе определены особенности и актуальные изменения правового регулирования противодействия экстремизму и распространению экстремистских материалов, в том числе в условиях активной «цифровизации».

Основная *цель* исследования – изучение теоретико-методологических основ религиозного экстремизма и особенностей его развития в европейских странах, а также политика противодействия религиозному экстремизму на примере Германии и Великобритании достигнута.

В рамках диссертационного исследования определены сущность и содержание понятий «радикализм» и «экстремизм», что оба термина употребляются в качестве синонимов, так как объединены одной целью – переустройством политической системы. Агрессивность и бескомпромиссность радикализма способствуют его постепенному перерастанию в экстремизм.

Анализ причин широкого распространения религиозного радикализма и экстремизма раскрывает наличие множества предпосылок к этому. Одним из таких факторов является именно радикальная религиозная пропаганда,

деструктивно воздействующая на сознание верующих. Вольное, буквальное толкование религиозных текстов порождает искаженный их смысл. Также, проявления религиозного экстремизма обусловлены социально-экономической, политической, идеологической ситуацией в обществе. Под влиянием глобализации в последние десятилетия происходит радикализация и политизация ислама, а миграционные процессы способствуют его экспорту в европейские страны. В то же время, агрессивная политика западных стран, навязывание ими своей цивилизационной модели вызывают обратную (негативную) реакцию исламского мира и создают благоприятную почву для распространения исламского фундаментализма и радикализма. Умело манипулируя сознанием мусульман, обостряя противоречия и конфликты, радикалы противопоставляют исламский мир Западу и призывают к бескомпромиссной, насильственной борьбе с ним.

Анализ политики противодействия религиозному радикализму и экстремизму в Германии и Великобритании показывает, что, хотя обе страны и имеют достаточный опыт борьбы с терроризмом, исламский экстремизм остается для них очень актуальной угрозой. Учитывая серьезную уязвимость перед такой опасностью, ее относят к, так называемой, «асимметричной угрозе», что требует соответствующей стратегии. Основой такой стратегии является психологическая и информационная борьба за влияние на мусульман, проживающих в этих странах. Основными методами декларируются не силовые действия, а подрыв идеологической базы религиозного экстремизма.

Несмотря на то, что мусульмане заняли определенное место в европейском обществе, они все же остаются людьми иной культуры. Некоторые проекты, реализуемые властями, ориентированы строго на мусульманскую общину и потому несут в себе дискриминационный оттенок. Такие меры вызывают негативное отношение мусульман.

Вместе с тем, самым важным направлением противодействия религиозному радикализму и экстремизму в Германии и Великобритании, как и других европейских странах, является профилактика. Разрабатываемые западными исследователями программы направлены, в первую очередь, на правильное воспитание молодого поколения. В обеих странах разрабатываются меры по формированию собственной исламской идентичности, которая позволила бы успешно ассимилировать ныне проживающих и вновь прибывающих мусульман в их европейское общество.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую научную *гипотезу*, что игнорирование религиозного фактора в ходе экспансии западной культуры на «мусульманский мир» способствовало обострению противоречий и стало одной из причин популяризации и распространения радикальной идеологии в исламском мире. При этом, несмотря на сложности интеграции коренного населения и мигрантов-мусульман, программы противодействия религиозному экстремизму в европейских странах имеют положительные результаты. Опыт европейских стран может быть полезен и для Казахстана.

Вместе с тем диссертационное исследование показало, что не все меры по противодействию религиозному экстремизму, применяемые западными

странами оптимальны и эффективны. В Казахстане опыт зарубежных стран должен использоваться с учетом специфики, экономических, политических, этнокультурных, в том числе религиозных особенностей нашей страны.

Как показало проведенное диссертационное исследование, научные изыскания в сфере противодействия религиозному радикализму и экстремизму имеют особое значение в объективной оценке религиозной ситуации, выявлению ее основных проблем и угроз, накоплению эмпирического опыта, а также выделению наиболее эффективных практик.

Кроме того, в противодействии распространению религиозного радикализма и экстремизма большее значение имеет образование. Система образования имеет большой потенциал в формировании устойчивого иммунитета к радикальной религиозной идеологии. Получение молодыми людьми образования, их просвещение, привитие им критического мышления может стать барьером для их вербовки в деструктивные религиозные течения и в целом минимизации экстремизма и терроризма во всем мире. И хотя, исследования некоторых ученых и экспертов показывают, что образовательные проекты в этой сфере часто основываются на предположениях (а не на строго проверенных моделях и теориях) следует также понимать, что отсутствие эмпирических данных, доказывающих эффективность образовательных программ, не может автоматически означать, что они неэффективны.

В завершение необходимо еще раз подчеркнуть, что религиозный радикализм и экстремизм как глобальную проблему, угрозу безопасности всему мировому сообществу можно победить только совместными усилиями всех стран, изучая и гибко, взвешенно применяя лучшие практики.

Сделанные **выводы** позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций.

1. Необходимо изучать и анализировать успешный зарубежный опыт по противодействию религиозному экстремизму и терроризму. Анализ международного опыта будет способствовать выявлению новых, более эффективных, а также совершенствованию существующих механизмов и практик. Результатом такой работы должна стать разработка в Казахстане стратегии «умной силы», способной минимизировать влияние радикальной идеологии исламистских течений на сознание молодежи.

2. Казахстанской системе образования следует изучать национальные образовательные программы европейских и других стран, направленные на противодействие распространению религиозного радикализма и экстремизма среди молодежи.

3. Необходима постоянная государственная поддержка отечественной школы религиоведов, теологов и исламоведов для повышения религиозной грамотности населения, формирования устойчивого иммунитета к радикальной идеологии, воспитания межконфессиональной толерантности.

4. Необходимо широкое содействие государственных и общественных организаций повышению информационно-коммуникационной компетентности теологов, лидеров мусульманских общин для их эффективной идеологической работы в интернет-пространстве. Успешное использование интернет-

технологий религиозными объединениями, придерживающихся традиционного ислама, наличие у них собственных каналов или аккаунтов в социальных сетях повысят эффективность работы по противодействию религиозному экстремизму.

Опыт Германии и Великобритании показывает целесообразность формирования собственной исламской идентичности, позволяющей гармонизировать местные ценности и традиции с ценностями и традициями мусульманских общин, вовлечь их в полноценную общественную жизнь. В Казахстане и, в целом в Центральной Азии, необходимо укреплять традиционную исламскую идентичность, основанную на ханафитском мазхабе, признающем местные национальные особенности, традиции и обычаи, что может сыграть решающую роль в решении проблем радикализма [275, с. 29-35].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 568 с.
- 2 Арыстанбекова А.Х. Глобализация. – Алматы: Дайк Пресс, 2007. – 304 с.
- 3 Тукумов Е.В. Религиозно-политический экстремизм как угроза региональной, национальной безопасности стран Центральной Азии: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Алматы, 2004. – 29 с.
- 4 Сулейменов Т.С. Казахстан и страны Восточной Европы: основные направления и перспективы сотрудничества. – Астана, 2008. – 180 с.
- 5 Шауметов А.Ф., Киманов А.М. Единая методика и индивидуальные программы по дерадикализации и ресоциализации лиц, подверженных влиянию радикальной религиозной идеологии: метод. пос. – Астана, 2017. – 72 с.
- 6 Сабдин А.К. Теологические нарративы дерадикализации: метод. пос. – Алматы, 2020. – 242 с.
- 7 Раздыкова Г.М., Павлова О.С. Социально-психологические аспекты реабилитации и реинтеграции женщин, эвакуированных из зон террористической активности: казахстанский кейс // Ислам: личность и общество. – 2020. – №2. – С. 61-65.
- 8 Тышкан К. Исследовательский дизайн. Современные подходы к исследованию этнического и религиозного разнообразия: учеб. пос. – Астана: ТОО «Мастер По», 2016. – 155 с.
- 9 Кенжетай Д.Т. Исламды саясиланудан сактау – зайырлы қоғам міндеті // <https://old.elorda.info/kk/interview/view/8807-dosaj-kenzhetaj-professor>. 25.02.2021.
- 10 Сатершинов Б.М. Ислам фобиясы және стереотиптер: монография. – Алматы, 2014. – 158 б.
- 11 Трофимов Я.Ф., Джуманова Г.Ж. Особенности проявления религиозного экстремизма в Казахстане и механизмы противодействия: монография. – Караганда: Болашак Баспа, 2014. – 144 с.
- 12 Косиченко А.Г. Религия: сущность и актуальные проблемы. – Алматы, 2012. – 220 с.
- 13 Бурова Е.Е. Тренды новой религиозности в современном Казахстане (опыт социогуманитарного измерения): монография. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения, 2014. – 200 с.
- 14 Муминов А.И. Религиозный экстремизм как угроза современному обществу (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2007. – 193 с.
- 15 Султангалиева А. Возвращение ислама в Казахстан. – Алматы, 2012. – 190 с.
- 16 Избаиров А.К. Классический ислам: история повторяется (две конфликтующие парадигмы средневековья и современности). – Астана, 2017. – 288 с.
- 17 Козырев Т.А. Ислам в Казахстане: идентичность, общество, государство // Казахстан-Спектр. – 2016. – № 2. – С. 19-36.

18 Кушкумбаев С.К. Ислам в Казахстане: между общностью и размежеванием // В кн.: Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. – Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017. – С. 24-34.

19 Карин Е.Т. Операция "Жусан". – Алматы: Print House Gerona, 2020 – 272 с.

20 Лаумулин М.Т. Эволюция восприятия террористической и экстремистской угрозы // Профилактика экстремизма. Успехи и трудности: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – С. 141-148.

21 Абишева М.А., Шаймергенов Т.Т. Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 6(48). – С. 50-64.

22 Сыдыкназаров М.К. Влияние пандемии Covid-19 на религию и религиозные практики // <http://religions-congress.org/ru/news/novosti>. 16.02.2021.

23 Садвокасова А.К. История межэтнических, межконфессиональных отношений в Республике Казахстан, включая историю наиболее крупных этносов: ОСН // edu.e-history.kz. 24.02.2021.

24 Оспанова А.Н., Рахматулин О., Утанов Б. Внешнеполитическая стратегия США в Центральной Азии в контексте борьбы с международным терроризмом // <http://www.rusnauka.com/pdf/252317.pdf>. 05.12.2020.

25 Каратаева Л. Драйверы насильственного экстремизма и проблемы противодействия вовлечению граждан в экстремистские и террористические сети // Профилактика экстремизма. Успехи и трудности: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – С. 14-28.

26 Черных И.А. Контртеррористические нарративы: практики Казахстана. В стране используется многосторонний подход // <https://perconcordiam.com/ru/>. 05.12.2020.

27 Онучко М.Ю. Религиозный экстремизм среди молодежи в Центральной Азии: особенности проблемы и пути решения // Центральная Азия и Кавказ. – 2019. – № 3. – С. 123-137.

28 Хакназар И. Некоторые особенности государственной политики Республики Таджикистан в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Профилактика экстремизма. Успехи и трудности: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – С. 40-49.

29 Толипов Ф. Узбекистан: исламский ренессанс и внутренняя дилемма безопасности // В кн. Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. – Алматы, 2017. – С. 14-24.

30 Бабаджанов Б. Мусульманские богословы ЦА против идеологии насильственного экстремизма и терроризма: способы аргументации и незапланированные эффекты // Профилактика экстремизма. Успехи и трудности: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – С. 72-91.

- 31 Денисенко Ю.О. Система оценки рисков и потребностей для организации работы с женщинами и детьми-репатриантами из зон террористической активности. – Нур-Султан, 2019. – 136 с.
- 32 Конусов Г.Т. Мусульманские религиозные институты в Казахстане: историко-религиоведческий анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. – Душанбе, 2012. – 139 с.
- 33 Мармونتова Т.В. Афганистан в системе региональной безопасности в Центральной Азии // <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/taisiya-marmontova-afghanistan-v-sisteme-regionalnoy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii>. 02.03.2021.
- 34 Решетняк А.В. Опасные сети: как бороться с онлайн радикализацией в Казахстане. – Алматы, 2018. – 33 с.
- 35 Koehler D. Understanding Deradicalization: Methods, Tools and Programs for Countering Violent Extremism. – NY.: Routledge, 2016. – 322 p.
- 36 Görzig C., Al-Hashimi K. Radicalization in Western Europe: Integration, Public Discourse and Loss of Identity among Muslim Communities. – NY.: Routledge, 2015. – 192 p.
- 37 Weggemans D., De Graaf B. Reintegrating Jihadist Extremist Detainees: Helping Extremist Offenders Back into Society. – NY.: Routledge, 2017. – 165 p.
- 38 Rocha I.M., Mendoza H.M.T. Jihadism, Foreign Fighters and Radicalization in the EU: Legal, Functional and Psychosocial Responses. – NY.: Routledge, 2018. – 278 p.
- 39 Ashour O. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements. – NY.: Routledge, 2009. – 222 p.
- 40 Dolnik A. Conducting Terrorism Field Research: A Guide. – NY.: Routledge, 2013. – 280 p.
- 41 Акимбеков С.М. История Афганистана. – Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого президента, 2015. – 848 с.
- 42 Bryson R. For Caliph and Country: Exploring How British Jihadis Join a Global Movement: report. – London, 2017. – 38 p.
- 43 Bryson R. Struggle over Scripture: Charting the Rift between Islamist Extremism and Mainstream Islam: report. – London, 2017. – 48 p.
- 44 White J. Terrorism and the Media: Reporting in the UK. – London, 2021. – 48 p.
- 45 Winterbotham E. How Effective Are Mentorship Interventions? Assessing the Evidence Base for Preventing and Countering Violent Extremism. – London, 2020. – 64 p.
- 46 Parsons I., Hockey Ch. Covid-19 and Preventing/Countering Violent Extremism: Challenges and Recommendations. – London, 2020. – 15 p.
- 47 Wallner Cl. Against the Clock: Can the EU's New Strategy for Terrorist Content Removal Work?: commentary // <https://rusi.org/commentary/against-clock-can-eu-new-strategy-terrorist-content-removal-work>. 30.02.2021.
- 48 Shahid Q. War on Terror & Siege of Pakistan: Betrayals and Conspiracies. – London: Free Media Publishers, 2008. – 478 p.
- 49 Примаков Е.М. Мир после 11 сентября и вторжение в Ирак. – М.: Изд. ПироговЪ, 2003. – 200 с.

- 50 Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. – Минск: Харвест, 2000. – 448 с.
- 51 Малашенко А.В. Надо ли бояться ислама? – М.: Весь Мир, 2017. – 144 с.
- 52 Добаев И.П. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма // Религия и общество. Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – № 4. – С. 3-9.
- 53 Добаев И.П. Священная война в исламе: сущность, идеология, политическая практика // Россия и мусульманский мир. – 2019. – №2(312). – С. 112-129.
- 54 Мирский Г.И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 6. – С. 31-37.
- 55 Мирский Г.И. Ислам, исламизм и терроризм // Зов предков. – 2004. – №14-17. – С. 20-23.
- 56 Нечитайло Д.А. Ислам в Германии // Ближний Восток и современность. – 2007. – № 31. – С. 91-115.
- 57 Нечитайло Д.А. Ислам в Великобритании // Ближний Восток и современность. – 2005. – №26. – С. 195-212.
- 58 Назиров Д., Назиров Н. У терроризма нет лица. – Атырау, 2013. – 816 с.
- 59 Муртазин М.Ф. Ислам и исламизм: пример трансформации религиозности в политику // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4.– С. 190-205.
- 60 Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. – М.: Учитель, 2019. – 144 с.
- 61 Ефимова Л.М., Сапронова М.А. Ислам в мировой политике в начале XXI века: учеб. пос. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 345 с.
- 62 Базаркина Д.Ю. Борьба с терроризмом в Великобритании // Современная Европа. – 2015. – №1. – С. 45-56.
- 63 Несправа Н.В. Радикальный джихадизм в Европе начала XXI ст.: монография. – Днепр: Днепр. гос. ун-т. внутр. дел, 2018. – 304 с.
- 64 Ахмадуллин В.А., Ахунов А.М. Исламский фактор в мировом историческом процессе (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Восточная Европа): учеб. пос. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 298 с.
- 65 Казанцев А.А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России: раб. тетрадь № 27/2016. – М.: НП «Российский совет по междунар. делам», 2016. – 40 с.
- 66 Амгар С., Ахунов А.М., Бабич И.Л. и др. Религии и радикализм в постсекулярном мире. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. – 326 с.
- 67 Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамур, 2003. – 237 с.
- 68 Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы: утв. Указом Президента Республики Казахстан от 20 июня 2017 года, № 500 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000500>. 01.03.2020.

69 Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы: утв. Указом Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года, № 280 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280/links>. 01.03.2020.

40 Закон Республики Казахстан. О религиозной деятельности и религиозных объединениях: принят 11 октября 2011 года, № 483-IV. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483>. 01.03.2020.

71 Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы: утв. 15 марта 2018 года, №120 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124>. 01.03.2020.

72 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Назарбаева Н. народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation. 01.03.2020.

73 Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». // <https://www.akorda.kz>. 02.03.2020.

74 Токаев К.-Ж. призвал мусульманских ученых объединиться против догматизма, радикализма и экстремизма // <https://kz.utro>. 02.03.2020.

75 Лапин А.В., Таракановский Г.Ю. К вопросу о сущности и содержании религиозного радикализма // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сб. тр. 4-го конгресса рос. исследов. – Благовещенск, 2018. – С. 324-328.

76 Самойлов С.Ф. К проблеме разграничения понятий социального и политического радикализма // Общество: политика, экономика, право. – 2008. – № 2. – С. 81-87.

77 Яхъяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. – 2012. – № 2. – С. 4-14.

78 Мухаметзянов И., Холоднов В., Нуриахметова Ф. К соотношению понятий «радикализм» и «экстремизм» в процессе формирования правосознания студенческой молодежи // Казан. пед. журн., 2016. – № 6. – С. 21-28.

79 Сенин И.Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. – 2008. – № 2. – С. 78-81.

80 Тушкова Ю.В. Отличия и сходства в понятиях радикализм и экстремизм в законодательстве и социальных науках Великобритании // Молодой ученый. – 2014. – № 5. – 435-437.

81 Кутузова Н.А. Религиозный радикализм и альтернативные социальные проекты // Религия и общество. Актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. тр. – Могилев, 2008. – С. 164-167.

82 Колов А.М. Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму: лекция. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2008. – 14 с.

83 Мартинович В.А. К проблеме определения понятия «религиозный экстремизм» // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – №3. – С. 74-82.

- 84 Backes U. Political Extremes. A conceptual history from antiquity to the present. – London: Routledge, 2010. – 313 p.
- 85 Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. – М., 2016. – 616 с.
- 86 Vanecko J.J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice // Sociological Analysis. – 1967. – Vol. 28(3). – P. 111-122.
- 87 Арестов В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. – Харьков: Высшая школа, 1987. – 149 с.
- 88 Liebman C. Extremism as a Religious Norm // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1983. – Vol. 22(1). – P. 75-86.
- 89 Marty M.E., Appleby R.S. An Interim Report on a Hypothetical Family // In book: Fundamentalisms Observed. – Chicago; London: Chicago University Press, 1991. – Vol. 1. – P. 814-842.
- 90 Prus R. Terrorism, Tyranny and Religious Extremism as Collective Activity: Beyond the Deviant, Psychological, and Power Mystiques // The American Sociologist. – 2005. – Vol. 36(1). – P. 47-74.
- 91 Wallis R. The cult and its transformation // In book: Sectarianism: Analyses of Religious and Non-Religious Sects. – London: Peter Owen; 1975. – P. 35-49.
- 92 Berger P.L. The Heretical Imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation. – NY.: Anchor Press, 1980. – 214 p.
- 93 Миклашевская А. Госдеп отметил роль Ирана и ИГ в мировом терроризме // Коммерсант. – 2016, июня – 3.
- 94 Лепёхин А.А. Религиозно-политический экстремизм и радикализм: понятие и истоки возникновения в прикаспийском регионе // Право и глобальный социум. – 2016. – № 1. – С. 54-59.
- 95 Шегаев И.С. Подходы к определению исламского радикализма // Вопросы политической науки: матер. 3-й междунар. науч. конф. – Казань: Бук, 2017. – С. 56-61.
- 96 Барановский В.Г., Наумкин В.В. "Мир веры" и "мир неверия": экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. – 2018. – №6. – С. 8-31.
- 97 Вялых В.В., Лазаров С.А. Политический аспект концепции географического детерминизма // Дискуссия. – 2015. – № 2(54). – С. 20-24.
- 98 Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. – М., 1995. – 23 с.
- 99 Бороздин А.Н. Радикализм как социально-политический феномен. // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 6. – С. 12-17.
- 100 Копылов И.А. Психологические аспекты современного исламского радикализма // Вестник Екатеринбургского института. – 2015. – №2. – С. 48-51.
- 101 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли // В кн.: Этносфера: история людей и история природы. – М.: Эксмо, 2012. – С. 3-8.
- 102 Сайфулин И.С., Жигульский А.В. Историческое развитие российского государства в условиях пассионарности, консолидирующей экстремальные факторы политического процесса. // Известия Саратовского университета. – 2014. – Т. 14, №2. – С. 121-125.

- 103 Исаев В.И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. – 2002. – Т. 1, №3. – С. 63-70.
- 104 Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991 гг.): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: ПроPILEI, 1995. – 400 с.
- 105 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8 Д. 530. Л. 1-87 (Доклад ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 октября 1930 г.). – М.: Изд. центр. ин-та рос. ист. РАН, 2008. – Т. 8. ч. 2. – С. 1458-1503.
- 106 Мамытов Т.Б. Идеиные и социальные истоки исламского радикализма и экстремизма // Известия ВУЗов. (Кыргызстан). – 2014. – №12. – С. 67-70.
- 107 Афанасьев Н.Н., Шукшин В.С. Исторические корни терроризма. – М., 2002. – 247 с.
- 108 Ермошина М.А. Исламский экстремизм как искажение традиционного ислама // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – №1-3. – С. 210–214.
- 109 Ермошина М.А. Современный экстремизм: сущность, формы, инструменты противодействия // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. – Ч. 2. – С. 22-24.
- 110 Яхьяев М.Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. – 2015. – Т. 6, №2(24). – С. 64-76.
- 111 Клачков П., Шмулевич А. Удар по террористической пирамиде. Религиозный экстремизм и противодействие ему в условиях современного мира // <http://www.apn.ru/publications/article21983.htm>. 20.09.2020.
- 112 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек // пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 588 с.
- 113 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 603 с.
- 114 Мажиденова Д.М., Шерьязданова К.Г. Теория международных отношений: учеб. пос. – Астана: Акад. гос. упр. при Президенте РК, 2016. – 104 с.
- 115 Рагимова А.Ф. Исламский фактор в мировой политике: оценка современных исследователей // Ceteris Paribus. – 2016. – №7-8. – С. 9-16.
- 116 Барышников Д.И. Конфликты и мировая политика. – М.: Восток-Запад, 2008. – 179 с.
- 117 Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Российская газета, 2012. – 384 с.
- 118 Ланда Р.Г. Культурно-историческая почва исламского экстремизма // Исламский фактор в истории и современности: сб. ст. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 28-41.

- 119 Левин З.И. Реформа в Исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. – М.: Институт востоковедения, 2005. – 230 с.
- 120 Мейер М.С. Историческая динамика исламской цивилизации // Исламский фактор в истории и современности: сб. ст. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 18-27.
- 121 Мирский Г.И. Ислам, исламизм и современность // Исламский фактор в истории и современности: сб. ст. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 164-171.
- 122 Руа О. Глобализированный ислам. – М.: Фонд Марджани, 2002. – 337 с.
- 123 Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века / пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2007. – 601 с.
- 124 Хазанов А., Ушаков В. Глобализация с человеческим лицом // Обозреватель. – 2006. – №10. – С. 122-127.
- 125 Хафед К. Запад и ислам в средствах массовой информации. Основы новой международной культуры общения / пер. с англ. – СПб.: Литера, 2000. – 213 с.
- 126 Бюрга Ф. Лицом к лицу с политическим исламом. – М.: Научная книга, 2003. – 258 с.
- 127 Стратюк В.И. Религия как фактор влияния на современные международные отношения // Молодой ученый. – 2016. – №11(38). – С. 152-156.
- 128 Афанасьев В.Ю. Исламский фактор в современной мировой политике // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2017. – № 18-2. – С. 159-163.
- 129 The Global Religious Landscape: A Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010 / Pew Research Center. – D.C., 2012. – 83 p.
- 130 Прогноз: к 2050 году каждый пятый житель Германии будет мусульманином // <https://aussiedlerbote.de/2019/07/prognosz-k-2050-godu-kazhdyj-ryatyj-zhitel-germanii-budet-musulmaninom/>. 21.12.2020.
- 131 Studie über Muslime in Deutschland. // <https://www.katholisch.de/artikel/29676-studie-ueber-muslime-in-deutschland-wie-steht-es-um>. 11.12.2020.
- 132 Religion – Christianity: Pentecostalism 2 July 2009 / British Broadcasting Corporation // https://www.bbc.co.uk/religion/religions/christianity/subdivisions/pentecostal_1.shtml. 21.12.2020.
- 133 Pouchard A., Laurent S. Quel est le poids de l'islam en France? // Le Monde. – 2015, janvier – 21.
- 134 Gross domestic product, nominal. // <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP>. 20.09.2020.
- 135 Демченко Д.А., Халилова Х.А. Религиозный фактор в международных отношениях: элементы системы, сферы взаимодействия и процессы легитимизации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – №11(90). – С. 111-113.
- 136 Валиахметова Г.Н. Исламский фактор в мировой политике: курс лекций. – Екатеринбург, 2013. – 124 с.

- 137 Малащенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Весь Мир, 2006. – 221 с.
- 138 Генеральная ассамблея ООН. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: декларация: утв. 25 сентября 2015 года // <http://docs.cntd.ru/document/420355765>. 22.09.2020.
- 139 Миняжетдинов И.Х. Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама // Религия и общество на Востоке. – 2019. – №3. – С. 222-248.
- 140 Четверикова О.Н. Оборотни, или Кто стоит за Ватиканом. – М.: Кислород, 2018. – 354 с.
- 141 Francis R. Religious freedom and Islamic terrorism // *Cruх Now*. – 2017, mai – 17.
- 142 Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremlzm.radicalizm.sokr.bibliograf>. 23.09.2020.
- 143 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО АСТ, 2003. – 603 с.
- 144 Валиахметова Г.Н. Исламский мир – Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Проблемы востоковедения. – 2014. – №4(66) – С. 7-11.
- 145 The World's Muslim: Religion, Politics and Society: Report // <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds>. 03.10.2019.
- 146 Паин Э.А. Способна ли демократия противостоять ксенофобии? Сравнение опыта США и России // Россия в глобальной политике. – 2012. – №6. – С. 62-76.
- 147 Бельский В.Ю., Олейник В.И. Концепция "умной силы" во внутренней политике противодействия исламскому радикализму в Западной Европе // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – №5. – С. 145-152.
- 148 Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. – М.: АСТ, 2013 – 444 с.
- 149 Nossel S. Smart Power // *Foreign Affairs*. – 2004. – Vol. 83, № 2. – P. 131-142.
- 150 Смысловой перевод священного Корана на русский язык / пер. с араб. Э. Кулиева. – Медина, 2010. – 1431 с.
- 151 Станет ли шариатский суд нормой закона в ЕС, США и России? // <https://ru.exrus.eu/Stamet-li-shariatsky-sud-normoy-zakona-v-YeS-SShA>. 25.12.2019.
- 152 Riley-Smith J. Rethinking the Crusades // In book: What Were the Crusades? – Ed. 4th. – San Francisco: Ignatius Press, 2009. – 136 p.
- 153 Документы II Ватиканского Собора / пер. с лат. А. Коваль. – М.: Paoline, 2004. – 710 с.
- 154 Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии // Политика и общество. – 2012. – № 2. – С. 62-71.

- 155 Саипова К.Д. Толерантность – как одна из форм борьбы против терроризма // Матер. всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика». – Уфа, 2019. – С. 312-316.
- 156 Декларация принципов толерантности: утв. резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>. 25.05.2020.
- 157 Мавляутдинов И.С., Озтюрк Х. Ислам и глобализация // В кн.: Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире. – Казань, 2017. – С. 7-19.
- 158 Лескова И.В., Селезнев И.А. К вопросу о противодействии распространению религиозного экстремизма среди заключенных в Западной Европе, России и СНГ // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 11-13.
- 159 Селезнёв И.А. Феномен радикального ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – № 6. – С. 43-45.
- 160 Мельник В.М. Терроризм как продукт информационного общества: государственность и глобальный тренд популизма / Матер. всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика». – Уфа, 2019. – С. 101-105.
- 161 Тульчинский Г.Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии ее формирования. // Философские науки. – 2011. – №7. – С. 23-28.
- 162 Stillerman J. The Sociology of Consumption: A Global Approach. Cambridge: Polity Press, 2015. – 224 p.
- 163 Бураева Л.А. Зарубежный опыт противодействия экстремизму и терроризму в интернет-пространстве. // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 283-285.
- 164 Штрафной удар: в Германии приняли закон об административной ответственности соцсетей за публикацию фейков // <https://russian.rt.com/world/article>. 29.10.2020.
- 165 Мухаметзарипов И.А. Программы дерадикализации в странах Европы: основные направления и проблемы, вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире // В кн.: Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире. – Казань, 2017. – С. 169-176.
- 166 Preventing Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism / Radicalization Awareness Network. – Brussel, 2016. – 301 p.
- 167 Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch. Deradicalizing Islamist extremists. – Santa Monica: RAND, 2010. – 244 p.
- 168 Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.
- 169 Кудряшова И.А. Ислам и глобализирующийся мир // Ислам – религия мира: матер. междунар. конф. – М., 2005. – С. 20-25.

170 Фукуяма Ф. Началась ли история опять? // <http://old.russ.ru/politics/20021112-fuku.html>. 29.09.2019.

171 Султанов Ш.З. Запад против ислама. В мусульманских странах гомосексуалистов сжигали на огне! // *Завтра*. – 2005, ноябрь – 23.

172 Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство / пер. с англ. – М., 2005. – 71 с.

173 Гамалельдин Ахмед А.А.М. Опасности терроризма в мире // Матер. всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика». – Уфа, 2019. – С. 381.

174 Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Вызовы и угрозы религиозного радикализма национальной безопасности постсекулярных обществ // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2016. – № 2. – С. 103-107.

175 Бешукова З.М., Прохоров П.А. Законодательные и правоприменительные аспекты противодействия экстремизму: анализ опыта Чешской Республики // *Российский следователь*. – 2011. – № 8. – С. 38-40.

176 Игнатов С.П. Противодействие экстремизму в странах Европы // *Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития: сб. науч. тр. по матер. междунар. заоч. студен. науч.-практ. конф.* – Липецк, 2017. – С. 539-543.

177 Кобец П.Н. Законодательные основы предупреждения терроризма в европейских странах и необходимость совершенствования российского законодательства с учетом международного опыта // *Международное публичное и частное право*. – 2009. – № 1. – С. 37-40.

178 Нурлыбаева К. Молодежный экстремизм и особенности противодействия со стороны полицейских служб Великобритании // *Российский следователь*. – 2011. – №10. – С. 33-36.

179 Terrorist or Not? The Political Organisations Banned in Britain // <https://ceasefiremagazine.co.uk>. 09.11.2019.

180 Тушкова Ю.В. "Исламское государство" и "Аль-каида" как детерминанты религиозного экстремизма Великобритании // *Общество: политика, экономика, право*. – 2017. – №8. – С. 27-30.

181 Jalabi R. Isis Video Threatening UK Claims to Show Paris Attackers in Syria and Iraq // *The Guardian*. – 2016, January – 24.

182 Dodd V. Isis Planning “Enormous and Spectacular Attacks”, Anti-Terror Chief Warns // <https://www.theguardian.com/uk-news>. 10.10.2020.

183 Спецслужбы Великобритании предотвратили около 13 терактов за четыре года // *Деловой Петербург*. – 2017, март – 6.

184 Грачев С.И., Сорокин М.П., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия: монография. – Н. Новгород, 2015. – 108 с.

185 A Conversation with the Right Honorable Theresa May // <https://www.cfr.org/event/conversation-right-honorable-theresa-may>. 16.09.2020.

186 The Times: «Аль-Каида» планирует серию атак в Европе // <https://eadaily.com/ru/news/2016/10/06>. 06.12.2020.

- 187 Белинский А.В. Троянский конь демократии? Салафитская община ФРГ: идеология, структура, деятельность, потенциал // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 3. – С. 142-163.
- 188 Лапин А.А. Мусульмане в Германии: проблемы интеграции // Вестник Московской международной академии. – 2015. – №4. – С. 119-129.
- 189 Ulfkotte U. Der Krieg in unseren Städten. – Frankfurt a. M.: Eichborn AG, 2003. – 435 s.
- 190 Verfassungsschutzbericht, 2005 / Bundesministerium des Innern. – Berlin., 2006. – Mai. – 195 s.
- 191 Das islamische Portal – Islamische Gesellschaft «Milli Görüs» // <https://www.kas.de/de/web/islamismus/die-islamische-gemeinschaft>. 01.10.2020.
- 192 Heerlein A. «Salafistische» Moscheen: Ort des Gebets oder eine Brutstätte für dschihadistische Muslime? // Im Buch: Gefährliche Nähe: Salafismus und Dschihadismus in Deutschland. – Stuttgart: Ibidem Verlag, 2014. – 169 s.
- 193 Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. – 2015. – №2.– С. 137-155.
- 194 Остапенко Г.С. Исламское сообщество Лондона и выборы мэром столицы мусульманина Садика Хана // Новая и новейшая история. – 2017. – № 3. – С. 118-131.
- 195 Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Противодействие исламскому экстремизму – основной принцип мировой безопасности // Перспективы социально-экономического развития России: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. – Чебоксары, 2020. – С. 7-13.
- 196 Асимметричная война // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. 09.11.2020.
- 197 Дериглазова Л. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // <https://intertrends.ru/old/twenty-three>. 09.11.2020.
- 198 Асимметричные угрозы // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. 09.11.2020.
- 199 Фролов И.Д. Терракты в Европе как пример кризиса европейской системы безопасности // Социально-политические науки. – 2017. – №5. – С. 27-30.
- 200 Хришкевич Т.Г. Организационно-правовые механизмы обеспечения антитеррористической безопасности в ФРГ в начале XXI в. // Метаморфозы истории. – 2017. – №9. – С. 93-108.
- 201 Gesetz zur Bekämpfung des Terrorismus, 19.12.1986 // <http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component>. 10.12.2019.
- 202 Щербанев Д.Ю. Внедрение обучения исламу в систему религиозного образования государственных школ современной Германии: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Р-на-Д., 2009. – 167 с.
- 203 Esposito J. Islam and Politics. Syracuse. – NY.: Syracuse University Press, 1991. – 297 p.
- 204 Науменко Е.А. Управление конфликтами: учеб. пос. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – 122 с.
- 205 Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus 09.01.2002 (Terrorismusbekämpfungsgesetz) // <http://www.bmi.bund.de/Shared>. 09.01.2021.

- 206 GSG 9 der Bundespolizei // [http://www.bundespolizei.de/ Web/DE/05Die-Bundespolizei/04](http://www.bundespolizei.de/Web/DE/05Die-Bundespolizei/04). 10.10.2020.
- 207 Безопасность Европы / под ред. В.В. Журкина. – М., 2011. – 377 с.
- 208 Die Strategie der Bürgerbewegung pro Köln // www.koeinganzrechts.de/prokoeln/strategie.html. 10.10.2020.
- 209 Mut zu Deutschland. Für ein Europa der Vielfalt // <http://afd-basche.de/images/PDF-Dateien/Europapro-gramm-der-AfD.pdf>. 10.10.2020.
- 210 Гонсалес Седилло Х.И. Роль мусульманской уммы в борьбе с ваххабизмом как политическим движением в России и Германии // Исламоведение. – 2019. – Т. 10, №1(39). – С. 5-16.
- 211 Jewett A. Detecting and Analyzing Propaganda // The English Journal. – 1940. – Vol. 29, № 2. – P. 105-115.
- 212 The Federal Government Strategy to Prevent Extremism and Promote Democracy // <https://www.bmfsfj.de/blob/115448/cc142d640b37>. 28.12.2019.
- 213 Race Relations Act 1976 // <http://www.opsi.gov.uk/>. 28.12.2019.
- 214 Тушкова Ю.В., Морозова А.С. Необходимость изменений в британской стратегии предотвращения терроризма и экстремизма // Глобальный научный потенциал. – 2015. – №10(55). – С. 121-127.
- 215 Бешукова З.М. Противодействие экстремизму в Великобритании // Национальная безопасность. – 2014. – № 6(35). – С. 973-983.
- 216 United Kingdom: Extremism & Counter-Extremism. // <https://www.counterextremism.com>. 02.11.2019.
- 217 Poushter J. Majorities in Europe, North America worried about Islamic extremism // <https://www.pewresearch.org>. 25.10.2019.
- 218 Joshi O., Evans J. British attitudes on national identity and religious minorities not unique in EU // <https://www.pewresearch.org>. 25.10.2019.
- 219 Lowles N. The state of hate-2019: people vs the elite. – London: Hope not hate, 2019. – 104 p.
- 220 Flampton M., Fisher A., Prucha N. The New Netwar: Countering Extremism Online. – London: Policy Exchange, 2019. – 131 p.
- 221 Commission presents its response to Antisemitism and a survey showing antisemitism is on the rise in the EU: press-release // <http://europa.eu>. 26.10.2019.
- 222 Тушкова Ю.В. Государственная политика противодействия экстремизму в Великобритании: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Казань, 2018. – 24 с.
- 223 Голованова Н.А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия // Журнал российского права. – 2014. – №4. – С. 102-111.
- 224 Bockstette C. Jihadist Terrorist Use of Strategic Communication Management Techniques // The Marshall Center Occasional Paper Series. – 2008. – №20. – P. 14-22.
- 225 Gearon L. The Counter Terrorist Classroom: Religion, Education, and Security // Religious Education. – 2013. – Vol. 108, №2. – P. 129-147.
- 226 Moulin D. Religious Education in England after 9/11 // Religious Education. – 2012. – Vol. 107, №2. – P. 158-173.
- 227 Prevent Strategy / под ред. – London: HM Government, 2011. – 116 p.

228 Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. и др. Особенности реализации государственной политики противодействия терроризму в Шотландии в контексте проблемы дискриминации британских мусульман // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2019. – Т. 9, №6. – С. 102-115.

229 Scotland's Muslims: Society, Politics and Identity / ed. by P. Hopkins. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. – 304 p.

230 Kundnani A. Spooked! How not to prevent violent extremism // <http://www.irr.org.uk/pdf2/spooked.pdf>. 03.11.2020.

231 Platt L. Exploring social spaces of Muslims // In book: Muslims in Britain: Making Social and Political Space. – Milton Park: Routledge, 2012. – P. 53-83.

232 Study on the best practices in cooperation between authorities and civil society with a view to the prevention and response to violent radicalization / The Change Institute. – London: The Change Institute, 2008. – 135 p.

233 About Us / The Aik Saath Team // <http://www.aiksaath.com/about-intro>. 12.11.2020.

234 Guidance C.D. Protecting vulnerable people from being drawn into terrorism: Statutory guidance for Channel panel members and partners of local panels. – London: HM Government, Crown, 2015. – 34 p.

235 Liht J., Savage S. Preventing Violent Extremism through Value Complexity: Being Muslim Being British // Journal of Strategic Security. – 2013. – Vol. 6, №4. – P. 48-52.

236 The United Kingdom's Strategy for Countering International Terrorism. 2019, March (incorporating the changes of the correction slip provided on 8 May 2019) // <https://security.homeoffice.gov.uk/news/publications/>. 11.05.2020

237 Greer S., Bell L. Counter-Terrorist Law in British Universities: A Review of the "Prevent" Debate // <http://www.bristol.ac.uk>. 30.12.2019.

238 Религии и радикализм в постсекулярном мире / под ред. Е. Филипповой, Ж. Радвани. – М.: Горячая линия-Телеком, 2017. – 330 с.

239 Khan I. Muslim and Jewish students forge friendship network // <https://www.theguardian.com>. 12.11.2019.

240 Хайнц Р., Бюринг О. Молодежь в центре внимания // Per Concordiam. – 2013. – Т. 4, №1. – С. 29-33.

241 Anderson D. Prevent strategy 'sowing mistrust and fear in Muslim communities' // <https://www.theguardian.com>. 01.12.2019.

242 Police teach anti-extremism classes in UK schools, fight radicalization // <https://www.rt.com/uk>. 10.12.2019.

243 Department for Communities and Local Government. Preventing Support for Violent Extremism through Community Interventions: A Review of the Evidence. – London: Department for Communities and Local Government, 2010. – 77 p.

244 Колосова И.В. Диалог религий в международных отношениях (на примере стран Центральной Азии). // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – №2(24). – С. 148-158.

245 Косиченко А.Г. Глобализация и религия // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 47-58.

246 Перечень зарегистрированных религиозных объединений, их филиалов (4 кв. 2020) / Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития РК // <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/152667?lang=ru>. 10.02.2021.

247 Бегалинов А.С., Бегалинова К.К. Об особенностях казахстанской модели толерантности в области межконфессиональных отношений // Человек: границы бытия: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2018. – С. 147-152.

248 Карин Е., Зенн Дж. Между ИГИЛ и Аль-Каидой: центрально-азиатские боевики в Сирийской войне. – Астана, 2017. – 312 с.

249 Сколько казахстанцев находится за решеткой в Сирии и Ираке?, 2018 год // <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-siriya-knb-otvet/29401029>. 28.03.2020.

250 В зонах конфликта Сирии и Ирака находятся 300 казахстанцев, 2019 год // <https://kapital.kz/gosudarstvo/75454/v-zonakh-konflikta-sirii>. 02.04.2020.

251 Проект отчета экспертов ПРООН по оказанию содействия в разработке проекта второго национального доклада по МПГПП Казахстан, 2013 года // <http://medialaw.asia/posts/04-12-2013/77134.html>. 07.09.2018.

252 Лаумулин М. Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии // Казахстан – Спектр. – 2018. – №3. – С. 116-119.

253 Закон Республики Казахстан. О противодействии экстремизму: принят 18 февраля 2005 года №31-III (с изм. и доп. по состоянию на 25.05.2020). – Алматы: Lem, 2020. – 12 с.

254 Каражанова Ж.К., Темиржанов А.А. К вопросу противодействия религиозному экстремизму в мировом сообществе // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. – 2017. – №1(33). – С. 44-47.

255 Садиков М.И., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2009. – 430 с.

256 Калилаханова К.Т. Материалы по основным вопросам религии: в помощь лектору для использования в работе с целевой группой государственных служащих, сотрудников государственных учреждений: сб. – Астана: АДР РК, 2014. – 275 с.

257 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информационно-коммуникационных сетей: принят 10 июля 2009 года, №178-IV // <http://adilet.zan.kz/rus/docs.16.11.2020>.

258 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия терроризму: принят 8 января 2013 года, № 63-V // <http://adilet.zan.kz/rus/docs.14.11.2020>.

259 Трофимов Я.Ф., Иванов В.А., Джуманова Г.Ж. Профилактика религиозного экстремизма в Казахстане. – Караганда: Болашак Баспа, 2014. – 144 с.

260 Закон Республики Казахстан. О государственном социальном заказе, грантах и премиях для неправительственных организаций в Республике

Казахстан: принят 12 апреля 2005 года, №36 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs.24.09.2020>.

261 Hodwitz O. NGO interventions: influences on terrorist activity // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. – 2016. – Vol. 10. Issue 1. – P. 1-26.

262 Spalek B., Lambert R. Muslim communities, counter-terrorism and counter-radicalisation: a critically reflective approach to engagement // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2008. – Vol. 36. – P. 257-270.

263 Рахимбеков М.М. Неправительственные организации как субъекты предупреждения религиозного экстремизма в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2018. – №4(53). – С. 190-197.

264 Богатик А. Казахстан привлекает НПО в борьбе с экстремизмом // http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2016/11/29/. 16.12.2019.

265 Денисенко Ю. Проблемы с привлечением НПО к работе по профилактике религиозного экстремизма // <https://www.facebook.com/yulia.denisenko.35/posts/1589806161065370>. 16.08.2020.

266 Абжекенова Н. Как бороться с вирусом радикализма в Казахстане, объяснил эксперт. Караван // <https://www.caravan.kz/gazeta/kak-borotsya-svirusom-radikalizma-v-kazakhstane-obyasnil-ehkspert-406137>. 24.08.2020.

267 Пьянников В.И. Меры противодействия религиозному терроризму и экстремизму в учреждениях УИС РК // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – №1(36). – С. 51-53.

268 Селезнёв И.А. Причины распространения радикального исламизма в делинквентной среде Западной Европы и России XXI в. // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. – 2017. – №1(5). – С. 44-55.

269 Яворский М.А. Причины радикализации осужденных в местах лишения свободы в России и за рубежом // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения. – Пермь, 2016. – С. 166-173.

270 Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200% // <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population>. 25.10.2020.

271 Пащенко И.В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. – 2016. – №12(14). – С. 26-33.

272 Гусев Л.Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы // Современные евразийские исследования. – 2016. – №3. – С. 7-12.

273 Нукежанов Е. Необходим профессиональный стандарт // Казахстанская правда // <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/neobhodim-professionalnii-standart>. 25.01.2021.

274 Калилаханова К.Т. Съезд Лидеров мировых и традиционных религий в меняющемся мире. // <https://ru.egemen.kz/article/255115-sezd-liderov-mirovykh-i-traditsionnykh-religiy-v-menyayuschemsya-mire>. 17.01.2021.

275 Айтжанова Д.А. Противодействие религиозному радикализму в Казахстане // Мемлекеттік басқару және қызмет. – 2018. – №4(67). – С. 29-35.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Глубинные интервью

Эксперт 1:

- *Что Вы можете в двух словах сказать о реабилитационном центре «Акниет» и его работе?*

- Общественный фонд «Информационно-пропагандистский и реабилитационный центр «Акниет» создан в январе 2014 года. Если говорить в общих словах – это неправительственная организация, занимающаяся профилактикой религиозного экстремизма и реабилитацией лиц, попавших под ее влияние.

- *Как ведется работа и есть ли положительные результаты?*

- За шесть лет мы уже наработали существенный практический опыт. Хотелось бы подчеркнуть, что в вопросе реабилитации единого, универсального подхода нет – каждый обратившийся к нам индивидуален и по-своему уникален. Поэтому мы стараемся подходить к каждому с различных позиций, например, через религиозное просвещение, психологическую коррекцию, меры социальной поддержки и воспитание патриотизма.

Большинство из тех, с кем мы проводили работу, отказываются от радикализма, со временем переходят на традиционные религиозные представления и адекватное восприятие светских принципов, но торопиться и гнаться за быстрыми показателями недопустимо.

Вот представьте: человек несколько лет проникнулся идеями радикализма, подвергался систематическому и комплексному убеждению и внушению, поэтому и выведение его из этого состояния требует симметричных временных ресурсов, а иногда и гораздо больших – вплоть до нескольких лет.

- *Какая категория граждан более подвержена деструктивной религиозной идеологии?*

- Обычно это те, кто практически не знаком с основами религии или имеют весьма поверхностные знания. В эту категорию, по нашим наблюдениям, входят, в первую очередь, молодежь и социально уязвимые слои населения. Как они туда попадают? Опять-таки – по незнанию. И зачастую свои пробелы в религиозных знаниях молодые люди пытаются восполнить через социальные сети. Несмотря на блокирование экстремистских сайтов и видеороликов, в Интернете достаточно материалов, которые целенаправленно изготавливаются международными террористическими организациями и центрами, с целью привлечения на свою сторону неокрепшие умы и сердца.

- *Были ли в Вашей практике случаи, когда человек, несмотря на все попытки вывести его из-под влияния, остается верен радикальным убеждениям?*

- К сожалению, люди, категорично не желающие отказываться от своих радикальных религиозных убеждений встречаются. В основном это лидеры и

так называемые активисты деструктивных групп, из числа осужденных за террористические и экстремистские преступления.

- *Можете рассказать на чем сосредоточена Ваша деятельность в настоящее время?*

- Направлений, как и планов, много. Правительством Казахстана Центру была поручена работа по реабилитации наших граждан, вернувшихся из Сирии, в рамках операции «Жусан». Люди, ставшие жертвами обмана со стороны идеологов деструктивных религиозных течений, долгое время находились в зоне боевых действий, нуждаются в серьезной реабилитации – многие пережили психологическую травму. По приглашению сотрудников государственных и правоохранительных органов проводим лекции и семинары, делимся практическим опытом, готовим методические и практические пособия. Также проводим реабилитацию осужденных за террористические и экстремистские преступления в исправительных учреждениях. Наша активность не остается незамеченной: опытом работы центра «Акниет» интересуются как в Центральной Азии, так и европейских странах.

- *Среди экспертов по дерадикализации популярен тезис о том, что вынужденные карантинные меры в период пандемии активизировали вербовочную деятельность онлайн и количество радикально настроенных верующих растет. Ведется ли статистика активных радикалов в нашей стране?*

- Хочется верить, что основной пик активности радикалов уже прошел, и сегодня мы работаем с последствиями распространения их пагубной идеологии. Мы не ведем подсчет радикалов, наша задача – проведение разъяснительной и реабилитационной работы с ними. Вместе с тем, основным способом профилактики по-прежнему остается воздействие на сознание и убеждения человека. И тут главная роль отводится семье, родители должны знать с кем общается их ребенок, разъяснять и прививать правильное отношение к религии.

Эксперт 2:

- *Как бы Вы оценили религиозную ситуацию в стране по 10-балльной шкале? Объясните почему? Какие есть проблемы в этой сфере?*

- Если по 10-ти балльной шкале, то 8 из 10. Объясню почему. Любое религиозное объединение, действующее на территории Республики Казахстан, рано или поздно начинает совершать ошибки. К примеру, в погоне за новыми адептами чаще всего является нарушение миссионерской деятельности на территории страны. За такие нарушения, РО в большинстве случаев несут административную ответственность. В целом же, религиозная ситуация на территории Казахстана стабильная вот уже второе десятилетие.

- *Как бы Вы оценили уровень религиозности населения РК в целом, а также в региональном разрезе и разрезе различных социально-демографических групп по полу, возрасту, национальности, региону проживания, уровню дохода и пр.?*

- Скажу сразу, уровень религиозности населения Казахстана по ранним социологическим исследованиям завышен. Эти показатели не соответствуют тому, что есть на самом деле. Если смотреть в разрезе регионов, то на юге и западе страны преобладают РО исламского направления. В северных, восточных и центральных регионах это уже неохристианские. К тому же социальных отличий нет, но при этом как бы это не казалось странным и неожиданным, в неохристианских РО более 60% адептов являются представителями казахской национальности. Даже на юге страны, где насчитывается более 3000 адептов Церкви свидетелей Иеговы, многие являются казахами. У них имеется свой пастор, литература, аудио и видеоматериалы на казахском языке. Это я говорю к тому, что делить по принадлежности к определенному социальному слою, этнической группы или возрасту бесполезно. Все зависит от активной деятельности местного РО.

- *Какие положительные сдвиги Вы наблюдаете во взаимоотношениях религий: развитие партнерских отношений, реальное совместное обсуждение насущных проблем и более качественное взаимодействие с уполномоченным органом в сфере религий?*

- То, что государство хорошо сотрудничает с РО это понятно. Также хорошо взаимодействуют и сами РО между собой. К примеру, в Казахстане как-то Лютеранская церковь пригласила к себе в гости представителей Римско-Католической Церкви, чего не бывает даже в западных странах, для них это нонсенс. Одним словом, идет полное взаимодействие и контакт между всеми РО страны.

- *Нуждается ли Казахстан в опыте других государств в вопросах взаимодействия с религиозными структурами? Имеется ли необходимость поиска советов и рекомендаций за рубежом?*

- Во-первых, Казахстан – это светское государство. И я неоднократно говорю, что у него свой путь развития – развития РО. А если смотреть на другие страны, то это значит чем-то понижать свой уровень развития, уровень знаний своих специалистов. Мы не должны на 90 % процентов смотреть как там у них, а развиваться самим. Не стоит слушать чьих-то советов, ну разве что только контактировать. У нас уже есть хорошие специалисты, своя наработанная схема, а остальное уже лишнее.

- *Насколько профессионально информация по вопросам религий подается в СМИ? Являются ли они для Вас источником информации? Можете привести примеры?*

- К сожалению наши СМИ не всегда адекватно подают информацию или освещают события на религиозную тематику. Почему-то каждый журналист пытается вложить в материал свое личное мнение, без опоры на какие-то факты или знания. Среди журналистов очень мало, можно сказать, даже нет специалистов, которые могли бы достоверно и правильно освещать эту тему.

- *Какие трудности подстерегают экспертов, желающих изучить религиозную сферу?*

- Для начала, чтобы стать профессиональным экспертом, нужно хорошо изучить ту сферу знаний и специализации, которая тебя интересует. Я уже неоднократно говорила, что невозможно стать экспертом по всем наукам, нужно выбрать определенную специализацию. Чтобы стать хорошим экспертом необходимо выбрать одно направление – ислам, неохристианство, традиционное христианство и т.д. Только тогда он становится высококлассным специалистом.

- Какова на Ваш взгляд ситуация с соблюдением прав верующих в пенитенциарных учреждениях?

- Опять же это мое личное мнение, мы допустили большую ошибку, когда закрыли в системе КУИС филиалы мечетей и храмов РПЦ (Русская православная церковь). Конечно, это было сделано чтобы исключить влияние нежелательных элементов из числа самих заключенных, но опять-таки это должны были пресекать сами надзиратели и воспитатели. В общем, религиозные права заключенных не нарушаются, они могут пригласить к себе священнослужителей по мере необходимости.

- Хотелось бы узнать Ваше мнение о состоянии системы образования по вопросам религий? Как Вы относитесь к введению предмета Религиоведение в светских учреждениях образования?

- Например, лет 5 назад некоторые имамы вообще не имели образования, теперь же чтоб им стать нужно иметь минимум среднеспециальное образование. Что же касается введения в 9 классах общеобразовательной школы предмета «Основы светскости и религиоведения» это первый шаг, хотя это необязательный предмет (факультатив) и за него не ставится оценка. Хотелось бы чтобы он стал обязательным предметом для учеников школ, и не с 9 класса, а даже с 7.

- Много опасений связано с развитием религиозного экстремизма и терроризма, что вы думаете по этому поводу? Какие опасности представляются наиболее актуальными?

- Тут двоякий вопрос, часто употребляя термины терроризм и экстремизм, мы прежде всего имеем в виду ислам, уделяя ему больше внимания. А ведь есть и неохристианские направления, да они не выходят так часто в свет, но они представляют не меньшую угрозу. Был несколько лет назад случай, когда такие элементы проникали в ряды военнослужащих РК. При виде тех же салафитов, по их виду мы хоть сидим в напряжении и ждем чего-то. А тут мы даже не понимаем возможную угрозу. Они привлекают так в свои ряды новых адептов. Тихо и незаметно. Были и РО, которые работали на государственных служащих, одним словом лоббируя их интересы. Вот на это следует обращать свое внимание специалистам и экспертам при будущих исследованиях.

- Что может делать государство в различных направлениях для предотвращения экстремизма?

- Прежде всего не поддаваться панике, бывает еще ничего не произошло и даже может быть не произойдет, но мы уже начинаем проводить какую-то

профилактическую работу. Направляем куда-то лекторов, иногда неподготовленных, которые больше могут навредить, нежели помочь. Поэтому для такой работы нужны профессиональные лекторы, прежде всего психологически подготовленные, умеющие работать с аудиторией.

- *Каково должно быть взаимодействие с другими странами и международными организациями?*

- Взаимодействие больше должно быть на информационном уровне или же 2-3 недельные стажировки. Где представители разных государств делились бы своим опытом. Больше даже практическая работа нужна, а так эти круглые столы и конференции никому неинтересны. Также и мы бы могли делиться уже своим опытом.

- *Казахстан активно взаимодействует со странами, чьи официальные религиозные доктрины у нас не приветствуются, что вы можете сказать по этому поводу?*

- Есть такая поговорка: «В чужой монастырь со своим уставом не лезут». Как они исполняют свои законы это уже их дело. Так и я лично не приветствую вмешательство других стран в дела нашего государства. То есть дружить одно, а указывать другое. Это их право, и это надо соблюдать.

Эксперт 3:

- *Что Вы можете сказать об Исламском научно-исследовательском комплексе «Аль-Азхар»?*

- «Аль-Азхар» – это крупнейший в мире научный фонд, обучающий мусульманскую молодежь. У нас обучается большое количество студентов из вашей страны и их отличает желание изучать науки и методы «Аль-Азхара». Они также занимают решительную антитеррористическую позицию. Аль-Азхар призывает других уважать и придерживаться религиозного, сектантского и идеологического плюрализма. Казахстанские студенты хотят учиться. Поэтому они стараются не только получить степень бакалавра, но и продолжить высшее образование.

- *Что Вы можете сказать о распространении деструктивных религиозных течений?*

- Они неправильно используют тексты Корана и Сунны. Они ссылаются на некоторые аяты Корана, объявляют такфир руководителям страны или убивают людей. Из-за непонимания науки и религии они не только вводят в заблуждение молодых людей, но и сбивают их с толку, они также не изучают ислам и используют тех, кто не понимает ислам.

- *Как по-Вашему можно эффективно бороться с распространением деструктивных религиозных течений?*

- Электронное информационное пространство, социальные сети и другие современные медиа и СМИ являются основными источниками информации для молодежи. Именно поэтому террористы используют эти средства для деятельности, направленной на мотивацию молодежи на экстремистскую и

террористическую деятельность. Считаю, что борьба с ними должна вестись в социальных сетях, потому что сегодня информация мгновенно распространяется повсюду. Важно помнить, что одна точка зрения подавляется только другой. Если нам нужно противостоять ДАИШ, мы должны ответить на обвинения, которые они используют для обмана молодых людей. После этого мы можем предоставить точную интерпретацию религиозных концепций через социальные сети, такие как Facebook и Twitter.

- *Как ДАИШ повлиял на ислам в арабском мире и Египте?*

- К сожалению, ДАИШ преступная группировка, сформированная в Сирии и Ираке, осуществляет различные террористические акты во имя ислама. Они неправильно поняли ислам. Ислам – религия мира и добра. В Коране Всевышний Аллах говорит: «Мы послали вас как милость к мирам». Эта милость не только для мусульман, но и для всего мира, независимо от религии и веры. Это потому, что в исламе есть основной принцип в отношении других религий, который упоминается в суре аль-Бакара: «В религии нет насилия». Потому что ислам – искренняя вера. Коран также содержит много информации о лицемерах. Они были во времена Пророка. А теперь эти негативные течения под видом ислама объявили войну и направили свое оружие на мирных людей – на основе какой религии они совершают эти преступления?! Эти преступники не имеют ничего общего с исламом. Ислам – последняя религия, посланная Богом, и наш Святой Пророк – последний пророк, поэтому наша религия включает в себя все достоинства предыдущих религий до Судного дня. Следовательно, никто не имеет права брать в руки оружие во имя ислама и совершать жестокие поступки по отношению к человечеству, мусульманам или кому-либо еще. То, что происходит сейчас, будь то в арабском мире или других странах, очень прискорбно. Это истина нашей религии, которая закреплена в Коране. Университет Аль-Азхар с тысячелетней историей призывает к традиционному исламу, миру, братству, прощению и уважению ко всему творению Бога. Ни один из выпускников аль-Азхара не присоединился к этим террористическим группам. Почему?! Потому что вуз призывает всю жизнь следовать срединному пути, традиционному исламу. В Коране Бог говорит: «Мы сделали вас последователями среднего пути». Таким образом, ислам способствует справедливости, равенству.

- *Какова роль женщины в исламе?*

- Хотя в исламе женщинам обязательно носить платок, ношение никаба для нее необязательно. А теперь мы видим женщин на улицах с полностью закрытыми лицами. Это не обязательно в исламском праве. В исламе разрешено, чтобы женщина закрывала лицо. В известном хадисе Пророка, когда Асма, дочь Абу Бакра, достигла половой зрелости, Пророк запретил ей носить открытую одежду и велел ей закрывать лицо и оба запястья. А теперь зачем женщине закрывать лицо?! Лицо женщины должно быть открыто для ее идентификации. Особенно в наше время. Совершаются различные преступления с использованием женских масок. Мужчина совершает преступление в черном, а другие считают его женщиной и не ждут от него

никакой опасности. Он выполняет свой злой план. Поэтому в наше время лицо женщины необходимо оставлять открытым. Однако в некоторых исламских странах никаб стал обязательным. Думаю, со временем все они исчезнут. Это связано с тем, что в исламе женщинам обязательно носить платок, а никаб – необязательно.

- В моем сердце Казахстан занимает особое место. Поэтому желаю народу Казахстана, Президенту всего наилучшего, развития, больших достижений.

Эксперт 4:

- Как в Турции молодые люди, решившие посвятить себя религии, получают высшее образование? Это делается свободно в любых вузах страны или же в строго определенных, под контролем государства?

- Да, контроль есть. Точнее это даже не контроль, а поддержка со стороны государства. Но это делается не для того, чтобы держать религию под колпаком, а больше для того, чтобы молодежь получила качественное религиозное образование. Скажем так, не попала в руки «неправильных учителей». Под этим я подразумеваю деструктивные религиозные течения. Вначале студенты (будущие имамы и т.д.) обучаются основам Корана. После они обучаются в специальных государственных школах «Имама Хатиба». При этом добавлю, что религиозные школы «Имама Хатиба» это чисто турецкая модель религиозного образования. Уже после этого они идут учиться дальше на теологические факультеты при вузах, под контролем государства. Также, помимо религиозных предметов, как я уже сказал, основ Корана, арабского языка, хадисов и т.д. в этих школах они обучаются одновременно и основным предметам, которые преподают в обычных светских школах. Это математика, физика, химия, биология, литература, психология, философия, иностранные языки. Мы (государство) считаем, что те ученики, которые обучались по выше названным религиозным и светским предметам, крайне реже попадают в сети адептов деструктивных религиозных течений. Дело в том, что, получив хорошее образование, они более устойчивы к таким сектам и у них высокий интеллект и кругозор.

- Тогда почему же, несмотря на это, в Турции все равно есть те, кто попадает в сети деструктивных религиозных течений? С чем, по Вашему мнению, это связано?

- Во-первых, в их сети попадают именно необразованные люди. Те, кто не умеет отделять черное от белого, скажем так. Во-вторых, за так называемыми деструктивными религиозными течениями стоят определенные политические силы, как внутри страны, так и за ее пределами. Так что тут дело даже не в религии, а больше в политике. Большой политике, заметьте. И такие политические силы под красивыми лозунгами заманивают, к сожалению, в свои ряды простых необразованных людей. Поэтому еще раз отмечу, образованные люди никогда не пойдут на поводу у экстремистов.

- А как в Турции поступают с теми, кто уже попал в сети деструктивных религиозных течений, пополнявшие ряды экстремистов? Ведется ли с ними какая-либо реабилитационная работа?

- Да, работа с такими лицами ведется. У нас в стране имеются специальные пропагандистские группы, в них входят специалисты психологи, социологи, теологи. Они работают в тюрьмах, где содержатся лица, осужденные за экстремизм и радикализм. Там они их не обучают чисто религии, эти специалисты именно работают с ними психологически. Стараются им помочь вернуться в привычный светский мир. Сейчас в Турции около 900 таких специалистов, которые работают с заключенными, пострадавшими от деятельности деструктивных религиозных течений.

- В Турции начинают работать с пострадавшими от деятельности деструктивных религиозных течений после того, как их осудят и отправят в тюрьмы?

- Мы ведем работу (профилактику) еще до того, как человек переступает черту и оказывается в тюрьме. У нас в каждом городе, к примеру, есть муфтияты. От их имени имамы работают с теми, кто сбился с пути, но еще не нарушил закон. Это тоже активная работа.

- У нас, к примеру, в Казахстане лица, сбившиеся с правильного пути скажем так, менее активно идут на контакт с имамами и членами информационно-разъяснительных групп. Их трудно сразу переубедить в обратном. А как кстати обстоят дела в профилактике с женщинами? Ведь экстремистами становятся не только мужчины?

- По первому пункту вопроса: да, таких сложно в чем-то переубедить, но работа не останавливается. Поэтому не одни имамы и теологи ведут работу. Психологи и социальные работники активно помогают им в этом. Тут ведь проблема и психологического характера. Насчет работы с женщинами. У нас в стране около 1000 женщин учителей, помимо них около 25 000 учителей-теологов. В общей сложности около 30 000 женщин учителей по религии и теологии (учат основам Корана). Все эти женщины-педагоги когда-то закончили факультеты углубленного изучения ислама. Они тоже ведут большую работу. В Турции 81 регион, в них 395 городов. И во всех этих городах есть специальные центры помощи только для женщин, состоящие из психологов, социологов, теологов, имамов.

- В эти центры обращаются уязвимые слои населения?

- Все, нет никакого деления. Всем, кому нужна помощь, могут обратиться в эти центры, и они ее обязательно получают.

- В эти центры, когда обращаются женщины, пострадавшие от деятельности деструктивных религиозных течений, по большей части это бедные или среди них бывают представители состоятельных слоев населения?

- Вообще именно женщин, пострадавших от деятельности ДРТ мало, даже если брать в целом по стране. Там низкая доля женщин. Как и у вас. Мы в этом вопросе схожи с Казахстаном. Конечно, если брать что мужчин, что женщин, это в основном люди из бедных слоев населения. К сожалению, они и

попадают в сети ДРТ. Кстати, в центры о которых я сказал выше, в большинстве они помогают у кого социальные, семейные и психологические проблемы. Но так как сейчас есть проблема с теми, кто пострадал от деятельности ДРТ, то и эти женщины обращаются в эти центры.

- У нас в РК есть примеры, когда ДРТ привлекали нуждающихся материальной помощью. Конечно, это обязанность государства, но по разным причинам оно не может решить все проблемы разом. А как обстоят дела в Турции? Власти страны всем нуждающимся помогают?

- Ну насколько я владею информацией на сегодняшний день, в Турции такие лица из ДРТ не оказывают помощь нуждающимся. Даже если вдруг они так начнут делать, то правоохранительные органы быстро об этом узнают и примут меры. И потом, у нас в структуре по делам религий по всей Турции работают около 150 000 сотрудников, годовой бюджет организации более 1,8 млрд. долларов США. Поэтому работу по профилактике ДРТ и финансирование с их стороны населения мы пресекаем. У нас четко все налажено и есть алгоритм действий, по которому мы работаем уже не первый год. Также у нас есть более 1000 представителей от Муфтията страны. Если Муфтияту что-либо нужно, к примеру, материально-технически, мы со своей стороны обязательно профинансируем. Также добавлю, в школах Имама Хатиба обучается 1,5 млн. учеников, а самих школ более 2 500 по стране. Книги там выдаются ученикам совершенно бесплатно. В стране есть 102 факультета исламоведения. В них работают более 20 000 профессоров и докторов наук. Зарплату им оплачивает государство. Отдельный у них бюджет уже от нашего УДР.

- Как у вас в Турции обстоят дела в плане взаимодействия УДР со СМИ?

- СМИ в нашей стране никогда не связывают терроризм и ислам в одно целое. Даже больше скажу, наши СМИ делают много работы, чтобы идеология других стран, группировок, как тот же ИГИЛ/ДАИШ не попали к нам. Наши СМИ тоже в какой-то степени ведут борьбу с ними на своем фронте. И это независимые СМИ. Также УДР активно сотрудничает со СМИ страны. Например, на наши частые брифинги приходят более 30 представителей разных СМИ. Одним словом, постоянно контактируем с ними. В ведении УДР Турции есть один государственный телеканал, три радиостанции (Diyanet Радио, Ku'ran Радио, Хадис Радио), которые и освещают всю нашу работу. Помимо этого, они ведут и просветительскую работу. Этот телеканал и радиостанции вещают не только в Турции, но и на все страны мира через спутник, ведь 99% граждан Турции мусульмане. Большую работу ведем и в Интернете. Соцсети мониторим.

- Какова статистика по распространению ДРТ в стране? Каковы результаты вашей работы по противодействию экстремизму?

- Как я уже выше сказал благодаря тому, что в наших школах Имама Хатиба учится более 1,5 млн учеников, а на теологических факультетах более 100 000 студентов, можно смело сказать, что роста нет. Фактически, как таковой проблемы экстремизма и терроризма тоже. В Турции с этим все

стабильно. У нас этой напасти нет! Может есть те, кто попал извне, но мы их выявляем сразу.

Эксперт 5:

- Сегодня появились те, кто, называя себя последователями салафов, утверждают, что только их путь и взгляды являются истинными. Так что такое салаф?

- С научной точки зрения, термин «салаф» означает предшественник, предок, который вытекает из хадиса Посланника Аллаха: «Лучшие из вас – это мое поколение. Затем следующие за ними. Затем следующие за этими. Затем следующие за последними». Пророк имел ввиду сподвижников, которые бок о бок с ним распространяли религию Аллаха, табиинов и таби ат-табиинов. Именно это первое поколение мусульман принято называть Салаф ас-Салихин – праведные предшественники. И не стоит путать их с теми, кто сегодня гордо называет себя салафитами, но при этом призывают мусульман к террору и насилию, бесчинству и раздору. Это псевдосалафиты. Подавляющее большинство последователей течений экстремистского толка придерживаются именно салафитских воззрений. К ним можно отнести запрещенные на территории Казахстана и других государств такие террористические организации как «ИГИЛ», «Аль-Каида», «Ат-такфир уаль-Хиджра», «Лашкар-е Тайиба», «Имарат Кавказ» и другие.

- В чем различие между первыми поколениями салафов и теми, кто сегодня называет себя салафитами?

- Одним из основных различий праведных предшественников Салаф ас-Салихин от современных салафитов является призыв последних отказаться от всех мазхабов и следовать путем сподвижников. По их логике, современные мусульмане настолько отдалились от истинной религии и последовали за мазхабом, что перестали следовать Корану и Сунне Пророка. В итоге методика современных салафитов привела к дроблению на более мелкие течения. Первое же поколение мусульман, напротив, призывало к единству и согласию, остерегало мусульманскую умму от смут и разногласий. Салафиты же приравнивают к кафирам тех мусульман, которые не совершают пятикратный намаз, а это верный путь к экстремизму. Как видим, современные салафиты не имеют никакого отношения к праведным предшественникам, кроме как прикрываются их светлым именем.

- Почему салафиты не признают ханафитский мазхаб, являющийся традиционным для казахов и других мусульманских народов? Разве Абу Ханифа, обучавшийся у сподвижников Пророка, не принадлежал к поколению праведных?

- В том то и дело. Они признают лишь своих шейхов, лидеров и основоположников идеологии. Другие ученые для них не имеют никакого значения, они отбрасывают их взгляды, методики суждений, считая всех

последователей мазхаба заблудшими, хотя истинным Салафом ас-Салихин был Абу Ханифа из числа табинов, который действительно видел сподвижников Пророка и обучался у них. С самого начала, когда человека пытаются приобщить к идеям салафизма, ему внушают, что истинный мусульманин это тот, кто придерживается пути сподвижников, живших во времена Пророка. Им вбивают в голову, что правильный ислам и вера якобы присущи только им, а мазхабы были придуманы людьми уже после сподвижников и сбили мусульман с верного пути. Тем самым закладывается неприятие имамов, служителей ДУМК, теологов, которые придерживаются ханафитского мазхаба.

- *Представители салафитского направления называют себя людьми, идущими по пути настоящих салафов, то есть сподвижников Мухаммеда...*

- Это большое заблуждение и самообман, потому что настоящими последователями салафов являются ашариты и матуридиты, которые придерживаются четырех канонических мазхабов – ханифизм, маликизм, шафизм, ханбализм. Нельзя забывать, что Пророк говорил о 73 течениях, из которых 72 – заблудшие. Если вникнуть в приведенный хадис (Воистину, моя община не объединяется в заблуждении, если увидите разногласия, то обязательно присоединитесь к большой группе, т.е. к большинству) и в статистику, то станет понятным, кто является большинством, а кто меньшинством, а на данный момент подавляющим большинством являются представители Матуридитской и Ашаритской школы.

- *Часто салафизм отождествляют с такфиризмом. Что такое такфиризм?*

- Такфиризм это деструктивная псевдорелигиозная идеология, присущая всем ответвлениям салафизма. Они вводят в заблуждение людей в вопросах веры и неверия, единобожия и приобщения сотоварищей Всевышнему. Прикрываясь такими лозунгами, как «чистый ислам», «чистый таухид» (единобожие), они тем самым вносят смуту в ряды молодежи. Само слово «такфир» означает провозглашение кого-либо неверным, обвинение в куфре (неверии). Что касается трактовки этого слова в шариате, то оно означает «безосновательное обвинение кого-либо в куфре, считать его кафиром (неверным)». Смута под названием «такфир» появилась еще во время правления халифа Али, она стала самой большой фитной смутьянов, которые впоследствии были названы «хариджиты» (обособленные). Хариджиты привнесли множество неправильных трактовок в акиду, тем самым прослыли как приверженцы самого вредоносного в истории ислама течения. Они сбились с прямого пути, и выдумали, что человек, совершивший большой грех, становится кафиром, выходит из лона ислама и будет вечно гореть в аду. Вследствие этого среди мусульман возникли разногласия. Основной причиной того, что некоторые молодые люди попадают в сети такфиризма, является то, что у них не хватает или вообще нет элементарной религиозной грамотности. Происходит это потому, что они не получают основные знания по религии в семьях, и в результате этого вынуждены искать информацию из разных источников, нередко принимая ложное учение за знание. В Казахстане

единственным учреждением по просвещению в сфере ислама являются непосредственно муфтият, мечети, медресе и сайты при ДУМК. Во всех ответвлениях салафизма существует понятие такфиризма, однако мадхалиты не озвучивают эту идею во всеуслышание, а распространяют только среди «своих». Это очень опасная тенденция. То есть они не считают мусульманами тех, кто не согласен с их акыдой. Конечно, все это – большая угроза единству всей казахстанской мусульманской уммы.

- *Давайте подведем итоги нашей беседы. Итак, чем опасна идеология салафизма для нашего общества и государства?*

- Люди, зараженные идеями салафизма, склонны к радикализации, проявлению чрезмерной агрессии к легитимному правительству, представителям других религий, светским гражданам. Для достижения своих политических целей они готовы использовать все средства, в том числе вооруженную борьбу. Салафизм изначально и всецело противоречит принципам и предпосылкам традиционного ислама (Ахль ас-Сунна). Особенность салафитов – оскорбление истинных исламских ученых, проявление сопротивления следованию мазхаба и подчинение лишь своим лидерам, непризнанным среди исламской уммы.

- *Какие действия предпринимает ДУМК в борьбе с деструктивными течениями?*

- Во-первых, со всех минбаров мечетей постоянно идут проповеди об опасности и пагубности деструктивных течений. Во-вторых, выпускаются книги и брошюры, раскрывающие суть этих идеологий, каналы и методы вербовки новых адептов. Наряду с этим, выходят в свет труды, посвященные традиционному направлению ислама, пропагандирующие ханафитский мазхаб. В-третьих, при ДУМК, как вы знаете, с 2013 года начал функционировать Совет улемов, который, основываясь на принципах ислама, занимается своевременным решением актуальных вопросов, касающихся общественной жизни мусульманина, принятием концептуальных документов и фетв. Также при ДУМК созданы информационно-пропагандистские группы, которые ведут работу с населением по профилактике экстремизма и разъясняют основы традиционного ислама. Это только часть мероприятий, которые проводятся ДУМК по борьбе с псевдорелигиозными течениями.

Вопросы для онлайн интервью с экспертом б:

1. *Что Вы можете рассказать об отношениях (взаимодействии) между государством и исламским сообществом? Какие аспекты этих отношений можно отнести к положительным, а какие к отрицательным?*

2. *Изменилось ли отношение британского общества к мусульманам за последние 5 или 10 лет?*

3. *Какие настроения преобладают в мусульманской общине британского общества? Каковы масштабы распространения радикальных взглядов в ней?*

4. Как власти (или органы правопорядка) определяют радикальность взглядов человека (или группы людей), после которых можно считать его экстремистом, способным на террористический акт? Какие меры предпринимаются в таких случаях?

5. Какие меры принимаются властями для профилактики распространения радикальных взглядов среди мусульманской части общества?

6. Каковы на Ваш взгляд 3 наиболее важных движущих фактора, способствующих конфронтации между государством и мусульманским обществом?

7. И наоборот, 3 наиболее важных движущих фактора, способствующих улучшению отношений и гармонизации британского общества?

8. Каковы движущие силы и причины успеха радикальных течений в распространении (расширении) радикальных взглядов в мире, в целом, и британском обществе, в частности?

9. Какие ресурсы должны быть задействованы и кого можно привлечь в решение процессов гармонизации отношений между мусульманской общиной и британским обществом?

10. Есть ли в Великобритании теологические учебные заведения (мусульманской направленности)? Если есть, то как осуществляется контроль их деятельности? Могут ли в британских мечетях работать проповедники, прошедшие обучение в других странах?

11. Какие меры принимаются властями в отношении реабилитации лиц с радикальными религиозными взглядами? Насколько отличаются протоколы такой работы для мужчин и женщин?

12. К профилактической работе в нашей стране, посредством различных СМИ, привлекаются теологи, религиоведы, представители духовенства и другие, однако до большей части представителей деструктивных течений разъяснительная информация просто не доходит, т.к. зачастую они даже не интересуются ею. Как вы привлекаете внимание такой аудитории, как вовлекаете их в реабилитационный процесс?

13. Возможно ли эффективно бороться с радикализацией без значительных финансовых вложений и жесткого контроля со стороны государства?

Концептуальные выдержки из ответов эксперта 6:

- В Великобритании государство и религия давно отделены друг от друга, поэтому государство здесь не контролирует религию, и нам позволено верить в конечном счете в то, во что хотим (свобода вероисповедания). Однако с точки зрения различных общин, исламская трактуется также, как и христианская индуистская и любая другая религия. Безусловно, есть положительные и отрицательные моменты, я думаю, что недавние нападения исламистского экстремизма вызвали напряженность в отношениях между государством и исламским сообществом. Кроме того, приток беженцев из

мусульманских стран также вызывает некоторую напряженность, однако я бы не сказала, что это отрицательно сказывается на взаимодействии.

- Это очень важно чтобы церковь или мечеть оставались независимыми, но при этом нельзя сказать, что эта сфера совсем не регулируется в Британии. Если провести параллель между англиканской церковью, то она регулируется не государством, а религиозными лидерами, которые внутренне регулируют эту сферу и оповещают государство о её работе в целом. Но я не могу сказать, что это происходит в исламском сообществе Великобритании. Как вы знаете в исламе очень много различных течений и это, скорее всего, представители мечети должны оповещать государство если какие-то радикальные идеи там распространяются. Это намного лучше, чем контроль со стороны государства.

- Сейчас многие члены парламента – мусульмане, они являются представителями мусульманской общины, они хорошо представлены во всем обществе (во всех институтах общества), они выступают и защищают позиции не только по политическим вопросам, но и религиозным. Поэтому я думаю, что СМИ могут как-то непроизвольно создавать картину напряженных отношений, но на самом деле я не думаю, что это имеет место, по крайней мере точно не так, как изображают некоторые СМИ.

- Существуют определенные группы или отдельные мечети, которые в последние годы пропагандируют экстремистские взгляды, и часто это не мечеть в целом, а отдельные лица в мечетях, которые были идентифицированы как лица с экстремистскими взглядами, они распространяют экстремистские идеи.

- В целом, это хорошая программа (Prevent), которая была создана при правительстве Тони Блэра. Однако, она получила и много критики из-за того, как она действует в государственном секторе, школах, больницах, университетах и тюрьмах. Власти создали программу «Prevent», для выявления лиц, возможно находящихся на пути к радикализму, в соответствии с которой в эту программу могут быть включены лица, которых просто подозревают в радикализме. В программе есть эксперты из разных областей. Для того чтобы оценить каждого индивида и возможные ожидания от него, они используют совершенно разные знания, не только религиозные, чтобы оценить чей-то уровень радикализма. Например, вы учитель математики и у Вас нет необходимого опыта, насколько достоверно вы можете определить радикальность человека, и насколько это будет эффективно? Указанный недостаток стал основным тезисом для критики программы со стороны британского общества.

- Я знаю некоторых людей, которые были экстремистами, они изменили свое мнение и теперь работают над противодействием экстремизму. И они действительно изменились, они умеренны и не пропагандируют экстремистскую интерпретацию исламского экстремизма. Это рискованный процесс, когда вы на 100% не уверены или не знаете, что они не являются экстремальными.

- В нашей стране мы не обращаем внимание на внешний вид мусульман. Носят они хиджаб или длинную бороду, это не означает, что они носители

экстремистских идей. Кроме того, если в школу поступает мусульманин, то ему предлагают «халал» меню в школьной столовой, предоставляются все возможности для мусульман и для всех религий одинаково, и совсем неважно, как они одеваются. Можно сказать, что из тех, кто носили никаб или длинную бороду, совсем единицы совершили террористические акты, то есть не внешний вид определяет уровень знаний человека.

- Радикализм и экстремизм в Англии начались задолго до террористических актов. Возможно, даже во время Афганской войны, когда множество британцев присоединились туда. Если говорить об арабской весне, то это было в 2011 году, а теракты в Лондоне были в 2005 и 2007 годах. То есть это нельзя связывать с арабской весной и беженцами, потому что основная часть беженцев влилась в британское общество и приняла наши ценности, они довольны этой жизнью и вовлечены в нее. То есть мы говорим, что уровень радикализации среди беженцев невысокий. В основном радикально настроенные лица – это люди, имеющие какие-то психологические проблемы, возможно пережившие трагедию. Наши спецслужбы стараются не распространять какую-либо информацию или статистику о количестве радикалов и их национальности. Зачем лишняя информация для СМИ.

- У нас прекрасные программы реабилитации, направленные на возврат к традиционному исламу, мирным воззрениям. Их опекают, религиозные лидеры поддерживают с ними связь, государство их материально поддерживает после выхода из тюрьмы, чтобы у них не возникло желания снова пойти по этому пути. То есть государство даёт ему такой выбор, идёт с ним на контакт, создает ему хорошие условия, чтобы он не вернулся к неправильным воззрениям. Что касается наших спецслужб, то они действительно делают большое дело по предотвращению террористических атак.

- В нашей стране мы привлекаем имамов в эту работу, только они могут быть авторитетом в религии. Если для радикалов ключевой элемент религия, то с ними на этом языке смогут разговаривать только богословы. Это самый лучший способ победить, а уже потом психологи, доктора и учёные. И ещё мы используем бывших экстремистов и террористов. Это очень полезно, когда они говорят, что неправильно интерпретировали религиозные догмы, спорят и дискутируют с ними. Как радикалы могут слушать нас, представителей других религий? Это должен быть авторитет, говорящий на их языке и ведущий праведный образ жизни. Конечно на 100% доверять бывшим экстремистам нельзя, но это человеческий фактор, всякое бывает, но этот метод довольно эффективен.

- Моё мнение, что в эту деятельность нужно вкладывать большие финансовые вложения. Конечно, это сложно. Государство привлекает специалистов, которые тратят свое время, а время – деньги. Если тратятся ресурсы специалистов, то и денежные вклады должны соответствовать, чтобы работа действительно велась на высоком уровне. Работа с такими людьми является стрессом, иногда сопровождается психологическим давлением, но если сейчас вкладывать в это огромные деньги, то в будущем это даст плоды и

сэкономит больше денег. При этом, нужно понимать, что здесь не нужны бесконечные вложения, выгоднее делать это на ранних стадиях, чем потом выделять больше денег на дерадикализацию. Вместе с тем, пример террориста, на лондонском мосту показатель сложности этой темы. Человек прошёл все программы дерадикализации и в тюрьме имеются все протоколы, согласно которым он отказался от радикальных взглядов, вышел из тюрьмы, но сразу же после освобождения совершает террористический акт. Поэтому программы дерадикализации никогда не могут гарантировать на 100% как он себя после этого поведет.

- Да, религиоведение – это обязательный предмет в Великобритании, но скорее всего это не процесс вовлечения детей в религию, а просто обучение основам мировых религий и это носит больше образовательный характер. Должен быть надёжный источник информации для молодежи, где они получают правильные и адекватные ответы на свои вопросы, тогда у них не возникнет необходимость искать каких-то религиозных авторитетов вне школы.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Результаты онлайн анкетирования учащихся школ Казахстана

241 ответ

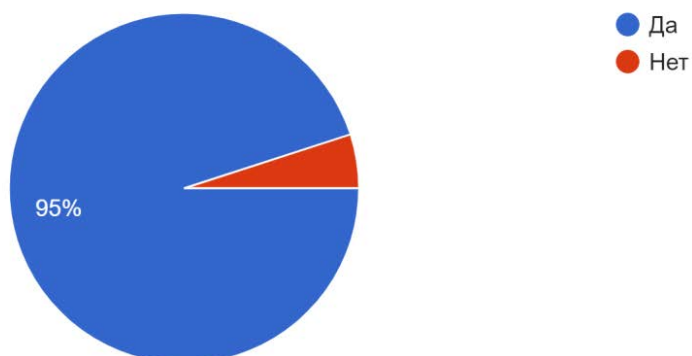

Рисунок Б.1 – Преподается (преподавался) ли у Вас предмет Религиоведение?

234 ответа

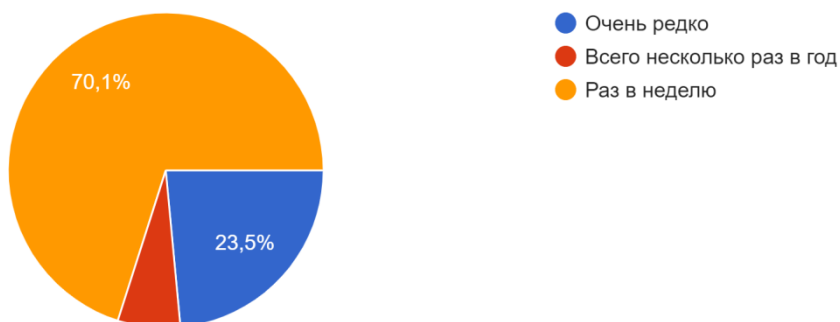

Рисунок Б.2 – Как часто преподается (преподавался) этот предмет?

238 ответов

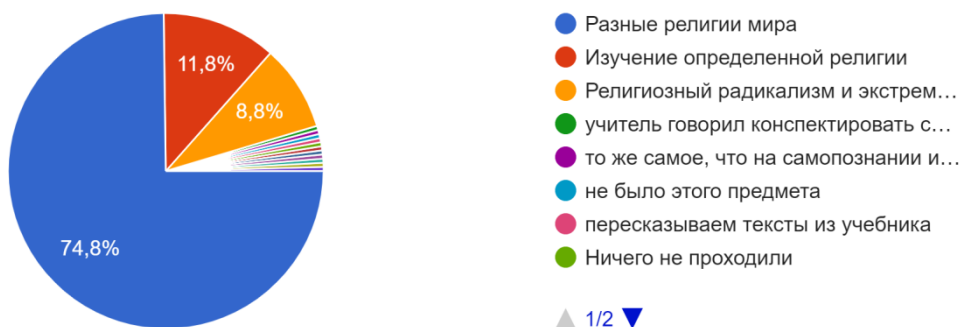

Рисунок Б.3 – Какие темы по этому предмету Вы проходили?

241 ответ

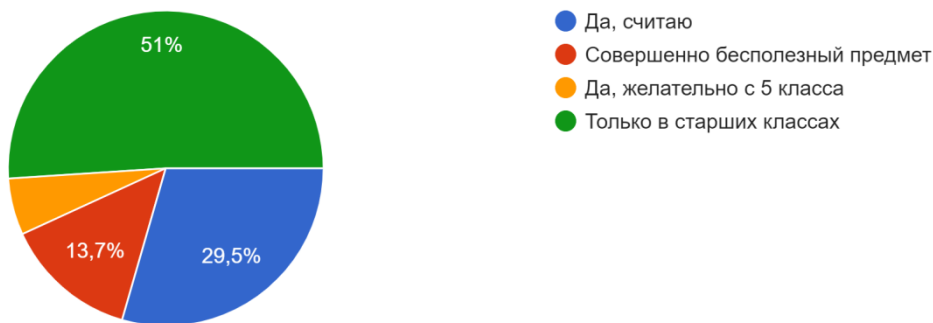

Рисунок Б.4 – Считаете ли вы необходимым изучать этот предмет в школе?

240 ответов

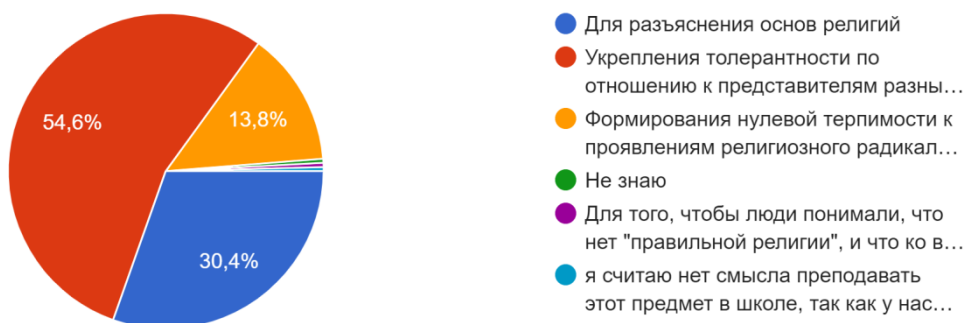

Рисунок Б.5 – Для чего необходимо преподавать этот предмет в школе?

237 ответов

Рисунок Б.6 – Насколько компетентен (был) учитель религиоведения?

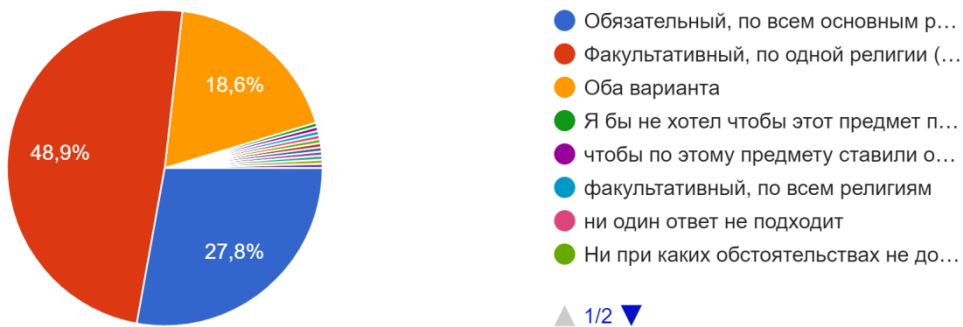

Рисунок Б.7 – В какой форме Вы бы хотели, чтобы этот предмет преподавался в школах Казахстана?

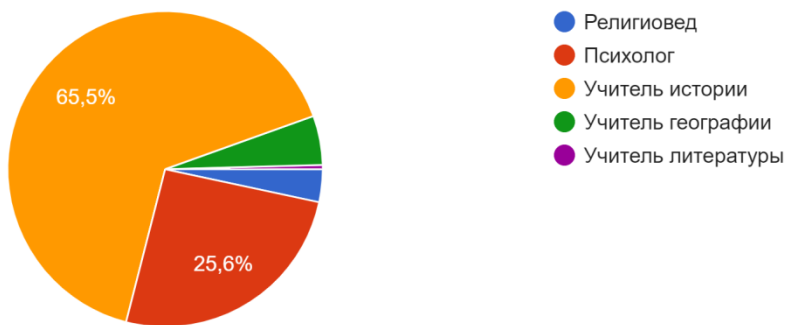

Рисунок Б.8 – Какой учитель преподавал религиоведение в Вашей школе?

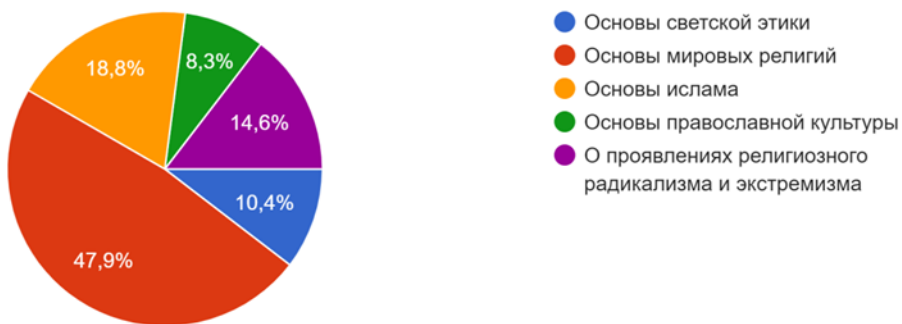

Рисунок Б.9 – Какой из следующих модулей вам было бы интересней изучать?